

ЭХО

הה

Отдельные стихотворения в переводе на русский Адольфа Гомана

1. [Из испанской поэзии](#)
2. [Из немецкой поэзии](#)
3. [Из ивритской поэзии](#)

[Из испанской поэзии](#)

Хорхе Манрике (1440–1479)

[Стихи на смерть его отца](#)

Jorge Manrique (España)

Coplas por la muerte de su padre

Хуан Боскан (1490-1542)

Кто говорит, что разлука порождает забвение

Juan Boscán (España)

Quien dice que la ausencia

Лопе де Вега (1562 – 1635)

[Сонет-экспромт](#)

Lope de Vega (España)

Soneto de repente

Густаво Адольфо Беккер (1836-1870)

Рифмы. XI

Рифмы. LIII

[Вечная любовь](#)

Gustavo Adolfo Bécquer (España)

Rimas. XI

Rimas. LIII

Amor Eterno

Рубен Дарио (1867-1916)

[Это неотвратимо](#)

Rubén Darío (Nicaragua)

Lo Fatal

Амадо Нерво (1870-1919)

В мире

Мадригал

Дельмира Агустини (1886-1914)

Невыразимое

Абрахан Вальделомар (1888-1919)

Tristitia

Эрнесто Нобоа-и-Кааманьо (1889-1927)

Предвечернее настроение

Габриэла Мистраль (1889-1957)

Баллада

Ласка

Альфонсина Сторни (1892 - 1938)

Жизнь

Федерико Гарсиа Лорка (1898-1936)

Романс о Гражданской гвардии Испании

Хорхе Луис Борхес (1899-1986)

Моменты

Шахматы II

Хорхе Манрике (1440–1479)

Стихи на смерть его отца

Amado Nervo (México)

En paz

Madrigal

Delmira Agustini (Uruguay)

Lo inefable

Abrahan Valdelomar (Perú)

Tristitia

Ernesto Noboa y Caamaño (Ecuador)

Emoción Vespéral

Gabriela Mistral (Chile)

Balada

Caricia

Alfonsina Storni (Argentina)

Vida

Federico Garcia Lorca (España)

Romance de la Guardia Civil Española

Jorge Luis Borges (Argentina)

Instantes

Ajedrez II

Jorge Manrique (España)

Coplas por la muerte de su padre

Опомнись, душа, от дремоты
И мозг пробуди понемногу.
Взгляни же,
Как жизнь прошла за минуту,
Как смерть подошла к порогу:
Нет тише.
Чему раньше каждый был рад,
Что было раньше так мило, -
Мучит нас.
Нынче кажется, на наш взгляд,
Всё лучше в прошедшем было,
Чем сейчас.

Хуан Боскан (1490-1542)

Кто говорит, что разлука порождает забвение

Кто говорит, что разлука порождает забвение,
сам всеобщего заслуживает забвения.
Если любишь истинно, верно, то, без сомнения,
разлука не забудется ни на мгновение.

Твоя память оживит каждое сновидение;
одинокость умножит заботы, волнения;
то, что возлюбленная сейчас в отдалении,
больше заставляет желать её, а не менее.

Раны, нанесённые душе, не заживают,
когда исчезает нанесший их взгляд;
нет, они душу денно и ночью терзают.

Ведь, если человека ножом поражают,
раны не заживут и болеть не прекратят
оттого, что он убежал; они жечь продолжают.

Recuerde el alma dormida
Avive el seso y despierte
Contemplando
Cómo se pasa la vida,
Cómo se viene la muerte,
Tan callando,
Cuán presto se va el placer,
Cómo, después de acordado
Da dolor,
Cómo, a nuestro parecer,
Cualquier tiempo pasado
Fue mejor.

Juan Boscán (España)

Quien dice que la ausencia

Quien dice que la ausencia causa olvido
merece ser de todos olvidado.
El verdadero y firme enamorado
está, cuando está ausente, más perdido.

Aviva la memoria su sentido;
la soledad levanta su cuidado;
hallarse de su bien tan apartada
hace su desear más encendido.

No sanan las heridas en él dadas,
aunque cese el mirar que las causó,
si quedan en el alma confirmadas.

Que si uno está con muchas cuchilladas,
porque huya de quien lo acuchilló,
no por eso serán mejor curadas.

Лопе де Вега (1562 – 1635)

Сонет-экспромт

Сонет мне Виоланта заказала;
Трудней нет в жизни ничего на свете:
Четырнадцать должно быть строк в сонете,
Тут заковырка с самого начала.

Непросто рифму отыскать, чтоб прозвучала,
Но для второй строфы есть на примете;
Когда я в первом окажусь терцете,
Катрены позади, и горя мало.

И, вроде, с правой я ноги вступаю
В терцет, в нём каждое мне ясно слово.
Последнюю строку вам предлагаю.

Теперь последний. Где же я? И снова
Я строки до тринадцати считаю...
Ах, их четырнадцать? Ну всё, тогда готово.

Густаво Адольфо Беккер (1836-1870)

Рифмы. XI

— Я жаркая, тёмная - символ страсти;
Ты всё забудешь, меня любя.
Со мной найдёшь ты радость и счастье.
Меня ты ищешь?
— Нет, не тебя.

— Мой бледен лоб, локон – струя золотая,
блаженство я дам и опору в судьбе,

Lope de Vega (España)

Soneto de repente

Un soneto me manda hacer Violante;
en mi vida me he visto en tal aprieto,
catorce versos dicen que es soneto,
burla burlando van los tres delante.

Yo pense que no hallara consonante
y estoy a la mitad de otro cuarteto;
mas si me veo en el primer terceto,
no hay cosa en los cuartetos que me espante.

Por el primer terceto voy entrando,
y aun parece que entra con pie derecho,
pues fin con este verso le voy dando.

Ya estoy en el segundo, y aun sospecho
que estoy los trece versos acabando:
contad si son catorce, y esta hecho.

Gustavo Adolfo Bécquer (España)

Rimas. XI

—Yo soy ardiente, yo soy morena,
yo soy el símbolo de la pasión;
de ansia de goces mi alma está llena.
¿A mí me buscas?
—No es a ti, no.

—Mi frente es pálida, mis trenzas de oro,
puedo brindarte dichas sin fin.

тебя, как сокровище, укрывая.
Ко мне ты взываешь?
— Нет, не к тебе.

— Я - призрак тумана и света; напрасно
ты будешь искать меня в мире мечты;
я неосвязаема, я бестелесна,
любить не смогу тебя.
— Да, только ты!

Густаво Адольфо Беккер (1836-1870)

Рифмы. LIII

Вновь вернутся весною ласточек стаи,
снова к балкону гнёзда свои прикрепят,
и, тёмными крыльями стёкол касаясь,
будут с тобой играть.

Но те, что полёт замедляли, увидев
твою красоту, полный счастья мой взгляд,
те, что имена уже наши узнали...
Те... не прилетят опять!

И жимолость вновь, по стене поднимаясь,
ветвями опутает крепкими сад,
и ещё краше в весенней прохладе
будет цветы распускать.

Но те, которыми мы любовались,
глядя, как капли росы в них дрожат
и, словно слезы дня, с них стекают...
Те... не расцветут опять!

Они вернутся, слова любви огневые,
лаская в ушах твоих зазвучат;

Yo de ternura guardo un tesoro.
¿A mí me llamas?
—No, no es a ti.

—Yo soy un sueño, un imposible,
vano fantasma de niebla y luz;
soy incorpórea, soy intangible;
no puedo amarte.
—¡Oh ven; ven tú!

Gustavo Adolfo Bécquer (España)

Rimas. LIII

Volverán las oscuras golondrinas
en tu balcón sus nidos a colgar,
y otra vez con el ala a sus cristales
jugando llamarán.

Pero aquellas que el vuelo refrenaban
tu hermosura y mi dicha a contemplar,
aquellas que aprendieron nuestros nombres...
¡esas... no volverán!

Volverán las tupidas madreselvas
de tu jardín las tapias a escalar,
y otra vez a la tarde aún más hermosas
sus flores se abrirán.

Pero aquellas, cuajadas de rocío
cuyas gotas mirábamos temblar
y caer como lágrimas del día...
¡esas... no volverán!

Volverán del amor en tus oídos
las palabras ardientes a sonar;

и, может быть, твоё сердце проснётся,
и будешь их страстно ждать.

Но любить, как я – нем, отрешён, на коленях,
как пред алтарём Бога, чей образ свят, –
так тебя никто никогда не полюбит...
Не стоит себя убеждать!

Густаво Адольфо Беккер (1836-1870)

Вечная любовь

В тумане навек может спрятаться солнце;
И море может мгновенно высохнуть вдруг;
Земная ось может сломаться однажды,
Словно хрупкий кристалл.

Всё это может случиться! Смерть может
Накрыть своим траурным крепом меня;
Но до скончания дней во мне не погаснет
Пламя твоей любви.

Рубен Дарио (1867-1916)

Это неотвратимо

Как счастливо дерево: чувства в нём проще, беднее;
тем более, камень, в котором вообще нет дыхания,
ведь боль жизни прочих болей всех намного сильнее,
нет большей печали, чем жизнь, суть которой - сознание.

Нам выпало быть и не знать ничего, быть бесцельно,
на всё то, что было и будет, закрывая глаза...
В опасении умереть завтра, в страхе смертельном
и в волнениях за жизнь или даже за тень её, за

tu corazón de su profundo sueño
tal vez despertará.

Pero mudo y absorto y de rodillas
como se adora a Dios ante su altar,
como yo te he querido...; desengáñate,
¡así... no te querrán!

Gustavo Adolfo Bécquer (España)

Amor Eterno

Podrá nublarse el sol eternamente;
Podrá secarse en un instante el mar;
Podrá romperse el eje de la tierra
Como un débil cristal.

¡todo sucederá! Podrá la muerte
Cubrirme con su fúnebre crespón;
Pero jamás en mí podrá apagarse
La llama de tu amor.

Rubén Darío (Nicaragua)

Lo Fatal

Dichoso el árbol, que es apenas sensitivo,
y más la piedra dura porque esa ya no siente,
pues no hay dolor más grande que el dolor de ser vivo,
ni mayor pesadumbre que la vida consciente.

Ser y no saber nada, y ser sin rumbo cierto,
y el temor de haber sido y un futuro terror...
Y el espanto seguro de estar mañana muerto,
y sufrir por la vida y por la sombra y por

то, что нам не известно, что мы лишь подозреваем...
Да, есть вкусное мясо, плоды, что мы собираем,
но есть и могила с похоронным букетом пустая...

Мы откуда, куда, что за краем?
Ничего мы не знаем!..

Амадо Нерво (1870-1919)

В мире

Жизнь, закат мой уж близок. Тебя благословляю!
Не сулила, и тщетных я надежд не питаю,
ни работы нечестной, ни наветов не знаю;

Я спокойно предвижу конец трудной дороги,
потому что в судьбе был сам строителем строгим;

из вещей рука часто мёд и желчь извлекала,
потому, что вложила желчь и мёд в них сначала,
и, сажая кусты роз, их цветы собирала.

... Цветы осенью вянут, и зима недалече,
но ведь ты не сулила, что мой май будет вечен!

Были ночи печалей и дорога крутая;
ты и не обещала мне спокойствия рая;
но была временами безмятежность святая...

Я любил, был любимым, солнце грело порою.
Ничего не должна мне! И мы в мире с тобою!

Амадо Нерво (1870-1919)

lo que no conocemos y apenas sospechamos,
y la carne que tienta con sus frescos racimos,
y la tumba que aguarda con sus fúnebres ramos,

¡y no saber adónde vamos,
ni de dónde venimos!...

Amado Nervo (México)

En paz

Muy cerca de mi ocaso, yo te bendigo, vida,
porque nunca me diste ni esperanza fallida,
ni trabajos injustos, ni pena inmerecida;

porque veo al final de mi rudo camino
que yo fui el arquitecto de mi propio destino;

que si extraje las mieles o la hiel de las cosas,
fue porque en ellas puse hiel o mieles sabrosas:
cuando planté rosales, coseché siempre rosas.

...Cierto, a mis lozanías va a seguir el invierno:
¡mas tú no me dijiste que mayo fuese eterno!

Hallé sin duda largas las noches de mis penas;
mas no me prometiste tan sólo noches buenas;
y en cambio tuve algunas santamente serenas...

Amé, fui amado, el sol acarició mi faz.
¡Vida, nada me debes! ¡Vida, estamos en paz!

Amado Nervo (México)

Мадригал

По твоим зелёным глазам я скучаю,
сирена, из тех, что мудрый Улисс любя
опасался, я знаю.

По твоим зелёным глазам я скучаю,
по зелёным глазам твоим, что ярче дня,
но порою они печально сияют;
по зелёным глазам, что покой свой храня,
тайн полны, как надежда, что всё ж питаю;
заклиная твоими глазами, сирена, себя
я всегда спасаю.

Дельмира Агустини (1886-1914)

Невыразимое

Я странно так умираю... Не Жизнь меня убивает,
Не Смерть меня убивает, и не Любовь сейчас;
От мысли немой умираю, как раненый умирает...
Вы никогда не страдали, боль не губила вас

От мысли огромной силы, что корни в жизни пускает,
Всю душу, плоть пожирает, но не цветёт хоть раз?
Вы никогда не носили спящей звезды, что сжигает,
Вас целиком поглощает, хоть её свет погас?..

Мучеников вершина, должных нести всё время
То иго, что душу сушит, то беспощадное семя,
Что, словно хищника зубы, в вашей застряло крови!..

Но, если мог бы нежданно чудный цветок проснуться,
Было бы святотатством этого чуда коснуться,
Как если б голову Бога взяли в ладони свои!

Madrigal

Por tus ojos verdes yo me perdería,
sirena de aquellas que Ulises, sagaz,
amaba y temía.

Por tus ojos verdes yo me perdería.
Por tus ojos verdes en lo que, fugaz,
brillar suele, a veces, la melancolía;
por tus ojos verdes tan llenos de paz,
misteriosos como la esperanza mía;
por tus ojos verdes, conjuro eficaz,
yo me salvaría.

Delmira Agustini (Uruguay)

Lo inefable

Yo muero extrañamente... No me mata la Vida,
No me mata la Muerte, no me mata el Amor;
Muero de un pensamiento mudo como una herida...
¿No habéis sentido nunca el extraño dolor

De un pensamiento inmenso que se arraiga en la vida
Devorando alma y carne, y no alcanza a dar flor?
¿Nunca llevasteis dentro una estrella dormida
Que os abrasaba enteros y no daba un fulgor?...

Cumbre de los Martirios!... Llevar eternamente,
Desgarradora y árida, la trágica simiente
Clavada en las entrañas como un diente feroz!...

Pero arrancarla un día en una flor que abriera
Milagrosa, inviolable!... Ah, más grande no fuera
Tener entre las manos la cabeza de Dios!

Абрахан Вальделомар (1888-1919)

Tristitia

*)

Моё детство было милым, кротким и грусти полным.
Оно давно соскользнуло в покой дальней деревни,
где чуть слышно шурша умирали лёгкие волны,
и звенел заунывно на церкви колокол древний.

От того моря мне меланхолии нота досталась,
от неба - тишина красоты его безмятежной,
от поцелуев моей матери - сладкая радость,
от смерти солнца - печали смутная нежность.

Голубым утром проснувшись, ещё не вставая,
я слушал пение волн, мелодию понимая,
ароматы дыхания моря спешил ощутить;
в душе моей живы его наставленья и чувства.

Отец мой был тихим, а мать всегда была грустной,
и никто не знал счастья, и не мог меня научить.

*) Tristitia – грусть (лат.)

Эрнесто Нобоа-и-Кааманьо (1889-1927)

Предвечернее настроение

Под вечер желание вдруг возникает
встать, уйти и уплыть куда-то бесцельно,
долго стоя на палубе корабельной
безмолвно, тихо, как день умирает;

И так по неведомым далям блуждая,
потом затеряться в пустыне без тени,

Abrahan Valdelomar (Perú)

Tristitia

Mi infancia, que fue dulce, serena, triste y sola,
se deslizó en la paz de una aldea lejana,
entre el manso rumor con que muere una ola
y el tañer doloroso de una vieja campana.

Dábame el mar la nota de su melancolía;
el cielo, la serena quietud de su belleza;
los besos de mi madre, una dulce alegría,
y la muerte del sol, una vaga tristeza.

En la mañana azul, al despertar, sentía
el canto de las olas como una melodía
y luego el soplo denso, perfumado, del mar,
y lo que él me dijera, aún en mi alma persiste;

mi padre era callado y mi madre era triste
y la alegría nadie me la supo enseñar.

Ernesto Noboa y Caamaño (Ecuador)

Emoción Vespéral

Hay tardes en las que uno desearía
embarcarse y partir sin rumbo cierto,
y, silenciosamente, de algún puerto,
irse alejando mientras muere el día;

Emprender una larga travesía

в таинственной дали морей беспредельной,
куда ещё люди дороги не знают.

Хотя хорошо ведь известно, что даже
в просторах морей за тобою, как стража,
печали последуют непременно,

Когда же мираж, тебя влѣкший, исчезнет,
то ночью, поднявшись из сизых волн бездны,
тебя соблазнят напоследок сирены.

Габриэла Мистраль (1889 - 1957)

Баллада

Он прошёл с другою;
мимо меня прошёл.
Как всегда, нежен ветер,
и на дороге покой.
Глаза мои - о, горе! -
видели, как он шёл!
Он покорён другою
на цветущей земле.
Он в боярышник входит... *)
Вот и песне конец.
Ведь он покорён другою
на цветущей земле.
Он целовался с другою
на морском берегу.
И скользила над морем
апельсином луна.
И не обагрися кровью
моею моря простор!
Он с другою, с другою
уйдёт навсегда.

y perderse después en un desierto
y misterioso mar, no descubierto
por ningún navegante todavía.

Aunque uno sepa que hasta los remotos
confines de los piélagos ignotos
le seguirá el cortejo de sus penas,

Y que, al desvanecerse el espejismo,
desde las glaucas ondas del abismo
le tentarán las últimas sirenas.

Gabriela Mistral (Chile)

Balada

El pasó con otra;
yo le vi pasar.
Siempre dulce el viento
y el camino en paz.
¡Y estos ojos míseros
le vieron pasar!
El va amando a otra
por la tierra en flor.
Ha abierto el espino;
pasa una canción.
¡Y él va amando a otra
por la tierra en flor!
El besó a la otra
a orillas del mar;
resbaló en las olas
la luna de azahar.
¡Y no untó mi sangre
la extensión del mar!

Будет ласково небо,
(Бог решит промолчать),
И с другою, с другою
он уйдёт навсегда!

*) В статье, посвящённой этому стихотворению, говорится, что Габриэла Мистраль намекает на какой-то известный анекдот, в котором свидание происходит в кустах боярышника. Ниже тоже приведена метафора с сексуальным подтекстом: луна – женщина, море – мужчина. Вообще, как кажется героине стихотворения, вся природа, да и сам Бог, на стороне неверного возлюбленного. (А.Г.)

Габриэла Мистраль (1889-1957)

Ласка

Мама, ты меня целуешь,
я же больше в сотни раз,
и за роем поцелуев
рассмотреть не смог тебя...

Как в цветок пчела проникает,
Крыльями не трепеща,
сына так же ты укрываешь,
и неслышно спит дитя...

Я всегда не уставая
на тебя смотрю любя,
и в твоих глазах читаю:
этот милый мальчик - я...

Как в пруду зеркальном видно
всё, что есть вокруг сейчас,
лица дочерей и сына
отразятся в бездне глаз.

El irá con otra
por la eternidad.
Habrá cielos dulces.
(Dios quiere callar)
¡Y él irá con otra
por la eternidad!

Gabriela Mistral (Chile)

Caricia

Madre, madre, tú me besas,
pero yo te beso más,
y el enjambre de mis besos
no te deja ni mirar...

Si la abeja se entra al lirio,
no se siente su aletear.
Cuando escondes a tu hijito
ni se le oye respirar...

Yo te miro, yo te miro
sin cansarme de mirar,
y qué lindo niño veo
a tus ojos asomar...

El estanque copia todo
lo que tú mirando estás;
pero tú en las niñas tienes

Зреньем острым наградила
сына, и ведёшь меня
следом за собой по небу,
через доли и моря...

Во время работы учителем Габриела Мистраль писала
«школьные» стихи. Это стихотворение из её книги «Нежность»
(1924).
Возможно она сочла, что одинаковая рифмовка всех строф сделала
бы его монотонным (А.Г.)

Альфонсина Сторни (1892 - 1938)

Жизнь

Мои нервы сошли с ума, в венах кипенье
крови, жидкий огонь к губам приливает,
и притворяется, улыбкой сияя,
всех ночных празднеств безумным весельем.

Я хочу смеяться без лавров мученья
и жертвы. Сегодня со мной не играют,
но я не горюю, а просто играю
с синей грустью, столь полной значенья.

Мир пульсирует; всё в нём так гармонично.
Я чувствую это и делаю личным,
повторяя волшебную серенаду.

Просто минуту назад я окно открыла,
и с лёгким ветром, на его тонких крыльях,
весна преподнесла мне солнце в награду.

Федерико Гарсиа Лорка (1898-1936)

a tu hijo y nada más.

Los ojitos que me diste
me los tengo de gastar
en seguirte por los valles,
por el cielo y por el mar...

Alfonsina Storni (Argentina)

Vida

Mis nervios están locos, en las venas
la sangre hierve, líquido de fuego
salta a mis labios donde finge luego
la alegría de todas las verbenas.

Tengo deseos de reír; las penas
que de donar a voluntad no alego,
hoy conmigo no juegan y yo juego
con la tristeza azul de que están llenas.

El mundo late; toda su armonía
la siento tan vibrante que hago mía
cuando escancio en su trova de hechicera.

Es que abrí la ventana hace un momento
y en las alas finísimas del viento
me ha traído su sol la primavera.

Романс о Гражданской гвардии Испании

Хуану Герреро

Черны коней их крупы,
чернее сёдел подковы,
а на плащах и куртках
чернил и воска разводы.
В их череп свинец заложен
(такой уже не заплачет),
душа - из блестящей кожи. *)
Во тьме они молча скачут.
В ночи едва различимы,
несут – без звука, без вида -
молчание тёмной резины
со страхом песка корриды.
Проносятся - путь не заказан! -
как мысли, храня по секрету
созвездья невидимых глазу
заряженных пистолетов.

*) символ Гражданской Гвардии Испании,
жандармерии - треуголка из чёрной
лакированной кожи (Википедия)

* * *

О город цыган столичный!
На каждом углу тут флаги.
Желтеют луна и тыква,

Romance de la Guardia Civil Española

*A Juan Guerrero.
Cónsul general de la Poesía*

Los caballos negros son.
Las herraduras son negras.
Sobre las capas relucen
manchas de tinta y de cera.
Tienen, por eso no lloran,
de plomo las calaveras.
Con el alma de charol
vienen por la carretera.
Jorobados y nocturnos,
por donde animan ordenan
silencios de goma oscura
y miedos de fina arena.
Pasan, si quieren pasar,
y ocultan en la cabeza
una vaga astronomía
de pistolas inconcretas.

* * *

на сладкое – вишня с малагой.
О город цыган привольный!
Всем, кто увидел, снится
мускуса город и боли,
под башнями из корицы.

* * *

Угас уже день воскресный
и ночь ночей потемнела,
цыгане в кузницах тесных
ковали солнца и стрелы.
И раненый конь в самом деле
стучался у каждой двери,
петухи стеклянные пели
под утро согласно поверью.
Дул ветер голый, горячий,
каким он родился вначале,
и серебристой ночью
ночь ночей наступала.

* * *

Иосиф Святой, Матерь Божья
цыган зовут: помогите,
где кастаньеты?! Быть может,
вы их случайно найдёте.
Идёт впереди Пресвятая
в платье из бязи в крахмале,
в фольге шоколадной ступает
и в ожерельях миндальных.
Иосиф же машет руками
под балахоном из шёлка,
и важный торговец за ними
с тремя волхвами с востока.
Сам полумесяц в азарте,

¡Oh ciudad de los gitanos!
En las esquinas banderas.
La luna y la calabaza
con las guindas en conserva.
¡Oh ciudad de los gitanos!
¿Quién te vio y no te recuerda?
Ciudad de dolor y almizcle,
con las torres de canela.

* * *

Cuando llegaba la noche,
noche que noche nochera,
los gitanos en sus fraguas
forjaban soles y flechas.
Un caballo malherido,
llamaba a todas las puertas.
Gallos de vidrio cantaban
por Jerez de la Frontera.
El viento, vuelve desnudo
la esquina de la sorpresa,
en la noche platinoche
noche, que noche nochera.

* * *

La Virgen y San José
perdieron sus castañuelas,
y buscan a los gitanos
para ver si las encuentran.
La Virgen viene vestida,
con un traje de alcaldesa
de papel de chocolate
con los collares de almendras.
San José mueve los brazos
bajo una capa de seda.

как аист, замер, не дышит,
а фонари и штандарты
уже захватили крыши.
В глуби зеркал отражаясь,
рыдают плясуньи без бёдер.
Вода и тень предвещают
цыганскому городу горе.

* * *

О город цыган! Ты слышишь?
Гаси окон свет зелёный,
сверни все флаги на крышах:
грядёт по делам оценённый!
О город цыган! Кто видел,
ты снишься до самого утра.
Вдали от моря, притихнув
ты спишь, разметавши кудри.

* * *

Они въезжают попарно,
а город весь разукрашен.
Бессмертников слабый запах
вторгается в патронташи.
Они въезжают попарно.
Внизу город в сумрак обёрнут,
а в небе пылают пожаром
блестящие звёздные шпоры.

* * *

А город страха не знает,
открыты его ворота,
и сорок гвардейцев въезжают
на поле жатвы короткой.

Detrás va Pedro Domecq
con tres sultanes de Persia.
La media luna, soñaba
un éxtasis de cigüeña.
Estandartes y faroles
invaden las azoteas.
Por los espejos sollozan
bailarinas sin caderas.
Agua y sombra, sombra y agua
por Jerez de la Frontera.

* * *

¡Oh ciudad de los gitanos!
En las esquinas banderas.
Apaga tus verdes luces
que viene la benemérita.
¡Oh ciudad de los gitanos!
¿Quién te vio y no te recuerda?
Dejadla lejos del mar,
sin peines para sus crenchas.

* * *

Avanzan de dos en fondo
a la ciudad de la fiesta.
Un rumor de siemprevivas
invade las cañutcheras.
Avanzan de dos en fondo.
Doble nocturno de tela.
El cielo, se les antoja,
una vitrina de espuelas.

* * *

La ciudad libre de miedo,

Но стрелки часов застыли,
коньяк в этот день весенний
глядит ноябрём в бутылках,
чтоб быть вне подозрений.
Вдруг крики, всполохи света
поднялись над флюгерами,
то сабли кромсают ветер,
в потёмках каски мелькают.
По улицам в тьме глубокой
цыганки бегут спасаясь,
ведя лошадей с собою
и медью монет бряцая.
Но вверх по уличным кручам
плащи зловещие следом,
и сабель-ножниц подручных
вращения едва заметны.

К вратам Вифлеема у храма
собрались цыгане рыдая.
Святой Иосиф изранен,
но мёртвую он обряжает.
Не колокол – ночью винтовки
трезвонят не переставая,
детей Богородица кротко
слюною звёзд исцеляет.
Разводят костры гвардейцы,
и там в пожаре и дыме
сгорают сейчас пламенея
нагие и молодые.
Стеная от жуткой боли,
сидит на пороге Роза:
ей груди клинком отрубили,
они лежат на подносе.
Бегут молодые цыганки,
за косы их ловят, за ворот,

multiplicaba sus puertas.
Cuarenta guardias civiles
entran a saco por ellas.
Los relojes se pararon,
y el coñac de las botellas
se disfrazó de noviembre
para no infundir sospechas.
Un vuelo de gritos largos
se levantó en las veletas.
Los sables cortan las brisas
que los cascos atropellan.
Por las calles de penumbra,
huyen las gitanas viejas
con los caballos dormidos
y las orzas de monedas.
Por las calles empinadas
suben las capas siniestras,
dejando atrás fugaces
remolinos de tijeras.

En el Portal de Belén
los gitanos se congregan.
San José, lleno de heridas,
amortaja a una doncella.
Tercos fusiles agudos
por toda la noche suenan.
La Virgen cura a los niños
con salivilla de estrella.
Pero la Guardia Civil
avanza sembrando hogueras,
donde joven y desnuda
la imaginación se quema.
Rosa la de los Camborios,
gime sentada en su puerta
con sus dos pechos cortados
puestos en una bandeja.

и чёрные розы не гаснут,
их запах разносит порох.
Когда все крыши вдоль склона
на землю легли бороздами,
как камень, застыл изумлённо
рассвет, пожимая плечами.

* * *

О город цыганского рая!
Уходят гвардейцы устало,
уходят в туннель молчанья.
Лишь миг, и тебя не станет.

О город цыганский! Если
и вспомнят тебя иные,
пусть ищут тебя в моих мыслях:
луну и песок корриды.

Пояснения – см. перевод П.Ильинского
<https://magazines.gorky.media/zz/2009/19/romans-ob-ispanskoj-zhandarmerii.html>

Хорхе Луис Борхес (1899-1986)

Моменты

Если бы я мог прожить свою жизнь снова,
в следующий раз я постарался бы сделать больше ошибок.
Не старался бы быть таким идеальным, я бы больше расслабился.
Был бы глупее, чем я был в этой жизни,
на самом деле, я очень мало вещей воспринимал бы всерьёз.
Вёл бы себя менее гигиенично.
Я бы больше рисковал,
больше ездил,

Y otras muchachas corrían
perseguidas por sus trenzas,
en un aire donde estallan
rosas de pólvora negra.
Cuando todos los tejados
eran surcos en la tierra,
el alba meció sus hombros
en largo perfil de piedra.

* * *

¡Oh ciudad de los gitanos!
La Guardia Civil se aleja
por un túnel de silencio
mientras las llamas te cercan.

¡Oh ciudad de los gitanos!
¿Quién te vio y no te recuerda?
Que te busquen en mi frente.
Juego de luna y arena.

Jorge Luis Borges (Argentina)

Instantes

Si pudiera vivir nuevamente mi vida,
en la próxima trataría de cometer más errores.
No intentaría ser tan perfecto, me relajaría más.
Sería más tonto de lo que he sido,
de hecho tomaría muy pocas cosas con seriedad.
Sería menos higiénico.

созерцал больше закатов,
поднялся бы на большее число гор, переплыл бы больше рек.
Я посетил бы больше мест, где я никогда не был,
ел бы больше мороженого и меньше бобов,
у меня было бы больше реальных проблем и меньше
воображаемых.

Я был бы из тех людей, которые проживают разумно
и плодотворно каждую минуту своей жизни.
Конечно, у меня были бы моменты радости,
но, если бы я мог вернуться, я бы попробовал сделать так,
чтобы это были только хорошие моменты.

Ведь вы не знаете, из чего состоит жизнь:
это - только моменты; Не упустите настоящего.

Я был одним из тех, кто никогда
никуда не ходит без градусника,
бутылки с горячей водой,
зонта и парашюта;
если бы я мог начать жить снова, я бы путешествовал налегке.

Если бы я мог начать жить снова,
я бы начинал ходить босиком
вначале весны
и ходил бы босиком до конца осени.
Я бы больше катался на каруселях,
созерцал бы больше рассветов,
если бы у меня была впереди другая жизнь.

Но, видите ли, мне 85 лет...
И я знаю, что умираю.

Хорхе Луис Борхес (1899–1986)

Correría más riesgos,
haría más viajes,
contemplaría más atardeceres,
subiría más montañas, nadaría más ríos.
Iría a más lugares adonde nunca he ido,
comería más helados y menos habas,
tendría más problemas reales y menos imaginarios.

Yo fui una de esas personas que vivió sensata
y prolíficamente cada minuto de su vida;
claro que tuve momentos de alegría.
Pero si pudiera volver atrás trataría
de tener solamente buenos momentos.

Por si no lo saben, de eso está hecha la vida,
sólo de momentos; no te pierdas el ahora.

Yo era uno de esos que nunca
iban a ninguna parte sin un termómetro,
una bolsa de agua caliente,
un paraguas y un paracaídas;
si pudiera volver a vivir, viajaría más liviano.

Si pudiera volver a vivir
comenzaría a andar descalzo a principios
de la primavera
y seguiría descalzo hasta concluir el otoño.
Daría más vueltas en calesita,
contemplaría más amaneceres,
y jugaría con más niños,
si tuviera otra vez vida por delante.

Pero ya ven, tengo 85 años...
y sé que me estoy muriendo.

Шахматы II

Слабый король, хитроумный епископ*, ферзь злобный,
прямая ладья, пешка хитрая - вместе, всё боле
разъярясь, на битву по чёрно-белому полю
ведут за собою фигуры, что войску подобны.

Они не знают: рукою игрок, сидя удобно,
направляет движенья фигур согласно их роли.
Не знают того, что ходы целиком в его воле,
непреклонной, дающей приказы чётко, подробно.

Сам же игрок находится всё время в заключение
(Омару принадлежит идея и предложение)
на другой доске из белых дней и из чёрных ночей.

Бог двигает игрока, игрок ставит фигуру.
Какой бог, за богом стоящий, создал партитуру
из агонии, пыли и времени, сна и огней?

Из немецкой поэзии

Некто из Кюренберга (XII век)

Я сокола растила

Неизвестная дама (XII век)

Ты ведь мой, я — твоя

Jorge Luis Borges (Argentina)

Ajedrez II

Tenue rey, sesgo alfil, encarnizada
reina, torre directa y peón ladino
sobre lo negro y blanco del camino
buscan y libran su batalla armada.

No saben que la mano señalada
del jugador gobierna su destino,
no saben que un rigor adamantino
sujeta su albedrío y su jornada.

También el jugador es prisionero
(la sentencia es de Omar) de otro tablero
de negras noches y de blancos días.

Dios mueve al jugador, y éste, la pieza.
¿Qué Dios detrás de Dios la trama empieza
de polvo y tiempo y sueño y agonía?

Der von Kürenberg

Ich zog mir einen Falken

Unbekannte Dichterin des 12. Jahrhunderts

Du bist mein, ich bin dein

Мартин Опиц

[Сонет XXI](#)

Пауль Флеминг

[К самому себе](#)

Андреас Грифиус

[Скорбный плач опустошённой Германии](#)

[Страдания человеческие](#)

[Всё напрасно](#)

[Вечер](#)

[К звёздам](#)

Кристиан Хофманн фон Хофмансвальдау

[Бренность красоты](#)

Маттиас Клаудиус

[Человек](#)

Иоганн Вольфганг Гёте

[Ночная песня странника II](#)

Людвиг Тик

[Где медлишь, любимый?](#)

Клеменс Брентано

[Я знаю, любишь ты во мне](#)

Martin Opitz

Sonnet XXI

Paul Fleming

An sich

Andreas Gryphius

Traurklage des verwüsteten Deutschlands

Menschliche Elende

Es ist alles eitel

Abend

An die Sternen

Christian Hofmann von Hofmanswaldau

Vergänglichkeit der Schönheit

Matthias Claudius

Der Mensch

Johann Wolfgang von Goethe

Wanderers Nachtlid II

Ludwig Tieck

Geliebter, wo zaudert

Clemens Brentano

Ich weiß wohl, was du liebst in mir

Людвиг Ахим фон Арним

[Как спать? Так много света](#)

Джастин Кернер

[Что тебе, то и мне](#)

Йозеф Фрайхер фон Эйхендорф

[Сломанное колечко](#)

Генрих Гейне

[Из старых сказок](#)

Николаус Ленау (1802-1850)

[Поэма «Альбигойцы» \(начало\)](#)

[К меланхолии](#)

[К ветру](#)

[Уходя \(Песня эмигранта\)](#)

[Короткие стихотворения](#)

Эдуард Мёрике

[Дерзай!](#)

[Подумай, о душа!](#)

Фердинанд Фрейлиграт

[Люби, пока хватает сил!](#)

Хуго фон Гофмансталь

Ludwig Achim von Arnim

Mir ist zu licht zum Schlafen

Justinus Kerner

Wie Dir, so mir

Joseph Freiherr von Eichendorff

Das zerbrochene Ringlein

Heinrich Heine

Aus alten Märchen winkt es

Nikolaus Lenau

Das Gedicht “Die Albigenser” (der Anfang)

An die Melancholie

An den Wind

Abschied (Lied eines Auswandernden)

Kurze Gedichte

Eduard Mörike

Nur Zu!

Denk es, o Seele!

Ferdinand Freiligrath

O lieb’, solange du lieben kannst!..

Hugo von Hofmannsthal

Die beiden

[Двое](#)
[Что такое мир?](#)

Райнер Мария Рильке

[Осенний день](#)
[Песня нищего](#)

Вильгельм Буш

[Внешний вид и реальность](#)

Некто из Кюренберга (XII век)

Я сокола растила

Я сокола растила больше года с тем,
чтоб птицей стал ручной, послушной мне совсем;
и обвила я перья лентой ему златой, -
он вихрем взвился в воздух и в край умчался другой.

Могла им любоваться я недолго;
Блестели в небе ярко петельки шёлка.
Он, золотом сияя, солнце мне смог затмить...
С тем, по кому тоскую, дай, Боже, вместе быть!

Некто из Кюренберга, старейший из поэтов «дунайской любовной поэзии», не известный по имени, жил примерно в середине 12 века. Вероятно, он был австрийцем из рыцарского рода из области к западу от Линца на Дунае. Песни, возможно, написаны в 1150 году или вскоре после этого. Он считается старейшим из известных нам миннезингеров.

Источник: ©Reclam 1993 Немецкие стихотворения
средневековья Избрано, переведено и объяснено
©UlrichMüller/©Gerlinde Weiss

Was ist die Welt?

Rainer Maria Rilke

Herbsttag
Das Lied des Bettlers

Wilhelm Busch

Schein und Sein

Der von Kürenberg

Ich zog mir einen Falken

Ich zog mir einen Falken länger als ein Jahr.
Als er von mir gezähmt und mir zu Wunsche war
und ich um sein Gefieder goldene Bänder wand,
steil stieg er in die Lüfte und flog in andere Land.

Fortan sah ich den Falken herrlich schwingen;
er trug an seinem Fuße seidene Schlingen,
es glänzte sein Gefieder um und um von Gold.
Gott sende sie zusammen, die sich sehnsüchtig hold.

Неизвестная дама (XII век)

Ты ведь мой, я – твоя

Ты ведь мой, я – твоя.
Знай твёрдо: у меня
Заперт ты в сердце.
Закрыта дверца,
И ключик сыскать нельзя.
Ты там до последнего дня.

Из примечания Йенса Вальтера Хекманна на сайте
<https://www.staff.uni-mainz.de/pommeren/Gedichte/dubistmin.html> :

Стихотворение находится в конце письма, написанного на латыни, от высокопоставленной дамы к ее учителю, священнослужителю. Тема письма: «Дружба». В предыдущем письме священник ухаживает за дамой, но она явно отвергает его в третьем письме — очевидно, она имела в виду более платонические отношения. Все три письма происходят из собрания писем Веринхера фон Тегернзее, дошедшего до нас в рукописи, написанной около 1200 г. (сегодня в библиотеке Мюнхенского университета, Codex lat. 19411). В остальном автор неизвестен.

Мартин Опиц (1597-1639)

Сонет XXI

Франческо Петрарке

Если любовь – ничто, то почему пылаю?
А если есть, то что – каприз иль ремесло?
Если любовь – добро, откуда в страсти зло?

Unbekannte Dichterin des 12. Jahrhunderts

Du bist mein, ich bin dein

Du bist mein, ich bin dein.
Dessen sollst du gewiss sein.
Du bist eingeschlossen,
in meinem Herzen,
verloren ist das Schlüsselchen.
Du musst auch für immer darin bleiben.

Martin Opitz

Sonnet XXI

Francisci Petrarchae

Ist Liebe lauter nichts, wie dass sie mich entzuendet?
Ist sie dann gleichwohl was, wem ist ihr Tun bewusst?

А если не добро, что ж радость ощущаю?

Любить свободен я? Зачем же боль терплю я?
А если принуждён, что толку так скорбеть?
И если не хочу, кто может мне велеть?
Но если жажду я, на что же негодую?

Колеблюсь, как трава под ветром в час вечерний,
Когда меж облаков свет гаснет в небесах.
Мечусь я, как корабль в бушующих волнах;

Как он, к причалу путь найти не в силах верный.
Чего хочу, как знать? Что знаю – не по мне.
Я мёрзну в летний день, зимою – как в огне.

Пауль Флеминг (1609-1640)

К самому себе

И всё ж бесстрашен будь и щедр (но меру зная).
Будь счастлив тем, что есть, и зависть презирай.
Есть повод – веселись; в беде не унывай,
удачу, место, день виновником считая.

Ведь всё предрешено, и, это понимая,
что толку сожалеть? Что можешь, выполняй
и от других людей команд не ожидай;
грядущий день встречай, надежды не теряя.

Что нам хвалить, хулить и обвинять, ты знаешь?
И счастье, и беду ищи в себе самом.
Тщеславные мечты... Да что нам толку в том?

Не взвесив, не спеши, чтоб не жалеть потом.
Но, если сам собой умело управляешь,

Ist sie auch gut und recht, wie bring sie boese?
Ist sie nicht gut, wie dass man Freud' aus ihr empfindet?

Lieb' ich ohn allen Zwang? Wie kann ich schmerzen tragen?
Muss ich es tun, was hilft's, dass ich solch Trauren fuehr'?
Heb' ich es ungern an, wer dann befiehlt es mir?
Tue ich es aber gern, um was hab' ich zu klagen?

Ich wanke, wie das Gras, so von den kuehlen Winden
Um Vesperzeit bald hin geneiget wird, bald her:
Ich walle wie ein Schiff, da durch das wilde Meer

Von Wellen umgejagt nicht kann zu Rande finden.
Ich weiss nicht was ich will, ich will nicht was ich weiss:
Im Sommer ist mir kalt, im Winter ist mir heiss.

Paul Fleming

An sich

Sei dennoch unverzagt! Gib dennoch unverloren!
Weich keinem Glücke nicht, steh höher als der Neid,
vergnüge dich an dir und acht es für kein Leid,
hat sich gleich wider dich Glück, Ort und Zeit verschworen.

Was dich betrübt und labt, halt alles für erkoren;
nimm dein Verhängnis an. Laß alles unbereut.
Tu, was getan muß sein, und eh man dir's gebeut.
Was du noch hoffen kannst, das wird noch stets geboren.

Was klagt, was lobt man noch? Sein Unglück und sein Glücke
ist ihm ein jeder selbst. Schau alle Sachen an:
dies alles ist in dir. Laß deinen eitlen Wahn,

тогда в твоих руках весь мир и всё, что в нём.

Андреас Грифиус (1616-1664)

Скорбный плач опустошённой Германии

Нам жить уже невмочь и даже хуже стало.
Народов буйных сброд и рёв трубы взбешённой,
От крови жирный меч, гром пушек, войск колонны...
Похищены труд, пот; что было, всё пропало.

Огонь, убийства, мор, и добродетель пала.
Бесчестье жён и дев, собор дотла сожжённый,
Разбиты сильные, взор видит удручённый:
Меж градом и стеной, меж шанцами и валом

Течёт потоком кровь; ум, сердце не сберечь.
Лет трижды шесть прошло как реки медлят течь
Не в силах унести жертв этих дней печали.

Не говоря о том, что голода страшней
(Расскажет Страсбург вам), что хуже всех смертей -
Сокровища души у нас враги отняли.

Это перевод первой версии сонета (год издания 1637).
Андреас Грифиус написал несколько версий. Наиболее известна
вторая версия (1643 года) под названием «Слёзы отечества»
(см. статью Г.В.Синило на <https://textarchive.ru/c-2805896.html>
и перевод Л.В.Гинзбурга)

Андреас Грифиус (1616-1664)

Страдания человеческие

und eh du fürder gehst, so geh in dich zurücke.
Wer sein selbst Meister ist und sich beherrschen kann,
dem ist die weite Welt und alles untertan.

Andreas Gryphius

Traurklage des verwüsteten Deutschlands

Wir sind doch nunmehr ganz, ja mehr als ganz verdorben.
Der frechen Völker Schar, die rasende Posaun,
Das vom Blut feiste Schwert, die donnernde Kartaun,
Holt' alles dies hinweg, was mancher saur erworben.

Die alte Redlichkeit und Tugend ist gestorben,
Die Kirchen sind verheert, die Starken umgehaun,
Die Jungfrauen sind geschänd', und wo wir hin nur schau'n
Ist Feur, Pest, Mord und Tod. Hier zwischen Schanz und Korben,

Dort zwischen Maur und Stadt, rinnt allzeit frisches Blut.
Dreimal sind schon sechs Jahr, als unser Ströme Flut
Von so viel Leichen schwer, sich langsam fortgedrungen.

Ich schweige noch von dem, was stärker als der Tod,
Du, Strassburg, weisst es wohl, der grimmen Hungersnot,
Und dass der Seelenschatz gar vielen abgezwungen.

Andreas Gryphius

Так что мы, люди, есть? Жилище мрачной боли,
Удачи ложной бал, мы – отблеск наших дней,
Мы – сцена, где печаль и острый страх видней,
Мы - талый снег, огарки свеч - не боле.

Как шутки, сплетни, жизнь – лишь миг земной юдоли,
А слабых тел покров - наряд немногих дней.
И в Книгу Мёртвых мы - вместилища страстей,
Умов - уж внесены, покорны общей доле.

Как тщетная мечта забвенья избежит?
Что дышит, то умрёт. Всё время истребит.
Исчезнет имя, честь и всё, что сердцу мило.
А времени поток ничем не удержим.
Что говорить! Лишь миг – уйдём, как с ветром дым.
Что будет после нас, в свой срок уйдёт в могилу.

Андреас Грифиус (1616-1664)

Всё напрасно

Всё, что ни есть вокруг, тщета на самом деле.
Всё, что построено, не стоило труда:
Там завтра будет луг, где ныне города,
И пастушок пройдёт, играя на свирели;

То, что вчера цвело, уже сорвать успели;
Костями и пеплом стать - на всех одна беда;
Ничто не вечно здесь - ни мрамор, ни руда.
Сегодня счастлив ты, а завтра дышишь еле.

Великие дела? Их слава – краткий сон.
О слабый человек, к чему игра времён?
Ах, что есть то, что мы считаем драгоценным? -

Menschliche Elende

Was sind wir Menschen doch! Ein Wohnhaus grimmer Schmerzen,
Ein Ball des falschen Glücks, ein Irrlicht dieser Zeit,
Ein Schauplatz herber Angst, besetzt mit scharfem Leid,
Ein bald verschmelzter Schnee und abgebrannte Kerzen.

Dies Leben fleucht davon wie ein Geschwätz und Scherzen.
Die vor uns abgelegt des schwachen Leibes Kleid
Und in das Toten-Buch der großen Sterblichkeit
Längst eingeschrieben sind, sind uns aus Sinn und Herzen.

Gleich wie ein eitel Traum leicht aus der acht hinfällt
Und wie ein Strom verscheußt, den keine Macht aufhält,
So muß auch unser Nam, Lob, Ehr und Ruhm verschwinden.
Was itzund Athem holt, muß mit der Luft entfliehn,
Was nach uns kommen wird, wird uns ins Grab nachziehn.
Was sag ich? Wir vergehn wie Rauch von starken Winden.

Andreas Gryphius

Es ist alles eitel

Du siehst, wohin du siehst, nur Eitelkeit auf Erden.
Was dieser heute baut, reißt jener morgen ein;
Wo jetzund Städte stehn, wird eine Wiese sein,
Auf der ein Schäferskind wird spielen mit den Herden;

Was jetzund prächtig blüht, soll bald zertreten werden;
Was jetzt so pocht und trotzt, ist morgen Asch und Bein;
Nichts ist, das ewig sei, kein Erz, kein Marmorstein.
Jetzt lacht das Glück uns an, bald donnern die Beschwerden.

Лишь суета сует, лишь ветер, пыль и тень,
Как луговой цветок, что цвёл один лишь день!
Но люди заняты не вечным, только бrenным.

Андреас Грифиус (1616-1664)

Вечер

Лишь миг и ми́нул день. Вот ночь, подняв свой стяг,
Ведёт армады звёзд. От ремесла и поля
Ушёл усталый люд; зверей и птиц нет боле,
Пустыня лишь и скорбь. О время, скор твой шаг!

Всё ближе к нам причал. Сколь краток путь во мрак!
Как ныне свет угас, уйдут года, и вскоре
Я, ты и всё вокруг, подвластно общей доле,
Исчезнет. Жизнь – забег, где выжить трудно так.

Избавь меня, Господь, от гонки и от краха,
От жажды многих благ, от славы и от страха!
Твоё сияние да будет век со мной!

И вечером в тот день, когда мой час настанет,
И тело вдруг замрёт, пускай душа воспрянет!
Возьми меня к Себе из темноты земной!

Из «Википедии» [https://de.wikipedia.org/wiki/Abend_\(Gryphius\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Abend_(Gryphius)) :

«**Вечер**» — сонет Андреаса Грифиуса , одно из самых известных его стихотворений, признанный поэтический шедевр. Впервые он был опубликован в 1650 году во Франкфурте-на-Майне в сборнике сонетов Грифиуса Das Ander Buch. Именно там, после «Утреннего сонета » и «Полуденного сонета», третий из четырех сонетов временного цикла, открывает книгу...

Der hohen Taten Ruhm muß wie ein Traum vergehn.
Soll denn das Spiel der Zeit, der leichte Mensch, bestehn? Ach, was ist
alles dies, was wir für köstlich achten,

Als schlechte Nichtigkeit, als Schatten, Staub und Wind,
Als eine Wiesenblum, die man nicht wieder find't!
Noch will, was ewig ist, kein enig Mensch betrachten.

Andreas Gryphius

Abend

Der schnelle Tag ist hin; die Nacht schwingt ihre Fahn
Und führt die Sternen auf. Der Menschen müde Scharen
Verlassen Feld und Werk; wo Tier und Vögel waren,
Trauert jetzt die Einsamkeit. Wie ist die Zeit, vertan!

Der Port naht mehr und mehr sich zu der Glieder Kahn.
Gleich wie dies Licht verfiel, so wird in wenig Jahren
Ich, du, und was man hat, und was man sieht, hinfahren.
Dies Leben kömmt mir vor als eine Rennebahn.

Lass, höchster Gott! mich doch nicht auf dem Laufplatz gleiten!
Lass mich nicht Ach, nicht Pracht, nicht Lust, nicht Angst verleiten!
Dein ewig heller Glanz sei vor und neben mir!

Laß, wenn der müde Leib entschläft, die Seele wachen,
Und wenn der letzte Tag wird mit mir Abend machen,
So reiß mich aus dem Tal der Finsternis zu dir!

Грифиус лишь изредка упоминает своего силезского соотечественника Мартина Опица, который в 1624 году своей книгой «Von der Deutschen Poeterey» поставил на новую основу немецкоязычную поэзию. Однако уже в 1637 году он буквально следовал инструкциям Опица в своей первой книге стихов «Сонеты Лиссаера». Таким образом, как и большинство сонетов Грифиуса, «Abend» написан александрийским стихом, рекомендованным Опицем... Было высказано мнение, что в «Вечере» «использование александрийских стихов доведено до виртуозности».

Вечер приносит не передышку, а пугающее осознание бренности этой жизни и мольбу о спасении от мрака смертного. Стихотворение своими 14 строками проходит путь, по которому проходит личность («я», «мир») и человечество («люди, усталая стая») после утраты божественного света («Быстрый день ушел») на «беговой дорожке», пока Бог снова не будет найден ими.

Согласно Шиндлеру, в «Вечере» человек находится во власти быстротечности не только как индивидуум, а как существо, вместе со всем творением, сложным и неотличимым от него. Ни тема, ни отношение поэта к быстротечности не новы, но Грифиус разработал тему и ответ чутко, образно и красноречиво. Стихотворение начинается с наблюдения за природой. С наступлением ночи все живое уходит. Но сонет ни в коем случае не является упражнением в пейзажной живописи. Скорее, это оценка шаткости положения человека в мире, его нахождения во власти, которую Грифиус, пожалуй, переживал глубже и болезненнее, чем большинство его современников.

Второй катрен распространяет символизм «вечера» и «времени» на продолжительность человеческой жизни. Знаменитая первая строка его снова является символом: «Порт все более и более приближается к кораблю». Что уникально в «Вечере», так это изменение реального направления движения. Не корабль подходит

к порту, а порт подходит к кораблю. Смерть неумолимо приближается к человеку.

Затем следует с захватывающей дух внезапностью ... неожиданный, дерзкий образ, контрастирующий по своему повседневному языку с возвышенным поэтическим стилем перед ним: «Эта жизнь кажется мне беговой дорожкой».

Поспешность, вошедшая в стихотворение с «быстрым днем» и завершающаяся в образе беговой дорожки, влияет и на звук, на скорость чтения. «Ни один другой сонет Грифиуса не производит подобного впечатления измученного человека». Обилие односложных слов, почти исключительно с короткими гласными, заставляют читать стаккато :...В «Вечере» на 102 односложных слова приходится всего 34 многосложных слова...

В «Вечере» Грифиус связывает воедино катрены и терцеты (беговая дорожка – не дай мне умереть на бегу).

Являясь частью эфемерного и изменчивого мира, человек у Грифиуса не стремится действовать и навязывать миру свою волю; скорее, на него действуют силы, находящиеся вне его влияния. Надежда на помощь, поддержка храбрости, в которой он нуждается, надежда на спасение в загробном мире исходят только от Бога...

Визуальное переживание сумерек переводится в его аллегорическое значение, а именно, в быстротечность жизни — оно проходит так же быстро, как свет дня... Германист и теолог Ганс-Рюдигер Шваб писал во Франкфуртской антологии: «Если из бушующей повсюду быстротечности можно было вывести страстное обращение к настоящему, к предельному переживанию мгновения, то у Грифиуса об этом не может быть и речи для тех, кто умеет расшифровывать смысл вещей, как о необоснованной иллюзии. Является ли это своего рода спиритуалистическим мировым отрицанием? Скорее это попытка держаться на непоколебимой дистанции от всего, что приводит в движение неконтролируемые аффекты, иметь опьяняющее, мужественное самообладание. «Вечер» Грифиуса — стихотворение, пришедшее

издалека. Как ни странно, несмотря на стилистическую условность своей эпохи, оно передает трогательную ауру как бы преодолеваемого отчаяния, хладнокровия посреди катастрофы».

Андреас Грифиус (1616-1664)

К звёздам

XXXVI

О яркие огни, как я люблюсь вами!
Сквозь ночь и тучи мне, как факел, шлёте свет,
Горите, ка к алмаз чистейший, сотни лет
И на лугах небес красуетесь цветами.

Миры, что создал Бог, храните вы веками!
Он белизне самой дал имя, блеск и цвет;
Лишь у Него весы, лишь у Него ответ.
(Мы, смертные - слепцы, ну что мы можем сами!)

Гаранты светлых чувств, не вашей ли игрой
Я очарован был всегда во тьме ночной?
О вестники времён! Когда же мне судьбою

Назначен будет срок, вас память сохранит.
Не вас ли, чья любовь мне сердце пламенит,
Свободный от забот увижу под собою?

Кристиан Хофманн фон Хофмансвальдау (1616-1679)

Бренность красоты

Рукой холодной смерть тебя в какой-то срок

Andreas Gryphius

An die Sternen

XXXVI

Ihr Lichter die ich nicht auff Erden satt kann schauen
Ihr Fackeln die ihr Nacht und schwartze Wolcken trennt
Als Diamante spilt und ohn Auffhören brennt;
Ihr Blumen die ihr schmückt des grossen Himmels Auen:

Ihr Wächter die als Gott die Welt auff-wolte-bauen;
Sein Wort die Weißheit selbst mit rechten Namen nennt
Die Gott allein recht misst die Gott allein recht kennt.
(Wir blinden Sterblichen! was wollen wir uns trauen!)

Ihr Bürgen meiner Lust wie manche schöne Nacht
Hab ich in dem ich euch betrachtete gewacht?
Herolden diser Zeit wenn wird es doch geschehen

Daß ich der euer nicht allhir vergessen kan
Euch derer Libe mir steckt Hertz und Geister an
Von andern Sorgen frey werd unter mir besehen?

Christian Hofmann von Hofmanswaldau

Vergänglichkeit der Schönheit

Коснётся, наконец, грудь нежную лаская,
Прекрасных губ коралл померкнет увядая,
Где плеч был тёплый снег, теперь сырой песок.

И яркий блеск очей, и сила юных рук
Со временем уйдут слабея, исчезая,
Сияющих волос корона золотая,
Тускнея день за днём, вся сморщится в клубок.

Прекрасных жестов рой и лёгкий шаг степенный -
Всё превратится в прах и в небыль постепенно,
И красоты твоей забудут божество.

Лишь сердце устоять твоё всегда способно,
По прочности оно алмазу лишь подобно,
Природа таковым задумала его.

Маттиас Клаудиус (1740-1815)

Человек

Рождённый и возвращённый
подросток, увидел свет,
но знать определённо,
где правда – силы нет;
влюблённый, вожделенный
готов всплакнуть в жилет;
и чтимый, и презренный -
то рад, то слаб от бед -
он изучает денно
и ночью смысл примет,
он строит, рушит стены,
стремясь найти ответ,
ест, спит и постепенно -
шатен, а после сед -

Es wird der bleiche Tod mit seiner kalten Hand
Dir endlich mit der Zeit um deine Brüste streichen,
Der liebliche Korall der Lippen wird verbleichen;
Der Schultern warmer Schnee wird werden kalter Sand,

Der Augen süßer Blitz, die Kräfte deiner Hand,
Für welchen solches fällt, die werden zeitlich weichen,
Das Haar, das itzund kann des Goldes Glanz erreichen,
Tilgt endlich Tag und Jahr als ein gemeines.

Der wohlgesetzte Fuß, die lieblichen Gebärden,
Die werden teils zu Staub, teils nichts und nichtig werden,
Denn opfert keiner mehr der Gottheit deiner Pracht.

Dies und noch mehr als dies muss endlich untergehen,
Dein Herze kann allein zu aller Zeit bestehen,
Dieweil es die Natur aus Diamant gemacht.

Matthias Claudius

Der Mensch

Empfangen und genähret
vom Weibe wunderbar,
kömmt er und sieht und höret
und nimmt des Trugs nicht wahr;
gelüstet und begehret
und bringt sein Tränlein dar;
verachtet und verehret;
hat Freude und Gefahr;
glaubt, zweifelt, wähnt und lehret,
hält nichts und alles wahr;
erbauet und zerstöret
und quält sich immerdar;
schläft, wachet, wächst und zehret;

он проживёт отменно
аж восемьдесят лет.
А напоследок рядом с праотцами
уснёт, простившись с нами.

Иоганн Вольфганг Гёте (1749-1832)

Ночная песня странника II

На вершинах горных
Покой.
В древесных кронах
Никакой
Не ощутишь дрожи.
Замолкли в лесу птичьи хоры.
Жди, обретёшь скоро
Свой покой тоже.

P.S. О «тайне» этого стихотворения сатья на этом сайте
«Вершины Гёте и Лермонтова»

Людвиг Тик (1773-1853)

Где медлишь, любимый?

Где медлишь, любимый?
Приди же скорей!
Любовью томимый
Поёт соловей.

Как свет золотистый,
Сияя в окне,

trägt braun und graues Haar,
und alles dieses währet,
wenn's hoch kommt, achtzig Jahr.
Dann legt er sich zu seinen Vätern nieder,
und er kömmt nimmer wieder.

Johann Wolfgang von Goethe

Wanderers Nachtlied II

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

Ludwig Tieck

Geliebter, wo zaudert

Geliebter, wo zaudert
Dein irrender Fuß?
Die Nachtigall plaudert
Von Sehnsucht und Kuß.

Es flüstern die Bäume
Im goldenen Schein,

С мечтой шёпот листьев
Струится ко мне.

Ты знаешь, как в полной
Желаний и мук
Груди сердцу больно
Становится вдруг?

Лети ко мне, милый,
Спаси для себя,
Из ночи постылой
Умчимся любя.

Вот парус над нами,
И даль не страшна,
Ведь там, за волнами
Родная страна.

Всё дальше отчизна?
Гонись же за ней!
Любовь в нашей жизни
Рассудка сильней.

О, как сладострастна
Морская волна!
Ведь с нами согласна,
Конечно, она.

Так кто с нею спорит?
Она нас зовёт!
И знает, что вскоре
Любовь доплывёт.

Клеменс Брентано (1778-1842)

Es schlüpfen mir Träume
Zum Fenster hinein.

Ach! kennst du das Schmachten
Der klopfenden Brust?
Dies Sinnen und Trachten
Voll Qual und voll Lust?

Beflügle die Eile
Und rette mich dir,
Bei nächtlicher Weile
Entfliehn wir von hier.

Die Segel, sie schwellen,
Die Furcht ist nur Tand:
Dort, jenseit den Wellen
Ist väterlich Land.

Die Heimat entfliehet,
So fahre sie hin!
Die Liebe, sie ziehet
Gewaltig den Sinn.

Horch! wollüstig klingen
Die Wellen im Meer,
Sie hüpfen und springen
Mutwillig einher,

Und sollten sie klagen?
Sie rufen nach dir!
Sie wissen, sie tragen
Die Liebe von hier.

Clemens Brentano

Я знаю, любишь ты во мне

Я знаю, любишь ты во мне
На миг не гаснувший пожар,
Надёжно скрытый в глубине
Желания волшебный дар.
И хоть в скале меня запри,
Мой зов из мозга, из груди
К тебе дойдёт: приди, приди
Ко мне! Живи, люби, умри...

Должна, должна!

Людвиг Ахим фон Арним (1781-1831)

Как спать? Так много света

Как спать? Так много света,
День прогоняет ночь,
Душа тиха, согрета,
От счастья спать невмочь.

Вложил всю душу разом
Я в первый поцелуй.
Так что ж терзает разум?
Ей хорошо со мной?

Она, я знаю, тоже
Доверилась губам.
Как это всё, о Боже,
Скажи, досталось нам?

На что смотреть, что делать?
Ах, всё лишь в ней одной.

Ich weiß wohl, was du liebst in mir

Ich weiß wohl, was du liebst in mir –
Es ist die Glut in meiner Brust –
Es ist die zauberhafte Zier,
Der tief geheimen innern Lust,
Die strahlt aus mir, und ruft zu dir:
Schließ mich in einen Felsenstein,
So ruf ich doch durch Mark und Bein!
Komm, lebe, liebe, stirb bei mir -

Du mußt, du mußt.

Ludwig Achim von Arnim

Mir ist zu licht zum Schlafen

Mir ist zu licht zum Schlafen,
Der Tag bricht in die Nacht,
Die Seele ruht im Hafen,
Ich bin so froh erwacht.

Ich hauchte meine Seele
Im ersten Kusse aus,
Was ist's, daß ich mich quäle
Ob sie auch fand ein Haus.

Sie hat es wohl gefunden
Auf ihren Lippen schön,
O welche sel'ge Stunden,
Wie ist mir so geschehn!

Was soll ich nun noch sehen?
Ach, alles ist in ihr.

Чего желать - мир целый?
Ведь всё уже со мной.

Она - моя, я знаю,
И счастье в ней моё.
И чувства расцветают
В восторге от неё.

Джастин Кернер (1786-1867)

Что тебе, то и мне

Что случилось с тобой, то и со мной случится,
Только там, где ты есть, я хочу очутиться:
Только пока ты есть, я ещё существую,
Если ты ночью скрыта, в ночи я блуждаю,
Если больно тебе, мучаюсь и тоскую.
Жить в разлуке с тобой я и не помышляю,
К тебе, к тебе одной только лететь хочу я!

Йозеф Фрайхер фон Эйхендорф (1788-1857)

Сломанное колечко

Вот колесо на скате
Кружится, как юла,
Любимая когда-то
На мельнице жила.

Кольцо мне подарила,
Но вот, в конце концов,
Любви не сохранила,
И лопнуло кольцо.

Was fühlen, was erleben?
Es ward ja alles mir.

Ich habe was zu sinnem,
Ich hab', was mich beglückt:
In allen meinen Sinnen
Bin ich von ihr entzückt.

Justinus Kerner

Wie Dir, so mir

Wie Dir geschah, so solls auch mir geschehn,
Nur wo Du hinkamst, will auch ich hingehn:
Ich will ins Licht nur, wirst im Licht Du sein,
Bist Du in Nacht, so will ich in die Nacht,
Bist Du in Pein, so will ich in die Pein.
Von Dir getrennt hab ich mich nie gedacht,
Zu Dir, zu Dir will ich allein, allein!

Joseph Freiherr von Eichendorff

Das zerbrochene Ringlein

In einem kühlen Grunde
Da geht ein Mühlenrad,
Mein Liebste ist verschwunden,
Die dort gewohnet hat.

Sie hat mir Treu versprochen,
Gab mir ein'n Ring dabei,
Sie hat die Treu gebrochen,
Mein Ringlein sprang entzwei.

От дома к дому стану
С шарманкой я бродить,
Чтоб песни петь - и рану,
И струны бередить.

И я хотел бы очень
В бою сражённым быть
И в поле тёмной ночью
Среди пожаров стыть.

А колесо кружится...
Чего ещё, мой друг?
Уснуть навек. Пусть снится,
Что стало тихо вдруг.

Генрих Гейне

Из старых сказок

Из старых сказок наших
Мне белою рукой
Взывая кто-то машет,
Манит в мир чудный свой:

Цветы перед закатом
В сиянье золотом
Плениют ароматом,
Сияющим лицом;

Деревья напевают
Сказанья прежних лет,
И стаи птиц порхают,
И ветер шлёт привет;

Ich möcht als Spielmann reisen
Weit in die Welt hinaus,
Und singen meine Weisen,
Und gehn von Haus zu Haus.

Ich möcht als Reiter fliegen
Wohl in die blut'ge Schlacht,
Um stille Feuer liegen
Im Feld bei dunkler Nacht.

Hör ich das Mühlrad gehen:
Ich weiß nicht, was ich will –
Ich möcht am liebsten sterben,
Da wär's auf einmal still!

Heinrich Heine

Aus alten Märchen winkt es

Aus alten Märchen winkt es
Hervor mit weisser Hand,
Da singt es und da klingt es
Von einem Zauberland;

Wo bunte Blumen blühen
Im gold'nen Abendlicht,
Und lieblich duftend glühen,
Mit bräutlichem Gesicht;

Und grüne Bäume singen
Uralte Melodei'n,
Die Lüfte heimlich klingen,
Und Vögel schmettern drein;

Und Nebelbilder steigen

В тумане лёгком рея
И прячась в нём порой,
Виденья или феи
Танцуют над землёй.

Искр синих тьмы лучатся
На листьях и ветвях,
Огни алея мчатся
В запутанных кругах.

Из мраморного камня
Бьют громкие ключи,
Отсвечивая странно
Меж листьями в ночи.

О, как найти мне дверцу
В прекрасный этот сад,
Чтоб жить с спокойным сердцем -
Свободен, счастлив, рад!

О чудный край, приходит
Он что ни ночь, как сон,
Когда же солнце всходит,
Как пена, тает он.

*) Существуют две версии этого стихотворения Aus alten Märchen: 6-и и 8-истрофная. Первая – более распространённая, есть и в 12-томнике берлинского издания 1910г. и в советском 10-томнике 1956г., а также в доступных в Интернете переводах. Wikisource предлагает вторую версию, ту, на текст которой написал композитор Роберт Шуман последнюю песню из изумительного цикла «Любовь поэта» (1840г.) на тексты из «Лирического интермеццо» Генриха Гейне. Здесь приведен её перевод. Никаких комментариев касательно двух версий найти не удалось. (А.Г.)

Wohl aus der Erd' hervor,
Und tanzen luft'gen Reigen
Im wunderlichen Chor;

Und blaue Funken brennen
An jedem Blatt und Reis,
Und rote Lichter rennen
Im irren, wirren Kreis;

Und laute Quellen brechen
Aus wildem Marmorstein.
Und seltsam in den Bächen
Strahlt fort der Widerschein.

Ach, könnt' ich dorthin kommen,
Und dort mein Herz erfreu'n,
Und aller Qual entnommen,
Und frei und selig sein!

Ach! jenes Land der Wonne,
Das seh' ich oft im Traum,
Doch kommt die Morgensonne,
Zerfließt's wie eitel Schaum.

Николаус Ленау (1802-1850)

Поэма «Альбигойцы» (начало)

Прекрасное должно исчезнуть,
И славное почит в бездне.
Ни честь не вечна, ни мораль.
Живыми мертвецов считая,
Пожнёшь осенних слёз печаль,
Картину мира искажая.

Ночная песня

1

Увы, насмешка, горькая сатира
Вполне уместны в этом страшном мире.
Китаец из свирепых всех зверей
Хранителем дух тигра выбирает
Для дома, поля и своих детей
И на него всецело уповает.

Он крепко спит, когда его хранитель
Обходит ночью поле и обитель;
И в заблужденье этом есть резон:
Враг чует в ветре хищника дыханье,
Глаз тигра видит в светлячка мерцанье
И в страхе покидает место он.
О, если б тигр такой, как друг мой, рыскал
(Невидимый, с когтями, с челюстями),
Вокруг меня и охранял ночами
От всех воров очаг заветных мыслей!

Nikolaus Lenau

Das Gedicht “Die Albigenser” (der Anfang)

Daß alles Schöne muß vergehen
Und auch das Herrlichste verwehen,
Die Klage stets auf Erden klingt;
Doch Totes noch lebendig wännen,
Verwirrt das Weltgeschick und bringt
Das tiefste Leid, die herbsten Tränen.

Nachtgesang

1

O gläubger Hohn! o bitterste Satire
Auf diese Welt voll Haß und Feindesnot,
Wenn der Chinese sich dem grimmsten Tiere
Vertraut und sich begibt in seine Hut,
Wenn er für sich, die Seinen, Haus und Feld
Zum Schutzgeist den verstorbnen Tiger wählt.

Er schläft getrost, wenn still der Tigergeist
Als Hüter Haus und Feld bei Nacht umkreist;
Und wohl mag ihm sein Wahn zum Schutze taugen;
Denn wenn ein Feind sich schleicht in seine Nähen,
Der sieht im Glühwurm rolln des Tigers Augen,
Der spürt im Nachtwind seinen Rachen wehen. –
O wäre solch ein Tiger mir Genosse,
Mit Geisterkrallen, unsichtbarem Rachen
Mir den Gedankenherd treu zu bewachen,
Den Einbruch wehrend meinem Feindestrosse!

Когда в пожаре мыслей сердце мчится,
Я забываю этот мир скорбящий,
И, как большой кузнечный горн горящий,
Святой субботы свет уже лучится.
О тигр! Храни мои сокровища, а людям,
Что захотят украсть, движеньем лёгким,
Как дождь, вонзи глубоко в душу когти,
Чтоб уползли в отчаянье отсюда.

Когда земные явятся желанья,
На них бросайся, тигр, без состраданья,
А если мысли грустные возникнут,
Убей их раньше, чем они проникнут.
Но прежде *одного* ты разорви на части,
Он должен по кускам тобою быть проглочен,
Тот, что меня всегда тиранит очень, -
То женщины портрет, укравшей счастье!

Бросаю песню я в лицо тирану,
Так совести его добавь же рану,
Бей лапами, терзай его когтями,
Пусть адские увидит сны ночами!
И, когда он от ужаса проснётся,
Зажжёт свечу, дрожа в постели сядет,
Задуй огонь, во тьме пусть остаётся,
Издай кинжала свист, что слышен сзади!
И, если трус бежать решит, сначала
Сорви с него не медля одеяло,
Проклятьями укутай за несчастья,
Что сердцу он принёс топча всечасно.
Пусть корчится тиран от боли страшной,
И пусть течёт она, как яд, по телу.
А будет к доктору звать – за дело! –
Шнур колокольчика порви тотчас же.

О тигр, терзай тирана душу, мучай,

Wenn mein einsames Herz Gedanken hämmert,
Daß ich die Welt und ihren Gram vergesse,
Wenn mir an seiner hellen Feueresse
Die Morgenglut des heiligen Sabbats dämmert,
Ha! Tiger! dann bewache meine Schranken,
Und kommen Störer, schlag in ihre Seelen
Als scharfe Schauer deine luftgen Pranken,
Daß sie sich scheu verzagt von dannen stehlen! –

Wenn Erdenwünsche kommen, mich zu locken,
So spring sie an, daß sie entfliehn erschrocken!
Und kommen klagende Erinnerungen,
Ermorde sie, bevor sie eingedrungen!
Auf *eine* aber stürze dich vor allen,
Zerreiße schnell mit deinen scharfen Krallen,
Verschling auf immer du in deinen Rachen
Ein Frauenbild, das mich will weinen machen! –

Send ich ein Lied auf die Tyrannenfratzen,
So hilf ihm, Tiger, nach mit deinen Tatzen!
Schlag ihnen breite Wunden ins Gewissen
Und Höllenträume hauche auf ihr Kissen!
Und wenn sie, aufgeschreckt, die Augen reiben,
Die Kerze zünden, zitternd auf sich setzen,
Blas aus das Licht, daß sie im Finstern bleiben,
Mach vor der Tür Geräusch wie Dolchewetzen!
Und will der Feige dann mit seinem Schrecken
Verkriechen sich, entreiß ihm seine Decken
Und wickle ihn in alle Flüche fest,
Die er getreten Herzen ausgepreßt!
Sein Eingeweide schlag mit Schmerzensbissen,
Die wie Vergiftung durch den Leib sich ringeln,
Daß er auffährt, nach seinem Arzt zu klingeln,
Du aber hast die Glockenschnur zerrissen.

O Tiger, den Tyrannen quäle! quäle!

Пока не станет он добрее, лучше!..

Я вижу миллион сердец в крови и ранах,
Потоки слёз я вижу непрерывных,
Весь мир в руках у наглых властелинов,
И радости дворцы стоят в руинах.
Владыки-гномы буйствуют зловеще,
А пленных великанов стража хлещет.
О мир! Я бы хотел, что б сын пустыни,
Дух тигра стал тебе апостолом отныне.
О ненависть, ты наполнишь мне сознание!
Пусть тигр меня везде сопровождает,
Пусть дух его сквозит в моём дыхании,
Пусть в моём сердце кровь его пылает!

Интересная статья А.В.Луначарского (1906г.) о Н.Ленау и его поэмах на сайте
http://az.lib.ru/l/lunacharskij_a_w/text_1904_n_lenau_i_ego_filosofskie_poemy.shtml

Николаус Ленау (1802-1850)

К меланхолии

Ты меня по жизни водишь,
Меланхолии покой!
Пусть звезда моя восходит,
Пусть угаснет — будь со мной!

Водишь ты меня по скалам,
Где лишь ели и гранит,
Где орёл парит устало
Да лесной ручей гремит.

И, припомнив здесь у края
Тех, кто скован вечным сном,
Я к твоей груди склоняюсь
Тихо с сумрачным лицом.

Bis er sich bessert, schüttre seine Seele!

Millionen wunde Herzen seh ich bluten,
So viele Tränenströme seh ich fluten,
Von frecher Willkür weit die Welt zerrüttet,
Der Menschheit Freudenschlösser rings verschüttet,
Ich seh gepeitscht von hochgestellten Zwergen
Gefangne Riesen, knirschend ihren Schergen.
O Welt! aus allen Wüsten möcht ich holen
Die Tigergeister dir zu Apostolen! – –
Wohin ließ ich von meinem Haß mich führen!
Ich wünschte mir den Tiger zum Genossen,
Schon ist in meinem Geist sein Hauch zu spüren
Und durch mein Herz sein wildes Blut ergossen!

Nikolaus Lenau

An die Melancholie

Du geleitest mich durchs Leben,
Sinnende Melancholie!
Mag mein Stern sich strahlend heben,
Mag er sinken – weichest nie!

Führst mich oft in Felsenklüfte,
Wo der Adler einsam haust,
Tannen starren in die Lüfte
Und der Waldstrom donnernd braust.

Meiner Toten dann gedenk ich,
Wild hervor die Träne bricht,
Und an deinen Busen senk ich
Mein umnachtet Angesicht.

Николаус Ленау (1802-1850)

К ветру

Я покидал свой край родной
И оглянувшись увидал,
Что рот её мне вслед кричал
И что махала мне рукой.

Последний дружеский привет
Ещё звучал, но ветром злым
Был унесён, как лёгкий дым.
Любимых звуков больше нет.

Навек теряю счастье я.
Холодный грубый ветер, что ж
Привет последний ты крадёшь -
Всё, что осталось у меня?

Николаус Ленау (1802-1850)

Уходя (Песня эмигранта)

Прощай, отечество, край слуг,
Людей трусливо-глупых; тут
Все лижут деспота каблук,
Дрожа приказа свыше ждут.

Здесѣ детям спится хорошо,
Мальчишкам есть где поиграть;
Здесь юноша любовь нашёл;
Но им свободы не видать.

Nikolaus Lenau

An den Wind

Ich wandre fort ins ferne Land;
Noch einmal blickt' ich um , bewegt,
Und sah, wie sie den Mund geregt
Und wie gewinket ihre Hand.

Wohl rief sie noch ein freundlich Wort
Mir nach auf meinem trüben Gang,
Doch hört ich nicht den liebsten Klang,
Weil ihn der Wind getragen fort.

Daß ich mein Glück verlassen muß,
du rauher; kalter Windeshauch,
Ist's nicht genug, daß du mir auch
Entreißest ihren letzten Gruß?

Nikolaus Lenau

Abschied (Lied eines Auswandernden)

Sei mir zum letztenmal begrüßt,
Mein Vaterland, das, feige dumm,
Die Ferse dem Despoten küßt
Und seinem Wink gehorchet stumm.

Wohl schlief das Kind in deinem Arm,
Du gabst, was Knaben freuen kann;
Der Jüngling fand ein Liebchen warm;
Doch keine Freiheit fand der Mann.

В горах охотник, услышав
Как стадо вепрей, словно гром,
Несётся по лесу стремглав,
Ложится на землю ничком.

Так, родина, заслышав шаг
Правителя, пав ниц, всегда
Ты ждёшь, едва дыша, чтоб враг
Прошёл, не причинив вреда. -

Лети, корабль, как облака,
Страну огня богов открой!
Смой, море, бездну, что легла
Между свободой и мной!

О новый, о свободный мир,
Ты весь в цветах, прекрасный край.
Тень тирании с нас сотри.
Моё отечество, прощай!

Николаус Ленау (1802-1850)

Короткие стихотворения

Туман

О пасмурный туман, укрой
Леса на склонах круч,
Долину с медленной рекой
И каждый солнца луч.
В тьме твоей серой без следа
Земля вся сгинет пусть
И прошлое – оно всегда
Меня ввергало в грусть!

Im Hochland streckt der Jäger sich
Zu Boden schnell, wenn Wildesschar
Heran sich stürzt fürchterlich;
Dann schnaubt vorüber die Gefahr:

Mein Vaterland, so sinkst du hin,
Rauscht deines Herrschers Tritt heran,
Und lässest ihn vorüberziehn
Und hältst den bangen Atem an. –

Fleug, Schiff, wie Wolken durch die Luft,
Hin, wo die Götterflamme brennt!
Meer, spüle mir hinweg die Kluft,
Die von der Freiheit noch mich trennt!

Du neue Welt, du freie Welt,
An deren blütenreichem Strand
Die Flut der Tyrannei zerschellt,
Ich grüße dich, mein Vaterland!

Nikolaus Lenau

Kurze Gedichte

Nebel

Du, trüber Nebel, hüllest mir
Das Tal mit seinem Fluß,
Den Berg mit seinem Waldrevier
Und jeden Sonnengruß.
Nimm fort in deine graue Nacht
Die Erde weit und breit!
Nimm fort, was mich so traurig macht,
Auch die Vergangenheit!

Прощальный взгляд

В твоём нежном глубоком душевном взоре
Бездонное море счастья испытывал я.
Но я должен буду расстаться с ним, вскоре
Моё счастье навеки покинет меня,
Погружённым молча в глубь этого моря.

Не спрашивай

Сказать тебе, насколько твой я?
А можно ли узнать такое?
Ответ там, в глубине сердечной,
И у тебя, конечно.
Но, тише! Ведь тогда неясно:
Когда твоя любовь угаснет,
Останется ль во мне немного
Нетронутым для Бога?

Эдуард Мёрике (1804-1875)

Дерзай!

Роза в росе молодая сияет,
Утро её серебрит и румянит.
Цветёт она, будто вовек не увянет
И о последнем цветенье не знает.

В небо орёл свой полёт устремляет
Золота блеском зенит его манит;
Спрашивать, как несмышлёныш, не станет:
Голову он там свою не сломает?

Scheideblick

Als ein unergründlich Wonnemeer
Strahlte mir dein tiefer Seelenblick;
Scheiden mußt ich ohne Wiederkehr,
Und ich habe scheidend all mein Glück
Still versenkt in dieses tiefe Meer.

Frage nicht

Wie sehr ich dein, soll ich dir sagen?
Ich weiß es nicht und will nicht fragen;
Mein Herz behalte seine Kunde,
Wie tief es dein im Grunde.
O still! ich möchte sonst erschrecken,
Könnt ich die Stelle nicht entdecken,
Die unzerstört für Gott verbliebe
Beim Tode deiner Liebe.

Eduard Mörike

Nur Zu!

Schoen prangt im Silbertau die junge Rose,
Den ihr der Morgen in den Busen rollte,
Sie blueht, als ob sie nie verbluehen wollte,
Sie ahnet nichts vom letzten Blumenlose.

Der Adler strebt hinan ins Grenzenlose,
Sein Auge trinkt sich voll von sprueh'ndem Golde;
Er ist der Tor nicht, dass er fragen sollte,
Ob er das Haupt nicht an die Woelbung stosse.

Время цветения юности тоже
Кратко, но манит своим совершенством;
Грёзы лишиться кому бы хотелось?

Разве любовь на орла не похожа?
И для неё страх ведь тоже блаженство,
Счастье её — бесконечная смелость.
Дерзай!

Эдуард Мёрике (1804-1875)

Подумай, о душа!

Сосна растёт в лесу...
В каком, кто знает?
И розы куст в саду...
В каком, кто скажет?
Уже им суждено -
Душа, подумай! -
С твоей могилой рядом
Встать когда-то.
Лошадок чёрных пара
На лужайке.
Они спешат домой
В прыжках весёлых,
Но шагом побредут
С тобою, с трупом,
Быть может, раньше, чем
Своих подков,
Сейчас столь ярких,
Они лишатся.

Mag denn der Jugend Blume uns verbleichen,
Noch glaenzet sie und reizt unwiderstehlich;
Wer will zu früh so suessem Trug entsagen?

Und Liebe, darf sie nicht dem Adler gleichen?
Doch fuerchtet sie; auch fuerchten ist ihr selig,
Denn all ihr Glueck, was ist's? — ein endlos.
Wagen!

Eduard Mörike

Denk es, o Seele!

Ein Tännlein grünnet wo,
Wer weiss, im Walde,
Ein Rosenstrauch, wer sagt,
In welchem Garten?
Sie sind erlesen schon,
Denk es, o Seele,
Auf deinem Grab zu wurzeln
Und zu wachsen.
Zwei schwarze Rösslein weiden
Auf der Wiese,
Sie kehren heim zur Stadt
In muntern Sprüngen.
Sie werden schrittweis gehn
Mit deiner Leiche;
Vielleicht, vielleicht noch eh
An ihren Hufen
Das Eisen los wird,
Das ich blitzen sehe.

Ferdinand Freiligrath (1810-1876)

Фердинанд Фрейлиграт (1810-1876)

Люби, пока хватает сил!

Люби, пока хватает сил
И жаждешь ты душой любить!
Чтоб не пришлось тебе стоять
И у могилы слёзы лить!

Следи за сердцем, чтоб светясь
Любовь лелея берегло,
Пока другое сердце есть,
Что любит нежно и тепло.

Тому, кто душу распахнёт,
Ты всё, что можешь, отдавай,
Чтоб каждый день он счастлив был,
И даже миг не отравляй!

За речью бережно следи,
Чтоб в спешке словом злым не бил:
О Боже, кто ж того хотел,
А друг уже обижен был!

Люби, пока хватает сил
И жаждешь ты душой любить!
Чтоб не пришлось тебе стоять
И у могилы слёзы лить!

Вот у могилы замер ты,
О друге думая с тех пор,
Сквозь слёзы смотришь на траву,
Покрывшую церковный двор,

И плача шепчешь про себя:

O lieb', solange du lieben kannst!..

O lieb', solange du lieben kannst!
O lieb', solange du lieben magst!
Die Stunde kommt, die Stunde kommt,
Wo du an Gräbern stehst und klagst!

Und Sorge, daß dein Herze glüht
Und Liebe hegt und Liebe trägt,
Solang ihm noch ein ander Herz
In Liebe warm entgegenschlägt!

Und wer dir seine Brust erschließt,
O tu ihm, was du kannst, zulieb'!
Und mach' ihm jede Stunde froh,
Und mach ihm keine Stunde trüb!

Und hüte deine Zunge wohl,
Bald ist ein böses Wort gesagt!
O Gott, es war nicht böse gemeint, —
Der andre aber geht und klagt.

O lieb', solange du lieben kannst!
O lieb', solange du lieben magst!
Die Stunde kommt, die Stunde kommt,
Wo du an Gräbern stehst und klagst!

Dann kniest du nieder an der Gruft
Und birgst die Augen, trüb und naß,
— Sie sehn den andern nimmermehr —
Ins lange, feuchte Kirchhofsgras.

Und sprichst: O schau' auf mich herab,
Der hier an deinem Grabe weint!
Vergib, daß ich gekränkt dich hab'!
O Gott, es war nicht böse gemeint!

«Взгляни с небесной высоты,
Я не хотел тебе вредить,
Прости, что был обижен ты!»

Но он не слышит, не глядит,
К тебе он не протянет рук,
Не скажет он, тебя обняв:
«Давно простил, прощай, мой друг!»

Он много горьких слёз пролил
С тех пор, как вдруг расстались вы.
Теперь, давно тебя простив,
В конце пути он спит, увы!

Люби, пока хватает сил
И жаждешь ты душой любить!
Чтоб не пришлось тебе стоять
И у могилы слёзы лить!

Первую строфу этого стихотворения Ференц Лист взял эпиграфом
к своему ноктюрну №3 «Грёзы любви»:

в исполнении А.Рубинштейна

<https://www.youtube.com/watch?v=nAYgiFiZtXA>

в исполнении Д.Циффра

<https://www.youtube.com/watch?v=6CKwFKdyXGA>

Канцона (переложение для голоса с инструментальным
сопровождением):

В исп. Й.Кауфманна <https://www.youtube.com/watch?v=Uez9Zzcihss>

На музыку Ф.Листа (по Ф.Фрейлиграту)

Канцона

Люби, люби, пока в душе огонь есть,

Er aber sieht und hört dich nicht,
Kommt nicht, daß du ihn froh umfängst;
Der Mund, der oft dich küßte, spricht
Nie wieder: Ich vergab dir längst!

Er tat's, vergab dir lange schon,
Doch manche heiße Träne fiel
Um dich und um dein herbes Wort —
Doch still — er ruht, er ist am Ziel!

O lieb', solange du lieben kannst!
O lieb', solange du lieben magst!
Die Stunde kommt, die Stunde kommt,
Wo du an Gräbern stehst und klagst!

Пока... хватает сил!
Настанет час, настанет горький час
Нам плакать у могил!

Следи за сердцем, чтоб
Любовь уберегло,
Пока другое сердце есть, сердце есть,
И ты им любим,
Так любим,
Ты любим
Так нежно и тепло.

Интермеццо ф-но

И ты тому, кто душу распахнё...т,
Всё, что только мо...жешь, всё отдавай,
Чтоб каждый день его счастливым был,
И мига не отравляй!

За речью бережно следи,
Чтоб словом злым не бил:
О, нет...! Ты не хотел, не ду...мал,
А друг твой тобой оби...жен был!
Уже... тобой... обижен... друг

Интермеццо ф-но

Люби, люби, пока в душе огонь есть,
Пока... хватает сил!
Настанет час, настанет горький час,
Наста...нет час
Нам плакать у могил!

Каденция ф-но

F.Listz Notturmo #3 Ноты
исп.Д.Баренбойм
https://www.youtube.com/watch?v=Y4XEPdYO5mM&list=RDY4XEPdYO5mM&start_radio=1

Hugo von Hofmannsthal

Die beiden

Sie trug den Becher in der Hand
– Ihr Kinn und Mund glich seinem Rand –,
So leicht und sicher war ihr Gang,
Kein Tropfen aus dem Becher sprang.

So leicht und fest war seine Hand:
Er ritt auf einem jungen Pferde,
Und mit nachlässiger Gebärde
Erzwang er, daß es zitternd stand.

Jedoch, wenn er aus ihrer Hand
Den leichten Becher nehmen sollte,
So war es beiden allzu schwer:
Denn beide bebten sie so sehr,
Daß keine Hand die andre fand
Und dunkler Wein am Boden rollte.

Hugo von Hofmannsthal

Was ist die Welt?

Was ist die Welt? Ein ewiges Gedicht,
Daraus der Geist der Gottheit strahlt und glüht,
Daraus der Wein der Weisheit schäumt und sprüht,
Daraus der Laut der Lieben zu uns spricht.

Und jedes Menschen wechselndes Gemüt,
Ein Strahl ists, der aus dieser Sonne bricht,

Хуго фон Гофмансталь (1874-1929)

Двое

Походкой лёгкой быстро шла,
Бокал не расплескав неслла.
Рот, подбородок, как бокал:
Такой же блеск, похож овал.

Легка, тверда его рука:
Он тронул лошадь молодую
Движеньем резким и гарцуя
Заставил задрожать слегка.

Когда ж друг к другу подошли,
Она, бокал подав, склонилась,
Он, храбрость потеряв, поник;
Дрожали оба в этот миг,
Друг друга руки не нашли,
И тёмное вино пролилось.

Хьюго фон Хофманнстхаль (1874-1929)

Что такое мир?

Мир, что он есть? Поэма тысяч лет.
В нём мудрости вино искрясь бурлит,
В нём голос близких с нами говорит,
В нём Божества величие и свет.

Когда нас мысль случайно озарит,
Она лишь луч, в ней мощи солнца нет,
Она средь тысяч строф – один куплет,
Что незаметно тает и дрожит.

Но он и мир в себе, во тьму одет,
И тайных сладких звуков полон он,
Красой неосквернённой одарён.

Ни отражения, ни звука нет.
И, даже если будем мы читать,
Смысл этой книги не дано понять.

Райнер Мария Рильке

Осенний день

Господь, как долго летний зной, паля,
царил! На солнечных часах встань тенью
и дай ветрам умчаться на поля.

Чтобы последние плоды смогли сполна
созреть, дай им два дня погожих, южных,
для накопления совершенства нужных -
последней сладости тяжёлого вина.

Бездомный дом не выстроит и впредь.
Кто одинок, души родной не встретит,
станет читать, писать и ждать, пока ответят,
и по аллеям, выкрашенным в медь,
Бродить по листьям, что гоняет ветер.

*) Комментарии переводчика – см. в статье
«О стихотворениях Р.М.Рильке» на этом сайте

Ein Vers, der sich an tausend andre flicht.
Der unbemerkt verhallt, verlischt, verblüht.

Und doch auch eine Welt für sich allein,
Voll süß-geheimer, nie vernommner Töne,
Begabt mit eigner, unentweihter Schöne,

Und keines Andern Nachhall, Widerschein.
Und wenn du gar zu lesen drin verstündest,
Ein Buch, das du im Leben nicht ergründest.

Rainer Maria Rilke

Herbsttag

Herr: es ist Zeit. Der Sommer war sehr groß.
Leg deinen Schatten auf die Sonnenuhren,
und auf den Fluren laß die Winde los.

Befiehl den letzten Früchten voll zu sein;
gieb ihnen noch zwei südlichere Tage,
dränge sie zur Vollendung hin und jage
die letzte Süße in den schweren Wein.

Wer jetzt kein Haus hat, baut sich keines mehr.
Wer jetzt allein ist, wird es lange bleiben,
wird wachen, lesen, lange Briefe schreiben
und wird in den Alleen hin und her
unruhig wandern, wenn die Blätter treiben.

Райнер Мария Рильке

Песня нищего

Под солнцем иду, под дождём
от двери к двери другой.
Сейчас вот правое ухо своё
закрыл правой рукой,
и голос мой в ухе орёт,
как чей-то совсем чужой.

Я что-то в толк не возьму и сам:
это я или кто другой?
Кричу... (конечно, по пустякам,
не то, что поэт большой).

Теперь лицо моё в пятерне.
Стоит глаза прикрыть,
под этой тяжестью можно вполне
даже покой ощутить.
Никто не сможет подумать, что мне
негде голову преклонить.

*) Комментарии переводчика – см. в статье
«О стихотворениях Р.М.Рильке» на этом сайте

Вильгельм Буш (1897-1966)

Внешний вид и реальность

Дитя, есть вещи в этом мире
(И дело вовсе не в размере):

Rainer Maria Rilke

Das Lied des Bettlers

Ich gehe immer von Tor zu Tor,
verregnet und verbrannt;
auf einmal leg ich mein rechtes Ohr
in meine rechte Hand.
Dann kommt mir meine Stimme vor
als hätt ich sie nie gekannt.

Dann weiß ich nicht sicher wer da schreit,
ich oder irgendwer.
Ich schreie um eine Kleinigkeit.
Die Dichter schrein um mehr.

Und endlich mach ich noch mein Gesicht
mit beiden Augen zu;
wie's dann in der Hand liegt mit seinem Gewicht
sieht es fast aus wie Ruh.
Damit sie nicht meinen ich hätte nicht,
wohin ich mein Haupt tu.

Wilhelm Busch

Schein und Sein

Mein Kind, es sind allhier die Dinge,
Gleichwohl, ob große, ob geringe,
Im wesentlichen so verpackt,
Daß man sie nicht wie Nüsse knackt.

Весьма сложны их суть и плоть,
Их, как орех, не расколоть.

Не думай, что поймёшь снаружи
За полчаса людские души.
Извне туда дороги нет:
Не сердце видишь, а жилет.

Wie wolltest du dich unterwinden,
Kurzweg die Menschen zu ergründen.
Du kennst sie nur von außenwärts.
Du siehst die Weste, nicht das Herz.

Из ивритской поэзии

Из Антологии ивритской поэзии

От переводчика:

В марте 2013г. вышла в свет антология ивритской поэзии двадцатого века, составленная Менахемом Бэном и Дороном Кореном.
(A Hundred Years of Israeli Poetry. Miskal – Yedioth Ahronoth Books and Chemed Books. Tel-Aviv, 2013)

Возможно, это первая попытка такого рода. Во всяком случае, ни в библиотеках, ни в Интернете не удалось найти чего-либо подобного.

Антология называется "Самые красивые стихи на иврите". В ней более 350 стихотворений. Естественно, выбор материала определяется вкусами составителей, при этом стремление показать творчество как можно большего числа поэтов, оставляет мало места для каждого из них, в том числе, и самых крупных.

Антология открывается разделом, озаглавленным "Четырнадцать лиц (видов) красоты". Представленные там образцы поэзии сопровождаются комментариями составителей сборника. Остальные разделы построены по хронологическому принципу.

В приложении приведены принятые в переводах на русский язык названия частей Библии.
римечания переводчика.

Содержание:

Из вступительного раздела "Четырнадцать лиц красоты"

Натан Альтерман. [Вновь вернулся напев](#)

Амос Оз. [Посреди ночи Стихотворение о маленькой девочке](#)

נתן אלטרמן. עוד חזר הנגון

עמוס עוז. באמצע הלילה שיר על ילדה קטנה

דוד רוקח. מה מדת האהבה

חיים לנסקי. בין אלה הגבים הגוחנים

רחל. את כלי ספרתי עד תם

אברהם שלונסקי. האדיר הגווע

דורי מנור. Fin de siècle

דוד אבידן. מתוך "שתי סנטות"

אביגדור המאירי.
והתכי יוסי – כל היום צרח

Из раздела "Первые"

Авигдор Амейри

Весь день попугай мой кричал

Из раздела "От Рахели до Хаима Гури"

Авраам Шлёнский

Льстецы

Намёки подвешенной луны

Элишева

Остаток

Авраам Халфи

Следы Твои видел во сне

Йосеф Шалом

Рог

Хаим Ленский

Меня полынь заколдовала

Тем, у кого

Язык праотцев

Габриэль Прейл

Остров и отступившее море

Зельда (Шнеерсон-Мишкова)

Каждая лилия

Невидимый Кармель

Яков Орланд

אברהם שלונסקי.

מדוחים

רמזי הירח התלי

אלישבע.

שארי

אברהם חלפי.

חלום עקבותיך

יוסף שלום שפירא.

השופרות

חיים לנסקי.

קסם לי קסמה הלענה

לאלה שיומם

לשון קדומים

גבריאל פרייל.

אי ימנו הנסוג

זלדה.

כל שושנה

הפרמל האי-נראה

יעקב אורלנד.

Радость бедных
Элиэзер Каган
Золотая свадьба
Сила притяжения
Хаим Гури
Вот недвижимые наши тела

שְׂמַחַת עֲנִיִּים
אליעזר כגן.
חַתּוּנַת זָהָב
לח הכְּבִידָה
חיים גורי.
הִנֵּה מַטְלוֹת גּוֹפּוֹתֵינוּ

Из раздела "От Иегуды Амихая до Мардехая Гелдемана"

Иегуда Амихай
В безмолвной комнате
Там, наверху, на соснах шишек звон
Давид Авидан
Поднимаются улицы ввысь
Исраэль Пинкас
Два отрывка о сне и любви 2.
Далия Рабинович
Вождение
Тяжёлая зима
Ури Бернштейн
Короткая любовь
Был резон
Отчуждённость
Рахель Халфи
Рыба-скульптор
Хвост Эллы
Меир Визелтир
О правде
Стансы
Иона Волах
Авшалом
Танхум Авнер
Стихи

יהודה עמיחי.
ובלילות חדרנו נֶאָטָם
למלֶעָה על העץ אֶצְטַרְבָּלִים
דוד אבידן.
הֶרְחֹבוֹת מַמְרִיאים לֹאט
ישראל פנקס.
שְׁנֵי פְּרָקִים על שִׁנָּה וְאַהֲבָה. ב'
דליה רביקוביץ.
חֲמֻדָּה
חֶרֶף קֶשֶׁה
אורי ברנשטיין.
אַהֲבָה קֶצֶרָה
הִיָּה טַעַם
זְרוֹת
רחל חלפי.
הַדָּג הַפֶּסֶל
הַזָּנָב שֶׁל אֵלֶּה
מאיר ויזלטיר.
בְּאֶמֶת
סְטַנְדָּוֹת
יונה וולך.
אַבְשָׁלוֹם
תנחום אבנר.
שִׁיר

Стихотворения Дана Пагиса

[Мгновение в Лувре](#)

[Внезапное сердце](#)

[Опознание](#)

[Эпилог к «Робинзон Крузо»](#)

[Новый любовник](#)

[Мозг \(1-18\)](#)

Стихотворения Эстер Рааб

[Роша](#)

[Я](#)

[Дрофа](#)

Стихотворения Яакова Фихмана

[Караван в пустыне](#) (Направо, налево)

[Легенда](#) (У берега Кинерета)

[Парус](#)

[Рука коснулась](#)

[Приложение](#). *Соответствие названий частей Библии
на иврите и русском языке*

שירי דן פגיס

רגע ב־לובֿר

לב פֿתאמי

התודעות

אפילוג לרובינזון קרוזו

מאהב חדש

מח

שירי אסתר ראב

החרֿשה

אני

חוגה

שירי יעקב פֿיכמן

ימין ושמאל

על שפת ים כנרת

מפרש

יד מי נגעה

Из вступительного раздела "Четырнадцать лиц красоты"

Натан Альтерман
(1910-1970)

נתן אלטרמן

Вновь вернулся напев

*

Вновь вернулся заброшенный было напев.
Как глаза, распахнулась дорога без края.
Дуба сень на траве, тучи тень на тропе -
Все, прохожий, тебя ожидают.

עוד חוזר הנגון שזנחת לשוא
והדרך עודנה נפקחת לארץ
וענן בשמיו ואילן בגשמי
מצפים עוד לך, עובר ארח.

С ветром буря придёт. Как качелей полёт,
Молний сноп над тобой след проложит,
А овца и газель подтвердят в свой черёд,
Что ты их приласкал - и свой путь продолжил,

והרוח תקום ובטיסת נדנדות
יעברו הברקים מעליך
וכבשה ואילת תהיינה עדות
שלטפת אותן והוספת לקת--

Что твой город далёк, что с котомкой пустой
Не однажды склонялся влюблённо
Пред смеющейся женщиной, птичкой лесной,
Ливнем век в кронах рощи зелёной.

--שידיך ריקות ועירך רחוקה
ולא פעם סגדת אפים
לחרשה ירקה ואשה בצחוקה
וצמרת גשומת עפעפים.

От составителя антологии:

Это вечное стихотворение, открывающее поэзию Альтермана, звучит в нас, как песня, раньше, чем мы понимаем его. Я тоже любил это стихотворение в течение многих лет ещё до того, как попытался растолковать его смысл. Я запомнил его как-то само собой. Всякий, кто слышит его положенным на музыку Нафтали Альтером в исполнении Бэрри Сахарофа, влюбляется в него намного раньше, чем понимает. Но, если мы начнём комментировать его (и это, конечно, только одна из возможных трактовок), то выясним, что Альтерман говорит в нём о моменте, когда он вернулся к поэтическому творчеству, и о том, что он вновь глубоко полюбил этот мир, поскольку поэзия вновь, изнутри открылась в нём, как глаза, которые были прежде закрыты. И никто не любил этот мир, как Альтерман. Он хочет, чтобы овца и газель засвидетельствовали, что он гладил их в бескорыстной любви. Это не та овца, которую ты тащишь в своё стадо, не та га-зель, которую можно присоединить к своему зверинцу. Нет, ты гладишь их, бесконечно очаровательных, ради наслаждения лаской и в благодарности миру. И затем ты продолжаешь путь без них, "с котомкой пустой", только для того, чтобы сказать, что они, как и роща, как и женщина, и дождь – свидетельство божественной красоты мира.¹

¹ Это стихотворение – вероятно, самое известное в современной ивритской поэзии. Отдельные его строки стали поистине крылатыми выражениями. Оно открывает первую книгу стихов Альтермана "Звёзды вовне" (1938), сразу поставившую его во главе современных ему израильских поэтов. Он вступил в поэзию не со сборником накопившихся стихов, а с сочинением, равного которому не появилось с тех пор по обдуманности общего плана и по уровню его воплощения.

Все идеи книги автор изложил в 12 строках этого вступления: и тематику, и композицию, и стилистику, и используемые художественные средства. Основные темы книги обозначены одним-двумя словами: напев (поэзии и вселенной), бесконечная дорога, поэт-труба-дур, вечный скиталец, верный лишь одному божеству – поэзии, природа и женщина – источники вдохновения и предмет поклонения. За-дан даже превалирующий в книге метр стиха – анапест.

Композиция стихотворения предваряет композицию книги, где конец – отражение начала: здесь дорога открывается, как глаза, а в последней части книги "закрываются дороги, как глаза, в конце пути"; в начале стихотворения поэт выходит из дому, побуждаемый творческим вдохновением, а в конце его "город далёк"; здесь он склоняется до земли перед смеющейся женщиной, но она – та единственная смеющаяся женщина в книге – появится только в последней её части (См. статью "Как тебя зовут, Хамуталь?" на этом сайте).

В 12 строках Альтерман демонстрирует чудеса поэтической техники (снова – в начале и в конце):

- в третьей и в предпоследней строках есть три внутренние рифмы ("Дуба сень на траве, тучи тень на тропе");
 - во второй и в последней строках есть слова, используемые в необычных значениях: дорога открывается, именно как глаза (для глаз в иврите существует отдельный глагол "открыть" – "лифкоах", вместо обычного "лифтоах"), а крона дерева "дождлива" веками (какой образ – листья-веки! Сравните, у Генриха Гейне: "что ни листик, то ушко");
 - а в середине стихотворения "обратная" аллегория: не качели быстры, как молния, а молнии проносятся, как качели.
- И ещё остаются целых две строки, чтобы остановиться и погладить овцу и газель (может быть, намёк на мифического певца Орфея, умевшего обходиться с дикими зверями).

Воистину, явление в поэзии и не только в ивритской.

Песня на музыку Нахума Геймана в исполнении Хавы Альберштейн
на сайте <https://www.youtube.com/watch?v=R2NDT9akvVg>

и на музыку Нафтали Альтера в исполнении Бари Сахарофа
на сайте https://www.youtube.com/watch?v=Du0tvC_AtHU

עמוס עוז

עמוס עוז

באמצע הלילה שיר על ילדה קטנה

הלילה בשתיים ברוח בגשם לבד
עם ספר ותה ותנור עם כאב קזה ואחר
ער בין ישנים אין לי שלום רעידה חלשה בזגוגית
ופתאום פני ילדה בחלון מבחוץ מבחשך
ולה רק כתנת קיצית בקר הנורא הזה ומטפחת וכלום איננה אומרת.
ילדה בחורון-מות שאלתי, למה את לא ישנה בקר הנורא בחשך הזה
מה קרה מה עשו לך ילדה. כלם ישנים כבר עכשו.
עכשו, היא אומרת בשחוק, אני לא רוצה ואתה לא יכול לישון. ולמה, ילדה כחלה
בחלון, למה את לא מגלה
מה שם עושים לך בחשך ברוח הן כאן עצובים דואגים וכל כך רוצים לדעת.
אני, היא אומרת, כבר לא יכולה לדבר דבורים וכלום לא מתר לגלות.
אז אולי לעשות לך סירה של ניר בית קטן ונחמד מקפסות-גפרורים?
שום דבר היא אומרת אתה לא מבין מי צריך פה סירות ובתים מי צריך
איפה שלקחו אותי ישנם עוד המון ילדים כחלים וכלם לא רוצים לישון
לנו יש משחקים בלי סוף והמון המון תחניות אנחנו ילדי-שעשועים
לנו בכלל לא עצוב ולנו אפילו מרשים לשחק למשל
בלהוריד ולעצר את הגשם בלתת ולקחת רוח בלהזיז
כוכבים בלדחף ערמות עננים ולעשות מהם צורות

בְּלִהְתַּחבֵּא לָכֶם בֵּין עֲנָפִים שֶׁל עֵץ וְלַעֲשׂוֹת מִשָּׁם שְׁשֻׁשׁ בְּלִהְכֹּס לְתוֹךְ הַבָּתִּים
 וְלַחְרֹק לָכֶם בְּתַרְסִים אוֹ בְּבֶרֶז שֶׁתִּדְעוּ שְׁאַנְחֲנוּ קְרוֹבִים בְּלִהְפִּיל
 מַעִיל מִן הַדָּף לְרֹצֶפֶה עָלֶה מַעֲצִיץ בְּלַעֲשׂוֹת לָכֶם חִלּוּמוֹת חִלּוּמוֹת
 בְּלִילוֹת בְּלִלְחֹשׁ מֵאַחֲרֵי וִילּוֹנוֹת בְּלִהְתַּחפֵּשׁ לְפָרֶפֶר, לִגְבְּעוֹת אוֹ לְדָשָׁא
 בְּלַחְזֹר אֲלֵיכֶם עוֹד וְעוֹד כָּמוֹ מַיִם כָּמוֹ צֶפֶר כָּמוֹ חֶרֶף
 כָּמוֹ רוּחַ כָּמוֹ לַחֹשׁ כָּמוֹ אֵיךְ שְׁאַנְחֲנוּ רוֹצִים.
 הִיא מְדַבֶּרֶת אֵלַי בְּזָכוּכִית הַחֲלוֹן וְלֹה מִן חִיּוֹךְ מִתְבַּיֵּשׁ וּפְנִיָּה שְׁלֵמִים וְשִׁקְטִים
 וְשִׁקֵּט גָּמוּר יוֹרֵד גַּם עָלַי וּבִשְׁקֵט אֲנִי בְּדַמְעוֹת מִפְּצִיר בָּהּ לִכִּי נָא יִלְדָּה.
 לִכִּי תַעֲרִיר אֶת אִמָּא וְאַבָּא בְּבִקְשָׁה שְׁתִּגִּידִי לָהֶם בְּדִיוֹק
 כָּמוֹ שֶׁהִגְדַּתְּ לִי אֲבֵל בְּדִיוֹק וְהִיא מַחֲכִיכֶת, טַפֵּשׁ, אֲנִי פֹה וְאֲנִי
 גַּם אֶצֶל־ם וְאֲנִי עֹכֵשׁוֹ כַּעַת גַּם בְּעוֹד מְקוֹמוֹת לְמִשָּׁל גַּם בְּעַמֶּק יוֹבֵל יִפְעֻתִים
 בְּאַרְמוֹן שֶׁל תַּעֲוִי מֶלֶךְ חֶמֶת וְשֵׁם נִגֵּה אֶרְגוֹן וְכַרְמִיל וְתַכְלֵת וְשֵׁם עוֹד תִּרְאֶה מֶה יֵשׁ.
 מִנֵּין, יִלְדָּה, לְמַדַּת לְדַעַת אֶת כָּל הַמְּלִים הַקְּסוּמוֹת הָאֵלֶּה?
 אֵל תִּפְחָד הִיא אוֹמְרֶת עוֹד מַעֵט תִּבּוֹא גַּם אֶתָּה וְתִדַּע עוֹד אֶלֶף דְּבָרִים
 שֶׁבְּכָל־לֹא חִלַּמְתָּ אֵף פַּעַם רַק שְׁכֻלּוֹם אֶסּוּר לְגִלוֹת לְפָנַי שֶׁתִּבּוֹאוּ לְרֹאוֹת
 אֶת בְּאֻמַּת מִבְּטִיחָה לִי, שְׁאַלְתִּי אֲנִי בְּדַמְעָה.
 אוֹלֵי רַק תִּתֵּנִי לִי סִימֵן לְפָחוֹת מִן מַזְכָּרֶת קִטְנָה
 טַפֵּשׁ הִיא אוֹמְרֶת, אֶתָּה וְכָל־כֶּם הַמַּזְכָּרֶת
 וְחֹשֶׁךְ וְחֶרֶף וְרוּחַ דּוֹפְקִים בְּחֲלוֹן מִבְּחוּץ
 וְאֲנִי מְתַרְגֵּם לְמַלְלִים עוֹד מַעֵט עוֹד מַעֵט.

השיר הזה לנשמת ילדה קטנה ושמה נגה
 שהייתי עושה לה סירות מנייר.

Амос Оз
 (p.1939)

Посреди ночи Стихотворение о маленькой девочке

Сегодня часа в два дождливой и ветренной ночи
 Один с книгой чаем и печкой и с болью какой-то
 Беспокойно я бодрствую среди спящих Слегка задрожало стекло
 И вдруг из тьмы за окном лицо девочки
 А на ней в этот жуткий холод только летняя рубашонка платочек
 и не говорит ничего.
 Девочка смерти бледней я спросил, почему ты не спишь в этот холод ужасный во тьме

Что случилось вдруг что тебе сделали детка все сейчас уже спят.
А я, говорит смеясь, не хочу да и ты не можешь уснуть.
Но почему дитя посиневшее за окном, почему не откроешь
Что там происходит с тобой на ветру в темноте
Ведь всё так печально тревожно и хочется знать.
Мне, говорит она, не до болтовни сейчас и вообще ничего нельзя раскрывать.
Может сделать тебе бумажный кораблик или домик красивый из спичечных коробков?
Ничего говорит ты не понял кому тут нужны корабли и дома
Там куда меня взяли есть ещё много посиневших детей и никто спать не хочет
Нет конца нашим играм и планам мы дети забав²
Нам вовсе не грустно и даже позволено например
Дождь пролить прекратить ветер дать и забрать
Двигать звёзды фигурки складывать разные из
облаков
Прятаться в ветках дерева делать оттуда вам ш-ш-ш-ш пробираться в дома
И скрипеть для вас ставнями кранами чтобы вы знали мы близко
Сбрасывать с вешалки куртку и на пол бумажку и листик цветка из горшка
Навевать вам разные сны по ночам шептать из-за штор
Наряжаться и лужайкой и бабочкой и холмом
Возвращаться к вам снова и снова как птица зима и вода
Как ветер как шёпот вообще так как мы захотим
Она говорит со мной через стекло с какой-то смущённой улыбкой
На лице её примиренье покой и нисходит такой же глубокий покой на меня
И тихонько сквозь слёзы я уговариваю её будь добра уходи.
Иди дитя разбуди маму с папой и скажи им пожалуйста
точь-в-точь всё то что ты мне рассказала
Дурачок смеётся она я и здесь я и там возле них и сейчас я во многих местах
Ну к примеру в долине Юваль Ифъатаим во дворце у Тоу царя Хамата а там
Сияние пряжи карминной пурпуровой и голубой³ и много другого увидишь.
Где дитя научилась ты этим словам колдовским?
Не бойся она говорит скоро придёшь и узнаешь много вещей
Которые даже не снились тебе только нельзя раскрывать ничего пока не увидите сами
Ты и вправду мне обещаешь спросил я в слезах. Может дашь мне хоть знак

² Выражение из ТАНАХа (Невиим, Ирмияһу, 21, 19), означающее "любимые дети"

³ ТАНАХ, Кетувим, Диврей-һа-ямим, I, 18 (описываются события около 1000 лет до н.э.)

Что-нибудь такое на память вот дурачок, она говорит, ты и все вы и есть эта память.
А ветер и тьма и зима стучатся снаружи в окно
И я повторяю за ними словами осталось немного осталось немного

Это стихотворение в память маленькой девочки по имени Нóгаһ⁴,
для которой я делал кораблики из бумаги.

От составителя антологии:

Я тоже не знал, что Амос Оз пишет стихи, до того дня в семидесятые годы, когда в недельном литературном приложении к газете "Давар" было опубликовано это поразительное стихотворение. Оно божественно по своей красоте и по сути. В нём Амосу Озу является за окном маленькая девочка по имени Нóгаһ, которая умерла и которой он делал когда-то бумажные кораблики. И она рассказывает ему о стране мёртвых, куда она попала после смерти и где стала частицей Бога (как сказано в "Коһелете", "и прах возвратится в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его."⁵) Она ведь, и в самом деле, занята делами, присущими Богу: " Нам ... даже позволено например/ Дождь пролить прекратить", а ведь это – деяние Божье, если только Он не доверяет кому-либо совершать его вместо Себя.

Оз пользуется здесь волшебной красотой иврита, в том числе – библейского, чтобы передать нам словами маленькой девочки небесную красоту смерти – тёмной и светоносной одновременно. И девочка говорит: "сейчас я во многих местах/ Ну к примеру в долине Юваль Ифьатаим во дворце у Тоу царя Хамата а там/ Сияние пряжи карминной пурпуровой и голубой и много другого увидишь." Он спрашивает её: "Где дитя научилась ты этим словам колдовским?" У тебя, Оз, у твоего знания ТАНАХа.

Другое важное духовное открытие стихотворения, несущее огромный смысл, это – объяснение того, что Бог может являться одновременно в бесконечном числе мест и даже в одной и той же телесной оболочке (ибо Бог – телесный образ, а не тело; дух, а не плоть). Ведь и умершая девочка Нóгаһ в телесном образе своём (ясно, что она уже не тело, а только телесный образ) появляется одновременно в нескольких местах. Значит, Бог может являться нам всем в одно и то же мгновение в телесном образе и, может быть, в этом и есть объяснение слова Бог⁶ - один во многих.

⁴ нóгаһ – сияние (иврит)

⁵ ТАНАХ, Кетувим, Коһелет 12, 7

⁶ Слово "Бог" в иврите – существительное множественного числа (буквально, "божества")

Давид Рокзах
(1916-1985)

דוד רוקח

*

*

Какова мера любви рассеянной над садами роз
Чем измерить свет в перемене цветов
С течением времён года. Здесь возле оседающих гор,
Здесь на морском берегу. Сосчитай ракушки
Выбрасываемые на песок на пике их крапчатости.
Время за временем с их оттенками моря и над всем этим
голубизна моллюска

מה מדת האהבה הזרועה על גני הורדים
מה מדת האור בצבעים המתחלפים
על דליפת עונות. כאן ליד החר השוקע
כאן על שפת הים. מנה את הכונניות
הנזרקות אל החול בשיא נמוך.
עונה עונה וצבעיה הימיים ועל כלם תכלת החלזון

От составителя антологии:

Давид Рокзах (1916-1985), рисовавший всегда пейзажи души и реальные пейзажи редкостными по нежной красоте словами, сегодня – поэт почти неизвестный. По своему обыкновению Давид Рокзах не ставит точку в конце стихотворения и таким образом как бы открывает его в бесконечность. И, действительно, все понятия, предлагаемые к измерению в этом прекрасном стихотворении, бесконечны и потому измерению не поддаются: "Какова мера любви, рассеянной над садами роз"? Ну, в самом деле, какова мера любви? Нет ей меры. А чем измерить свет в перемене цветов? И ему меры нет. Но самой постановкой вопросов мы как бы даём сами себе напрашивающийся ответ: всему этому нет меры, всякая красота неизмерима. И, обратите внимание, насколько сочетания слов у Давида Рокзаха новы, мы таких раньше не читали: "течение времён года", например (вместо того, чтобы говорить о смене времён года) или, скажем, "ракушки, выбрасываемые на песок на пике их крапчатости" (кто когда-либо говорил о крапчатых ракушках, да ещё выбрасываемых на песок на пике их крапчатости?). Так с помощью новых сочетаний слов заставляет нас Рокзах ощутить новые пейзажи нашего языка; ведь истёртые от частого употребления слова оставляют нас равнодушными, а новые слова оживляют для нас ландшафты. Здесь идёт соревнование в новизне красоты и рекорд принадлежит "голубизне моллюска", той самой голубизне, которую ещё в Талмуде не сумели, кажется, найти и извлечь⁷. Это и есть настоящий источник красоты: совершенная редкостность, в том числе – и редкостность слов. Это стихотворение поражает нас необычайностью своей красоты, суть которой в его новой основе.

⁷ В древности из моллюсков добывали высококачественные красители для тканей (пурпур и т.п.)

Меж этих согнутых спин

בין אלה הגבים הגוחנים

Цемент и камень тяжким грузом гнут
Скопления спин, бредущие рядами.
Спине моей ещё сгибаться тут
Меж них под блеск стальных штыков годами,
Но твёрдо знаю: тени их косой
Не вечно рассекать затылок мой.
Судьба короткий век мне присудила.
А что ждёт в будущем, Содома судьи, вас?
Что проку кандалам звенеть, являя силу?
Конец один – сойти со мной в могилу,
Но песни жизнь длинней во много раз.
Поэта бойтесь вы, хоть он и слаб сейчас!
Поэта голос - громы небосвода.
Бессмертен, не страшны ему века.
От тонкой тени злобного штыка
Меня избавят смерть или свобода,
А вас в гробах придавит (будет день!),
Могильною плитой позора тень.

בין אלה הגבים הגוחנים
לסבילותם באבן ובמלט
נדון גבי לגחון, לגחון שנים
מתחת להט פגיוני-הפלד.
אך זאת אדע ידע: פס צלם
על ערפי ינוח לא לעולם.
חיי שלחי קצרי-ימים בחלד.
ומה, דיני-סדום, דינכם? – הד-שוא!
ומה יתרון לצליל ברזל הכבל?
הרי סופו לצלול אתי בקבר.
לא כן שירו של משורר נלעב –
גורו ממנו כל מעליביו!
קולו כרעם שחק בן-אלמות,
לעד בו לא ישלט הפליון.
מתוך צלו הדק של הפגיון
אותי יוציא החפץ או המות;
אתכם גם לא יוציא החדלון
מתוך עב-צל מצבת-הקלון!

От составителя антологии:

До сих пор не ясно, когда и как умер Хаим Ленский, чудесный еврейский поэт, который был арестован в 1934г. в сталинской России по обвинению в сочинении стихов на иврите (именно так!) и осуждён на пять лет каторжных работ. Ленский отбыл, насколько известно, срок полностью и после пяти лет вернулся в Москву и Ленинград, но в 1942г. был снова отправлен в концлагерь в Сибирь, где, повидимому, и умер.

В этом лагере он написал некоторые из самых лучших своих стихов, в том числе и "Меж этих согнутых спин". Стихотворение описывает ужасную действительность, реальную действительность тех дней в сталинской Сибири. Поэт переносит камни и цемент под надзором вооружённой штыками охраны. События описываются "со спины", то есть как совершенно анонимные, и лиц арестованных мы не видим. Поэта спасает от абсолютного душевного ада некое принципиальное убеждение: страдания в этом мире временны и, в

особенности, страдания того, чья жизнь коротка. Поэзия, напротив, вечна. Она останется и после него и поставит "памятник позора" его охранникам, судьям и всему сталинскому советскому режиму. Даже после смерти они не смогут очиститься от этого позора.

Стихи Ленского нельзя отделить от искусства большой поэзии. Ленский из тех поэтов, которые доказывают, что поэзия и самый факт поэтического творчества есть некий источник радости; и в данном стихотворении заметна эта радость рифмы и ритма посреди Сибири, посреди тотального угнетения.

Рахель
(1890-1931)

רחל

*

*

Я себя рассказала дотла.
Я водила чужих
По комнатам потаённым души:
Здесь -
Гордость, что поправа, там – надежды тщета,
А покой - за отчаяньем,
Впереди.

את כלי ספרתי עד תם.
בחדרי חדרי
הולכתי זרים והצבעתי :
כאן –
גאווה רמוסה, כאן – צפית שוא,
ושלוח לאחר יאוש –
להלן.

И ты был среди них,
И ты, близкий-чужой, на меня
Мимоходом взглянув, вместе с ними ушёл.
Ну, а я
Буду молча в углу...
Я... Так что же, так что же,
Не было ничего?

גם אתה ביניהם,
גם אתה, הקרוב-הזר,
עברתי עבור והיט ותצא עם כלם,
ואני
בפנה אשקט.
ואני - - האמנם, האמנם
לא היה דבר ?!

От составителя антологии:

Чудо Рахели из числа "простых", поэтому иногда не распознают её величия, ведь простота обманчива. Рахель – из самых редких поэтов; её фраза "Лишь о себе рассказать умела" обманула некоторых читателей, потому что говорила она не только о себе, но, по сути, обо всех нас. То есть говорила много больше, чем только о себе. И, среди прочего, по-своему о большой истории сионизма. Рассказывала об озере Кинерет, о пионерах освоения земли. Рассказывала о любви и о тоске по любви. И всегда с чудесной певучестью. Вовсе не легко и мало кому удаётся быть такой простой и чарующей, редкой по силе своей любви, по силе исповедальности, глубине духовности и мысли, музыкальности, скромности фиалки, совершенству иврита, всегда свежего и прозрачного (своясь который всегда виден смысл), лишённого всякой заплесневелости - речевой и литературной, исполненного поэтической беглости. Рахель не только не пряталась за словами, но, наоборот, видела суть поэзии в возможности открыть душу, отбрасывая все литературные маски (отсюда её простота, которая и есть обнажение). Действительно, Рахель была противоположностью якобы-интеллектуальному снобизму, любующейся собой пустоте. Душа Рахели была велика и обнажена, и верно сказал о ней Бялик, что "клумбы её поэзии с их белыми цветами будут белеть вечно".

Вот и в этом стихотворении с беспощадной жестокостью по отношению к самой себе она срывает все маски: "Я себя рассказала до-тла..." Ясно, между прочим, что, если бы не Рахель, не было бы и Леи Гольдберг, которая умела приводить чужих ко всем своим разочарованиям, отчаяниям и любовям.

Авраам Шлёнский
(1900-1973)

אברהם שלונסקי.

Могуч лес в пору листопада

האדיר הגווע

Могуч лес в пору листопада,
И нет тропинки, нет пути,
А даль настойчива, и надо
Вновь спрашивать и вновь идти.

אדיר היער בשלכת
ואין משעול ואין משעול
והמרחק גוזר ללכת
וימחדש לתחיל לשאל.

Кому подобен ты, коль паства
Блеск фраз понять не в силах впредь,
И новой речью – вот лекарство! –
Теперь ты должен овладеть?

אל מי דמית כי דלות
היו צאנך לברות
וכמו הערב החלות
צרך מלים מהברות?

Мать сыну сказку рассказала:
Жил-был старик – богат, могуч,

אל הכסף י עליו הילד
שמע ספור מפיו אמו

Но, за собою дверь подвала
Закрыв, не смог найти он ключ

И пойманной подобен мыши
На груди золота вопил.
Никто не отвечал, не слышал,
Лишь эхо - до потери сил.

Так сказку мама завершила,
И эхо скрыл подвала свод.
Но неотступно мысль сверлила:
Могучий с голоду умрёт.

Могуч лес в пору листопада,
В нём нет следов былых путей.
Теперь тебе речь строить надо
Из неотёсанных камней.

אִיךְ נִסְגְּרָה עָלָיו הַדֵּלֶת
וְהַמִּפְתָּח בֶּל עִמּוֹ.

אִיךְ כְּעֶכְבֵּר לְכוּד שׁוּעַ
עַל דִּינָרָיו – עַד הַתְּעֵלֶף:
כִּי לֹא עָנָהוּ קוֹל שׁוֹמֵעַ
זוֹלֶת הָדוֹ שְׁלִמְרֵתָף.

תָּם-וְנִשְׁלָם סִפּוּר שֶׁל אִמָּא.
חֲתָם הָיָה עַל מוֹרָאיו.
וְרֵק הַדְּמוּת הַדְּמוּת הַפְּנִימָה:
אֲדִיר גּוֹנֵעַ בְּרָעַב.

אֲדִיר הֵיעַר בְּשִׁלְכָת.
נִמְחוּ נִמְחוּ עֵקְבֵי הַשְּׁבִיל - -
אֶל עוֹד תִּבְנֶה גְזִית מְלִיךְ
חֲצוֹב דְּבָרָךְ מֵאֶבֶן-גִּוִּיל.

От составителя антологии:

За запоминающейся музыкальностью и языком закодированных символов стихотворения "Могуч лес в пору листопада", открывающего позднюю книгу Шлёнского "Неотёсанные камни" (1960), кроются болезненная правда и беспощадное самобичевание. Шлёнский уподобляет себя, в начале своей старости, могучему лесу в пору листопада (надо думать, по воспоминаниям своего украинского детства; на земле Израиля нет ничего подобного), где идущий теряет дорогу, и само расстояние, которое ему нужно преодолеть, чтобы вернуться (здесь, в смысле вернуться к самому себе и к своей поэтической силе), заставляет его задавать себе острые вопросы. В попытке выбраться из чащи лысеющего леса, в котором очутился, он уподобляет себя богачу, обладателю несметных сокровищ (в данном случае, лексических), потерявшему вдруг способность даже составлять слова из слогов, как если бы только сегодня вечером начал писать стихи. Человек, оказавшийся в ловушке подвала, при всём своём поэтическом богатстве и со всеми языковыми "динарами" не может оттуда выбраться и остаётся в полном одиночестве и в беспомощности, каким и был Шлёнский в те годы, когда очевидным образом лишился короны первого поэта.

Это стихотворение затрагивает и вопросы собственно поэтики. В нём Шлёнский советует самому себе быть менее совершенным, менее "отшлифованным" (строить из "неотёсанных камней"), быть более естественным, т.е. писать без рифм и не придерживаться строго

упорядоченного построения стиха, писать с минимумом "отёсанности", а не так, как это было характерно для его творчества на протяжении многих лет: "Теперь тебе речь строить надо / из неотёсанных камней." Но при всём том, стихотворение попрежнему выстроено из совершенным образом обработанного материала, стихотворение грандиозное и отчаянное. Прочтите его себе вслух, вслушайтесь в музыку и слова. Этот лес – Шлёнский, и человек, потерявший дорогу, - тоже он.

Дори Манор
(р.1971)

Fin de siècle

"Ячейки моего подполья проникают всюду" (Дан Пагис)

Стихов ждут времена, нужна поддержка им,
Час наступил поэзии великой, СПИД-поэтов.
Отвергнув Господа, мы шаг обожествим –
Носители стихов идут, пророки од, сонетов.

Носители стихов! Знак Каина не зря
На наших языках (бессмертие возможно!),
И время это мы, как кочета заря,
От сна пробудим пафосом, рассудком здравым, дрожью.

Божественности вирус в кровь людей проник, и он
Ячейкою подполья, группой риска ждёт сигнала.
Носители, чьи кровь и плоть всегда - оплот времён,

Долой преступность лаконизмов, скромность, тупость жала!
Час наступил поэзии великой. Вирус, в бой!
Мы время предназначены, как ключ, закрыть собой.

דורי מנור.

Fin de siècle

"תאי המחתרת שלי מגיעים לכל מקום" (דן פגיס)

בָּאָה עֵת שִׁירָה גְּדוֹלָה, שִׁירָה ה־HIV,
כִּי סַעַד הַזְּמַנִּים הוּא שִׁיר. הַזְּמַן זָקוּק לְסַעַד.
נִשָּׂא אַחֵר נִשָּׂא נִצָּעַד, וְכָל נִשָּׂא – נִבִּיא;
בְּאֵין לָנוּ אֵלּוֹם, נִאֲלִים אֶת הַצַּעַד.

אֲנַחְנוּ נִשָּׂאִי שִׁירָה: אוֹת-קִין חֵיוָבִי
חֻקוֹק עַל לְשׁוֹנֵנוּ (הַאֲלֻמוֹת הוּא הַיַּעַד).
נִפְצִיעַ עַל הַזְּמַן הַזֶּה כְּשֹׁחַר עַל שְׁכוֹי,
נֶאִיר אוֹתוֹ בְּפִתּוֹס, בְּדַעַה צְלוּלָה, בְּרַעַד!

נְגִיף הָאֱלֵהוּת עוֹבֵר בְּנֶפֶשׁ הָאָדָם.
כְּתָא מַחְתָּרֶת הוּא עוֹבֵר: קְבוּצַת סֶכֶן, הַכּוֹנִי!
הַזְּמַן זָקוּק לְסַעַד נִשָּׂאִי בְּשֹׁר-וָדָם –

הַקֶּץ לַהֲצַטְנָעוֹת, הַקֶּץ לַפֶּשַׁע הַלְקוֹנִי!
אֶת בְּרִיחַ הַתְּקוּפָה הַזֹּאת נוֹעֲדָנוּ לְהִגִּיף:
עֲקֹשׁוּ הוּא זְמַן שִׁירָה גְּדוֹלָה. עֲקֹשׁוּ הוּא זְמַן נְגִיף!

От составителя антологии:

Замечательный сонет Дори Манора зовёт к революции. Это, повидимому, лучшее его стихотворение. Оно написано перед началом 2000-го года, в свете больших ожиданий от нового тысячелетия, и отсюда название – известное французское выражение, означающее "конец столетия", а по сути – конец тысячелетия, так сказать, "смену времён". Сонет этот совершенен по рифмовке и ритму, почти что чудо стихосложения, возвещающее возрождение поэтичности и духовности прямо-таки на уровне библейского пророчества конца света, включая отмену смерти навеки ("бессмертие возможно"). Вирус СПИДа и его носители служат здесь метафорой, добавляющей адреналин в процесс оживления великой поэзии, великой духовности и исправления мира (даже, если для самого автора нет Бога, он превращает поэзию в религию: "Отвергнув Господа, мы шаг обожествим").

Вирус СПИДа несколько парадоксальным образом служит альтернативой "вирусу божественности". (С содроганием обнаруживаем, что буквы аббревиатуры СПИД совпадают с некоторыми буквами упоминаемого рядом имени Господа⁸). Но, вопреки "отвергнув Господа...", речь идёт о стихотворении, несущем, по существу, религиозную весть, стремящемся воздействовать на нашу жизнь в незащищённой точке её духовности в момент, когда мы полны опасений и надежд в предверии нового тысячелетия. Наше время – "время вируса" не только потому, что речь идёт о "вирусе божественности", распространяющемся всё больше и больше среди людей, но и потому, что время можно победить (как вирус). Если духовность победит стремление к материальным благам (то есть поэзия победит приземлённость реальности или, иными словами, божественность – идолопоклонство), тогда мы выиграли битву. И сделать это надлежит поколению живущих меж двух тысячелетий. "Мы время предназначены, как ключ, закрыть собой". Мы закрываем и мы открываем эпоху, мы и никто иной.

Давид Авидан
(1934-1995)

Из цикла "Два сонета"

1

В злосчастный вечер дня обрубленного вдруг
Как шар железный что подброшен к облакам
Себя я видел как бы иссякая там
Затем расстаял как твердили все вокруг

И это знающие всё мои друзья
Не то чтоб предрекли а просто так рекли

דוד אבידן.

מתוך "שתי סונטות"

א

בְּעָרְב רֵעַ וּבַיּוֹם מָתָז
לְעֵנִינִים כְּמוֹ כְּדוּר בְּרָזָל
רָאִיתִי אֶת עֲצָמֵי פְתָאוֹם אוֹזֵל
לֹא-טֹלֵאט כְּמוֹ שְׁאֶמְרוּ לִי אָז

הַיְדִידִים הַמְּבִינִים שְׁלִי
שֶׁלֹא נָבְאוּ אֲבָל אֶמְרוּ לִי סֶתֶם

⁸ В оригинале намёк на близость букв обозначения HIV (ВИЧ) к ивритским буквам имени Бога Сущего, которое по традиции не произносится всуе, заменяясь на "Господи" или "Господь"

И так судить о том решительно могли
Поскольку не они умрут а только я

כְּמוֹ שֶׁהֵבִינוּ אֶת עֲבָדוֹת מוֹתָם
בְּמַגְנֹן-תְּפִיסָה אָטוּם שְׁלִילִי

Но вспоминал меня потом всегда народ
Стоящим прочно или мчавшимся вперёд
Не думавшим совсем чего от завтра ждать

אָבֵל זָכְרוּ אוֹתִי כְּמוֹ תָמִיד
דוֹהֵר קְדִימָה וְנָצַב עִמִּיד
וְלֹא יוֹדֵעַ מָה יִקְרָה מִחָר

А после как-то вдруг на мне сошёл свет
И выхода как из ловушки больше нет
А после после было поздно рассуждать

וְאַחֵר-כֵּן הִכֵּל נִסְגָּר אֵלַי
כְּמוֹ חֶפֶת-מִלְכָּדֶת מְעֻלִּי
וְאַחֵר-כֵּן הָיָה כְּבָר מֵאַחֵר

От составителя антологии:

Это один из самых совершенных сонетов на иврите, в котором Авидан предвидит, как он исчезнет из мира; видение прямо-таки физическое, осязающее беду. Желательно прочесть вслух. Красота сонета в его рифмах, музыкальности отшлифованного чудесно иврита и, конечно, в самом рассказе о жизни и смерти, в резюме жизни Авидана.

Что происходит в стихотворении? В какой-то злосчастный вечер (т.е. попросту вечер особенно плохой) Авидан выплеснут, запущен к своей катастрофе огромной неведомой силой извне и изнутри, как железный шар, отлетевший к облакам ("отлетевший" здесь в смысле "запущенный в полёт" и в том смысле, как говорят об отрубленной голове: оборванный ясный день становится зловещим вече-ром). Судьба непонятна, тяжела и враждебна, как железный шар. Осознание ухода внезапно, но само исчезновение происходит медленно ("себя я видел как бы иссякая"), как медленна смерть человека, вскрывшего себе вены. Только само осознание беды, как внезапная вспышка пламени свечи, неожиданно и быстро.

И всё же, несмотря на то, что "вдруг на мне сошёл свет, ловушки крышка мне застила свет", то есть, хотя отчаяние почти безнадежно, самый факт того, что Авидан говорит критически о своих друзьях, глухих к реальности их будущей смерти, это как бы своего рода декларация жажды жизни.

Тот, кто знаком с всегдашней авидановской надеждой на вечные миры и с его враждебностью по отношению ко всякому "примирению со смертью" — хорошо известными элементами его поэзии, опознает и здесь эту всегдашнюю враждебность смерти и неприятие её, даже тогда, когда всё уже закрыто для него (обратите внимание: свет закрывается на нём, а не вокруг него, чтобы подчеркнуть интим-ность и взаимозависимость между ним самим и тем, что с ним происходит; смерть приходит не только извне, но и изнутри).

Из раздела "Первые"

Хаим Нахман Бялик
(1873-1934)

Дай твоим укрыться крылом⁹

Дай твоим укрыться крылом,
Будь мне матерью и сестрой,
На груди твоей спрячу лицо, -
Тщетным мольбам сердце открой.

Милосердно склонись в сумерек час,
Муки свои поведаю я :
Ю н о с т ь есть на земле, говорят.
Где юность моя ?

И выдам ещё тайну одну :
Сгорела душа в пламени снов.
Говорят, л ю б о в ь есть на земле.
Но что есть любовь ?

Звёзды, и те солгали мне :
Дали мечту – разбили её.
Всего лишился я на земле,
Нет ничего.

Дай твоим укрыться крылом,
Будь мне матерью и сестрой,
На груди твоей спрячу лицо, -
Тщетным мольбам сердце открой.

Авигдор Амейри
(1890-1970)

Весь день попугай мой кричал

הכניסיני תחת כנפך

הכניסיני תחת כנפך,
והי לי אם ואחות,
ויהי חיקך מקלט ראשי,
קן-תפילותי הנדחות.

ובעת רחמים, בין-השמשות,
שחי ואגל לך סוד יסורי :
אומרים יש בעולם נעורים –
היכן נעורי ?

ועוד רצ אחד לך אתודה :
נפשי נשרפה בלהבה ;
אומרים, אהבה יש בעולם –
מה-זאת אהבה ?

הפוכבים רמו אותי,
היה חלום – אך גם הוא עבר ;
עתה אין לי כלום בעולם –
אין לי דבר.

הכניסיני תחת כנפך,
והי לי אם ואחות,
ויהי חיקך מקלט ראשי,
קן-תפילותי הנדחות.

אביגדור המאירי.

והתכי יוסי – כל היום צרח

⁹ По мнению некоторых специалистов автор обращается к Божественному Присутствию, Шхине. На иврите это слово – женского рода.

Весь день попугай мой Йоси кричал:
 Петер ушёл! Петер сбежал!
 Тише ты, Йоси! Ты что, одичал?
 А он за своё: Петер сбежал!
 Дала ему зёрнышек, чтоб замолчал,
 А он без конца: Петер сбежал!
 Йосинька, всё! Ты уже мне сказал!
 Вдохнул попугай: Петер сбежал...
 Давай успокоимся, Йосинька мой.
 Ведь, если и ты, что будет со мной?
 Петер вернётся с тобой поиграть.
 Петер сбежал, - прошептал он опять.
 Замолкли деревья и ветер застыл.
 Вдохнул попугай и глаза закатил.
 И вдруг исчез, голова не видна.
 Свалился за шторку и замер комком.
 И так осталась я в мире во всём
 одна.

Из раздела "От Рахели до Хаима Гури"

Рахель Блувштейн
 (1890-1931)

Кинерет

Там Голан вершины. Можешь их коснуться.
 Молча предлагают мне: «Остановись!»
 И седой Хермон там не спешит проснуться,
 Белоснежный холод шлёт нам его высь.

А у кромки вод склонила пальма крону,
 Листья, как вихры младенца-шалуна —
 Ножки опустил в Кинерет синий, сонный

והתכי יוסי – כל היום צרח:
 פטר הלך, פטר ברח!
 השתקתי אותו: יוסי, מה לך? –
 והוא באמת: פטר הלך!
 נתתי לו מתק עם עלי-שרך –
 והוא בלי הרף: פטר ברח!
 יוסי, הס-נא, אל-נא תצרח –
 והוא נאנח: פטר ברח!
 יוסי יקירי, עלינו להרגע –
 אם גם אתה תלך אני אשתגע –
 הלילה ישוב פטר ושוב ישרק לך –
 והוא מילל: פטר הלך! –
 עצי היער ממרחק אט שממו:
 והוא נאנח – ועיניו נעצמו –
 ופתאם נאלם
 ויפל אחורנית מעל-גבי הבד –
 ככה נשארתי לגמרי בדרך
 בתוך העולם. –

רחל

כנרת

שם הרי גולן, הושט היד וגע בם! –
 בדממה בוטחת מצוים: עצר.
 בבדידות קורנת גם חרמון הסבא
 וצנה נושבת מפסגת הצחור.

שם על חוף הים יש דקל שפל צמרת,
 סתור שער הדקל כתינוק שובב,
 נשגלש למטה ובמי כנרת

И болтает ими, и бежит волна...

Сколько здесь цветов тебя зимой согреют –
Золотится крокус, анемон кровав
В дни, когда стократно зелень зеленее
И стократно неба ярче синева.

Если и согнусь я, если нищей буду,
Станет пламень сердца для других светить,
Разве изменю тебе я, разве позабуду?
Первую любовь кто может позабыть?

Песня на музыку Н.Шемер в исп. А.Сиглов на сайте
http://www.youtube.com/watch?v=CkVN4_J0ySw

Лишь о себе рассказать умела

Лишь о себе рассказать умела :
Узок мой мир, как мир муравья ;
Так же, как он, на слабые плечи
Ношу взяла непосильную я.

Путь мой, как путь муравья к вершине, -
Путь, полный боли, труда и бед, -
Руки гигантов с уверенной силой
В злобном ехидстве свели на нет.

Каждый мой шаг искажал и слезами
Полнил в душе затаившийся страх.
Что же ты звал меня, берег чудесный ?
Что же вы лгали мне, дали в огнях ?
1930

Может этого не было вовсе

Может, этого не было вовсе со мною,

משכשך רגליו.

מה ירבו פרחים בחורף על הפרך,
דם הפלנית וכתם הפרלם,
יש ימים – פי שבע אז ירק הירק,
פי שבעים תכלה התכלת במרום.

גם כי אורש ואהלה שחוח,
והיה הלב למשואות זרים –
האוכל לבגד בך, האוכל לשפך
חסד נעורים?

רק על עצמי לספר ידעתי

רק על עצמי לספר ידעתי.
צר עולמי כעולם נמלה,
גם משאי עמסתי כמוה
רב וכבד מפתפי הדלה.

גם את דרכי – כדרךך אל צמרת –
דרך מכאוב ודרך עמל,
יד ענקים זדונה ובוטחת,
יד מתבדחת שמה לאל.

כל ארחותי הליז והדמיע
פחד טמיר מיד ענקים.
למה קראתם לי, חופי הפלא ?
למה קזבתם, אורות רחוקים ?

ואולי לא היו הדברים ...

И я
Никогда не лелеяла в поте лица
Сада, с ранней зарёю придя?

Никогда среди долгих пылающих дней
На жнивье
С высоты нагруженной снопами арбы
Песней голос мой не звенел ,

Никогда не очистилась я, глядя в вод
Синеву
В непорочной тиши?.. Мой Кинерет , скажи ,
Был ты явью или сном наяву?

1927

Песня на музыку Й.Шарета в исп. Э. И А. Офарим
<http://www.youtube.com/watch?v=0sokC2Vo0YY>

Авраам Шлёнский
(1900-1973)

Льстецы

Беда! В меня все влюблены.
Решили, что я ловкий вор, конечно.
Как взглянешь ты теперь, любимец всей страны,
В глаза отцу чистосердечно?

Ведь он наказывал мне: "Сын,
Сквозь терний ввысь спеши стремиться",
А я всё тут.
Все, как один,
Хотят сейчас со мной сдружиться.

Как взятки золотом, улыбки на меня
Потоком льются, я устал бороться.

ואולי לא היו הדברים מעולם,
אולי
מעולם לא השכמתי עם שחר לגן,
לעבדו בזעת-אפי ?

מעולם, בימים ארזים ויוקדים
של קציר,
במרומי עגלה עמוסת אלמות
לא נתתי קולי בשיר ?

מעולם לא טהרתי בתכלת שוקטה
ובתם
של כנרת שלי ... הוי, כנרת שלי,
ההיית, או חלמתי חלום ?

אברהם שלונסקי.

מדוחים

אוי לי כי מצאתי חן.
תפשו נא בידי: ודאי גנבה בזה.
כה רבו אוהבי ואיר יוכל הבן
לשאת פניו אל נכח אבא?

הן הוא צנני: הרה בני!
בין חרולים אל צוק אין-רע
טפס אל גבה!
ואני
פה איש רעים להתרועע.

החיוכים סביב – כזהב השלמונים

На каждый зов: "Ах, где же ты?" маня,
Смеясь хочу сказать: "Да вот я, братцы!"

Меня торжественно авто льстецов везёт.
На каждый радостный поклон встаю, краснея,
В сиянье золота улыбок во весь рот
Вдоль узкой, в никуда направленной аллеи.

Отец, я знаю: как "клиент" вдвойне
Плачу душой им за "услугу" эту.
И с каждым "браво!" гибнет лань во мне,
И все "спасибо!" гасят искры света.

Улыбочки! Далилы пальцы прядь
Мне бритвой режут. Поздно! Не отбиться.¹⁰
Отец, отец,
Как я успел любимцем стать,
С которым так легко сдружиться?

Намёки подвешенной луны

Глаз дня слезой истёк, устав.
Глаз вечера раскрыт вполнеба.
Росинкой на краю листа
Луна подвешена, как небыль.

Пёс лает на луну. А жаль!
Она, как чудо, там высоко
Висит, как притча.
В ней мораль
И больше тысячи намёков.

Намёки вздыбленных хребтов,

נתן נתן עלי להטביעני.
ולכל א: כה רן כשחוק-פעמונים
בי מתחיה הקול: ה נ י!

וכך אסע חוגג ברכב-מדוחים:
לכל חווי-קידה קימת חן-חן אקומה
ומימיני ומשמאלי יזהיבו חיוכים
כמו בשדרה צרה המובילה לא-כלומה.

אני יודע: זה אתנן אים אבי!
הוא יאפסני פה לדעת.
עם כל ה' ד ד נרצח בי איזה צבי.
עם כל חן - חן בי קרן-הוד נגדעת.

החיוכים! – כאצבעות דלילה סביב.
התער מתהפך. מחלפתי גודע.
עיפתי כבר להיות חביב
ואיש רעים להתרועע.

רמזי הירח התלוי

עינות הערב העולה.
עינות היום התם לנבוע.
קאגל טל בקצה עלה
תלוי ירח מגבוע.

תלוי בנם –
ולא ישל.
לשוא ינבח מולו הפלבל!
תלוי כרמז ומשל
שנמשליו עצמו מאלף.

¹⁰ Имеется в виду библейский рассказ о том, как красавица филистимлянка Далила обрезала локоны, делавшие еврейского богатыря Самсона неуязвимым

Что жаждут в водах отразиться,
Намёки ждущих голосов,
Чтоб дважды эхом насладиться.

Намёки раковин морских,
Открывшихся, как для признанья,
Намёки ряби волн немых
Отливов нашего молчанья.

Намёки рук, что ждут любя,
Намёки глаз, чья речь всё тише,
Ушей, что слышат лишь себя,
Чтоб убедиться, что их слышат,

Луны, висящей неспроста
Росинкой на краю листа.

О нет,
Она не упадёт
И будет там висеть до срока,
И притчей в стих она войдёт
И с нею тысяча намёков.

Элишева

(Елизавета Ивановна Жиркова-Быховская)
(1888-1949)

Остаток

Вот что осталось на старости лет:
Час сумерек тускло кафе осветил,
Спешить собеседнику повода нет -
Не молод уже, не красив и не мил.

Нет, кроме нас, здесь пока что гостей.

רמזי הגלבה החומד
לראות צלמו בראי המים.
רמזי קולות צופים להד:
לחיות הפלא פעמים.

רמזי פתחה של קונכיה
אל מול התמה והקשב
ונסיגותיה ודכיה
של שתיקתנו העקשת.

רמזי הכח ועצמו
רמזי העין הנובע
רמזי שומע-את-עצמו
להוכיח כי יש שומע.

רמזי ירח הנתלה
כאגל טל בקצה עלה

הוא לא ישל.
הוא לא ישל. -
לשוא ינבח מולו הפלב!
על-כן שרנוהו כמשל,
שנמשליו עצמו מאלף.

אלישבע.

שארית

זה שנשאר לי לעת זקנתי:
שעה לפנות-ערב. אולם בית-קפה.
שיחה ממשכת, ובן-שיחתי –
איננו צעיר ואיננו יפה.

Скрипач с пианистом в углу за спиной.
Мелодия вечная пьяных людей,
И сколько печали в мелодии той!

Это не ново, всё это из снов,
Всё было в надеждах напрасных, в стихах,
Но память всё ищет за буднями слов:
Да, что-то там было, осталось в мечтах ...

Выпьем! Не сто́ит наполнившей зал
Иллюзии тени искать в этот час.
Рукою незримой наполнен бокал,
Вино нашей памяти сладко для нас.

Авраам Халфи
(1906-1980)

Следы Твои видел во сне

Тебя не нашёл ни в морях, ни на суше,
Ни в глуби земли, ни среди туч в вышине.
Из уст Твоих мёдом наполнил я душу,
Следы Твои явственно видел во сне.

Пред тем, как от нас удалиться куда-то,
Ты мир наподобие сада взрастил.
В нём сон о Тебе, как цветов ароматы.
Ты нас в нём до смерти блуждать осудил.

Но кто же Ты? Кто? Как Тебя я узнаю?
Ты сколько раз образ за вечность сменил?
Открой мне Свой лик! В Твоём царстве блуждаю,
От всей этой жизни печальной, без сил.

Мы любим Тебя, пусть с Тобой мы не схожи,

ריק האולם. בְּשִׁבִּיל שְׁנִינוּ בְּלִבְד
כְּנוֹר וּפְסִנְתֵּר מְנַגְּנִים בַּפֶּנֶה.
נִגּוֹן בֵּית-מֶרֶזֶח – הוּא חֵי עַד־עַד,
וְמָה רַב הַיְגוֹן בְּקוֹלוֹת הַנְּגִינָה!

כָּל זֶה הָיָה – בְּעֶבֶר, בְּדַמְיוֹן,
בְּחֶרֶז מְשׁוֹרֵר, בְּתוֹחֶלֶת-קֶזֶב...
מִבְּעַד לְחַל שִׁיחֲתָנוּ – כְּעֵין זְכָרוֹן:
דְּבַר-מָה הָיָה – וְהֵלֶךְ – וְלֹא שָׁב.

הִבֵּה נִשְׁתָּה, וְאֵין צֶרֶךְ לְתַפֵּשׁ
אֶת הַצֵּל הַמְּשֻׁלָּה שֶׁפָּרַח בְּאַוִּיר.
יָד נְעֻלָּמַת תִּמְזַג אֶל הַכּוֹס
יֵין-זְכָרוֹנוֹת – הוּא מְתוֹק וְקָרִיר.

אברהם חלפי.

חלום עקבותיך

חִפְּשֵׁתִי אוֹתְךָ וְלֹא מָצָאתִיךָ.
חִפְּשֵׁתִי אוֹתְךָ הַלוֹט בְּעֵנָן.
מָלֵא נֶפֶשׁ אֶרֶצִּיתִי הַדִּבְּשׁ מִנִּי פִיךָ.
רָאִיתִי חִלּוֹם עֵקֶבּוֹתֶיךָ בִּגְן.

יָדַעְתִּי כִּי נֶסֶת הִרְחַק מֵעַמּוֹ.
עָלִינוּ צוּיֶת לְמוֹת נְבוּכִים.
נִטְעַתְּ עוֹלָם – עוֹלָמָנוּ כָּגֵן הוּא,
עוֹלָה חִלּוֹמְךָ בּוֹ כָּרִיחַ פָּרָחִים.

אָךְ מִי אַתָּה? מִי? וְמָה דְּמוּת גִּלְגּוּלֶיךָ?
וְמָה מִסְפָּרָם בְּאֵין-סוֹף הִרְגָּעִים?
גָּלָה לִי פְּנִים, לְתוֹעָה בְּמַמְלָכַת
הַעֲצוּבָה מִנִּי כָּל בְּחַיִּים.

Коль Ты есть Печаль, не отринемся мы.
Всмотрись: солнце бедности всходит всё то же,
Почувствуй: все ночи у нас – сгустки тьмы.

Чтоб видеть, как пусто вокруг нас на свете,
В домах наших окна распахнуты все.
Тебя я искал сквозь мрак ночи и ветер,
Тебя я искал и в песках,
и в росе.

Песня на музыку Ицхака Клептера в исполнении Арика Айнштейна
На сайте https://www.youtube.com/watch?v=vIUCQ_0Nds4

Йосеф Шалом
(1904-1990)

Рог

В доме деда громко в рог трубили,
Чтобы возвестить о Судном дне,
И беременные женщины входили,
Поправляли простыню на мне.

Слёзы их скрывали боль и муку,
Чтобы я не мог найти ответ:
Что же знают нежные их руки
Про печаль, где утешенья нет?

Амулет мой на груди хранился,
И, его целуя, надо мной
Наклонялись. Только б миг продлился! -
Так был сладок сердцу поцелуй.

Гладкой, тонкой кожей щёк касались,
И от счастья нем я был и тих,

אָני אוהבך, אַם הַנֶּךְ לֹא קָמוּנִי,
וְלֹא אֶשְׁנָאָךְ, אַם עֶצֶב אַתָּה,
רְאֵה: אוֹר יְמִינוֹ הוּא שְׁמֶשׁ הָעֵנִי.
הַרְגֵשׁ: לֵילוֹתֵינוּ רִגְבִי עֲלֻטָּה.

וְרִיק הַחֲלָל – חֲלוֹנֵנוּ פְתוּחַ
לְמַעַן נִרְאֶה בּוֹ, מָה רִיק הַחֲלָל.
חִפְשָׁתִי אוֹתָךְ בְּלֵילוֹת וּבְרוּחַ,
חִפְשָׁתִי אוֹתָךְ בְּשָׁרֵב
וּבִטָּל

יוסף שלום שפירא.

השופרות

הַשּׁוּפְרוֹת הָיוּ מְרַבִּים לְתַקוּעַ
בְּבֵית סָבָא, בְּעָרֵב יוֹם הַדִּין.
נָשִׁים הָרוֹת הָיוּ בָּאוֹת לְשִׁמוּעַ
וּמִיִּשְׁרוֹת עָלִי אֶת הַסִּדִּין.

עֵינֵיהֶן הָיוּ יוֹדְעוֹת לְדַמּוּעַ
בְּשַׁעַת מַעֲשֵׂה מִבְּלִי שְׂאֵנִי אָבִין:
מָה לַיָּד הַזֹּאת שְׂכָה תִּרְךָ לְנִגּוּעַ
וּלְעֶצֶב זֶה, שְׂאִין לוֹ תִּנְחוּמִין?

אֶל צִנְאָרִי הִיָּה קָשׁוּר קָמִיעַ,
הָיוּ נוֹשְׁקוֹת אוֹתוֹ בְּרֻטָּט כָּאֵב.
הַתְּפִלָּתִי אַז לִקֹּץ שְׁלֹא יִגִּיעַ –
כֹּה נָעַם מִגַּע שְׁפָתַי לְלֵב.

עוֹר לְחִין הִיָּה כֹּה דַק, שְׁעִיעַ,

Но трубил вдруг рог, и покрывались
Белизной простынной лица их. ¹¹

כְּמַעֲט שָׁפִי נִפְתָּה לומר: הִדְרָן...
אך קול שופר הִיה פְּתֹאם מְרִיעַ –
וּפְנֵי כָלן הִפְכוּ מָסָה לְבָן.

Хаим Ленский
(1905-1942)

חיים לנסקי.

Меня полынь заколдовала

Влив мне в сердце едкий горький сок,
Навсегда полынь заколдовала,
И прошёл я тысячи дорог,
Для неё одной терпя немало.
Без вины был острым градом гроз
Иссечён и ветром бит пустыни,
И зеленоватые её седины
Мне дороже, чем весь пурпур роз.
Но в улыбке зубы обнажая,
Не дразни, красotka молодая!
Не отшельник скромный из пустынь:
С соком страсть влила в меня полынь.

(Ленинград, 25.12.1934, в заключении)

Тем, у кого

Тем, у кого есть только редька на обед,
Сон открывает свой большой буфет.

קסם לי קסמה הלענה

קסם לי קסמה הלענה
בְּמִרְרוֹת מִיָּצָה חֲרִיף-חֲרִים.
רק לְמַעַנָּה, לְמַעַנָּה
נָד אֲנִי וְנָע – אָדָם אֹרֶם.
נִטְע-נוֹד חֲבוּט רוּחוֹת קָדִים,
עַל לֹא חָטָא רְגוּם בְּרֹד חֵד-רָגֵב,
שִׁיבָתוֹ הִלְזוּ הַיִּרְקָקֹת
לִי יִקְרָה מֵאֲרָגְמָן וְרָדִים,
אֲךָ מִשְׁנֵי שְׁפָתֶיךָ, בֵּת הַיִּפְי! -
טוֹר שְׁנִיךָ אֵל בְּצִחֹק תַּחֲשׁוּפִי,
לֹא נָזִיר אֲנִי וְלֹא עָנוּ -
קסם לי קסמה הלענה.

לאלה שיומם

לאלה שיומם השביעי מצנונו
פֹּתֵחַ הַחֲלוּם אֶת מְצֻנוֹ.

¹¹ Согласно иудаизму в Судный день Господь решает судьбу человека на следующий год: кому жить, кому умереть

Кувшин хрустальный струи чистой водки льёт,
Стакан гранёный жадно ловит рот.

Жаркого сочного кус вилкою прошит,
И в чашке чая ложечка звенит,

А на закуску (словно в сказке давних дней)
Падут в тарелку тушки голубей.

Не мёд с льдом севера и не чужбин нектар
Не утолят меня на досках нар.

О сон, слети ко мне, на ложе навести
И жизнь, что горше редьки, подсласти!

Лишь тонкий ломтик борозды родной
Дай, что пропитан Немана водой,

И с берегов реки отрежешь, может быть,
Кусочек хлеба, чтоб благословить...

Язык праотцев

Эймáна, Галевí ¹², всех праотцев язык,
Дошёл ко мне ты чудом сквозь века и сечи.
Твой звук отрадой в сердце мне проник.
Как поцелуй южанки, жарки твои речи.

Мне легион вести с Йордана и Евфрата
Велел ты, царь, собрав войска из слов.
И буквы, что ты выстроил когда-то,
Квадратны, как в Ашуре бороды бойцов.

שם צלול סילון יזל מלגין-גביש הי"ש,
צמאון צנצנת מצלעת ישק.

לשם כבוד עלו מתהום-ימים בריאות,
ירדו ממרום שחקים יונים צלילות.

וצלי נודף נפגש בצליל מזלג ולג,
בשאון צלילת כפית בתה מתוק.

הן גם את יצועי תפקודה, חלומי.
המתיקה נא את מרר צנון יומי...

אך לא בצוף צפון ובנפת נוף נכר –
לא בם, לא בם תרוה גרוני נחר !

רק פלח דק בקע מגזר תלמי ארצי,
מלא ממי הנימן מלא קמצי.

ואם לא תקמץ – מגדות אותו נהר
לי פרוסת לחם פרוס ל"המוציא".

לשון קדומים

לשון קדומים, לשון הימן והלוי,
בדרך נס הגעת אלי, את המענגת.
ניבה נעים הניב לבי ועלי פי
דלקו מליה כנשיקות בת-נגב.

מגדות ירדן ופרת הסעת לגיונותיה,
שמתיני למפקד ולה, מלכה, לסגן.
נצבו הכן בטור אותיותיה
קגבורי אשור מרבעי זקן.

¹² Эйман сын Йоэля – поэт и музыкант времён создания Первого Храма в Иерусалиме (около 1000 лет до н.э.), Иегуда Галеви – один из крупнейших еврейских поэтов Средневековья. Философ и врач, жил в Испании (1075-ок.1141)

Ты дал приказ: двинь армии скорей!
Мчит кавалерия под дактиль легконогий,
Пехота – ямбом, колесницы - сплошь хорей,
И чувство-знамя им торит дорогу.

О царь! Я вёл твои войска за Дон,
Через Неву на Неман, где дни детства протекли.
Переведи же моё имя через Леты сон
Как имена тех праотцев – Эймана, Галеви.

Александр Пэн
(1906-1972)

Пока что – нет!

Геенна солнца наверху,
Мой край - сплошь кактус и песок.
Скажу тебе, как на духу:
Нет, я б не смог.

Нет, я б не смог шакалов вой, гнев зная,
Жизнь на колючках тёрна, пыли дым...
Назвать своей родной страною,
Считать отечеством своим.

Душа горит безумьем тысяч лет,
Но не могу... Пока что – нет!¹³

1928

Исповедь

Ночь осенняя, мост, фонарь светит на башне,

נתת לי צו: את הגיסות הסע! והרי
דוהר חיל הרוכבים בדקטילוס דק-רגל,
הפיסטונים בימב, הרקב בחורי.
ובראשם דגלן חרוץ – הרגש.

מלכה! העברתי צבאותיך כמצביא
מעבר דון, ניבה ונימן נהר מולדת.
כן תעבירי שמי מעבר נהר הלתי
כשמות הקדמונים הימן והלוי.

אלכסנדר פן.

עדין – לא!

השמש – גיהנם צלוי.
אדמת פתי – צבר וחול.
אני זורק לך בגלוי:
איני יכול!

איני יכול את נאקו של אח,
את השרב אשר אפו חרה,
את הסיים על חד החום –
לקרא מולדת-מכורה.

טרוף עתיק נותן בי אש-קולו,
אבל איני יכול... עדין – לא!

ידידי

מעילי הפשוט ופנס על הגשר,

¹³ Перевод отредактирован по замечаниям Вл.Шейнкина

Плащ простой на мне, губы от дождика влажны.
Помнишь, как ты впервые увидел меня?
И простых истин стало мне сразу яснее,
Что водою и хлебом впредь буду тебе я,
И, как к хлебу с водой, ты вернёшься любя.
В нашей бедности горькой ты, гневом пылая,
Много раз проклинал меня, смерти желая, —
Ликовали холодные плечи мои:
Ведь простых истин было всегда мне яснее,
Что в оковах тебя поведут, как злодея,
Но всем сердцем я буду с тобой в эти дни.

Не к добру это было — к несчастью, нет спора.
Славно всё ж, что мы встретились как-то в ту ночь.
Если снова начать, повторится всё скоро —
Будет та же любовь в нищете и раздорах,
Тот же плащ, та же роза и, с тем же узором,
То же платье простое (тут нечем помочь).
Если снова начать, повторится всё скоро —
Будет так, будет так и точь в точь.

Я тебя ревновала, ночами следила,
Я тебя ненавидела, плача любила.
В нашем доме не жили ни улыбка, ни смех.
Когда злой, словно пёс, возвращался обратно,
За чужие обиды платила стократно,
Знала — мысли твои обо мне среди всех.
И в ту ночь, когда дверь ты рванул что есть силы
И ушёл навсегда (я ребёнка носила),
Потемнело в глазах лишь, а в сердце — напев,
Ведь простых истин было тогда мне яснее,
Что, когда приползёшь на коленях, тебе я
Так скажу тихо, прямо в глаза посмотрев:

«Не к добру это было — к несчастью, нет спора.
Славно всё ж, что мы встретились как-то в ту ночь.

לֵיל הַסֶּתִּי וּשְׁפָתֵי הַלְחֹת מִנִּי גֶשֶׁם —
כִּי רָאִיתָ אוֹתִי רַאשׁוֹנָה, הַתְּזָכֵר?
וְהִיָּה לִי בְרוּר כְּמוֹ שְׁתִּים וּשְׁתִּים,
כִּי אֶהְיֶה בְּשִׁבִּילְךָ כְּמוֹ לֶחֶם וּמִים
וְכֹאֵל לֶחֶם וּמִים אֵלַי תִּחְזֹר.
בְּעֵינָיו הַמֵּר, כַּעֲבַר אוֹתְךָ זַעַם,
גַּם לְמִנּוֹת אֶתָּה קִלְלַתְנִי לֹא פָעַם,
וְכִתְּפִי הַקְּרוֹת רָעֵדוּ מִשְׁמַחָה;
כִּי הִיָּה לִי בְרוּר כְּמוֹ שְׁתִּים וּשְׁתִּים,
שִׁיבִילוֹ אוֹתְךָ בְּגִלְלִי בְּנִחְשָׁתִים
וְגַם אִזְ לִבִּי לֹא יִסּוּר מֵעַמְּךָ.

כֵּן, הִיָּה זֶה לֹא טוֹב, הִיָּה רַע לְתַפְאֶרֶת,
אֲבָל זָכַר אֵיךְ נִפְגַּשְׁנוּ בְּלֵיל מְלִילוֹת;
אִם יִהְיֶה זֶה שְׁנִית — אֵל יִהְיֶה זֶה אַחֲרֵת,
רַק אוֹתָהּ אֶהְבֶּה עֲנִיָּה וְסוֹרֶרֶת,
בְּאוֹתוֹ מְעִילוֹן עִם אוֹתוֹ צִיץ הַיָּרֵד,
בְּאוֹתָהּ הַשְׁמָלָה הַפְּשׁוּטָה מִשְׁמָלוֹת.
אִם יִהְיֶה זֶה שְׁנִית — אֵל יִהְיֶה זֶה אַחֲרֵת,
יִהְיֶה כִּי, כִּי יִהְיֶה אוֹת בְּאוֹת.

וְקִנְאָתִי לָךְ וּבַחֲשֵׁךְ אֶרְבֹּתִי
וְשִׁנְאָתִי לָךְ וְעַד דָּמַע אֶהְבֹּתִי
וּבֵיתֵנוּ שְׁמֵם מִחִיּוֹר וּמִצְחוֹק.
וּבְשׁוּבְךָ אֶל הַבֵּית, מְרוּד כְּמוֹ כָּלֵב,
עֲלֻבוֹנוֹת שֶׁל זָרִים בִּי נִקְמָתָ פִּי אֶלֶף
וְאִדַּע כִּי חֲשַׁבְתָּ עָלַי מִרְחוֹק.
וּבְלִילָהּ הַהוּא, עֵת הַטַּחַת בְּדִלָת
וְהִלַּכְתָּ לְעַד וְאֲנִי נוֹשָׂאת יֶלֶד,
רַק חֲשֵׁךְ אוֹר עֵינַי אֶךְ לִבִּי לֹא נִשְׁבֵּר;
וְהִיָּה לִי בְרוּר כְּמוֹ שְׁתִּים וּשְׁתִּים,
שֶׁתִּשׁוּב עוֹד אֵלַי וְתַפֵּל עַל בְּרָכָיִם
וְאֲנִי בְּפִנִּיךְ אֶבִּיט וְאֹמַר:

כֵּן, הִיָּה זֶה לֹא טוֹב, הִיָּה רַע לְתַפְאֶרֶת,
אֲבָל זָכַר אֵיךְ נִפְגַּשְׁנוּ בְּלֵיל מְלִילוֹת;

Если снова начать, повторится всё скоро –
Будет та же любовь в нищете и раздорах,
Тот же плащ, та же роза и, с тем же узором,
То же платье простое (тут нечем помочь).
Если снова начать, повторится всё скоро –
Будет так, будет так и точь в точь.»

Знала я, что других мне любимых не надо,
Что из рук твоих смерть получу я в награду,
И сиянья её ожидаю с тоской...
Может, явится вдруг и, как дерево, срубит,
Может медленно в страшных мученьях погубит –
Не чужою, а только твоею рукой.
Но, в голодную, скорбную ночь возникая,
Бледной тенью приду к тебе, дура такая,
И скажу: «Надоело бродить там и тут.»
Ибо истин простых станет сразу яснее,
Что домой к тебе буду являться во сне я,
Пока скорбным путём ко мне не понесут.

Не к добру это было – к несчастью, нет спора.
Славно всё ж, что мы встретились как-то в ту ночь.
Если снова начать, повторится всё скоро –
Будет та же любовь в нищете и раздорах,
Тот же плащ, та же роза и, с тем же узором,
То же платье простое (тут нечем помочь).
Если снова начать, повторится всё скоро –
Будет так, будет так и точь в точь.

1941

Я не тот

Я не тот, кто с колечком, любя,
Постучит в твою дверь утром ранним.
Я припас на пути для тебя
Груз историй моих скитаний.

אם יהיה זה שנית – אל יהיה זה אחרת,
רק אותה אהבה עניה וסוררת,
באותו מעילון עם אותו ציץ הורד,
באותה השמלה הפשוטה משמלות.
אם יהיה זה שנית – אל יהיה זה אחרת,
יהיה כה, כה יהיה אות באות.

הן, ידעתי שאין לי אוהב מלבדך
וידעתי: המות יבוא מידיך
ואני מחכה ומצפה לזיוו;
הוא יבוא פתאומי כגרזן על עץ יער,
או יקרב לאטו, בענוי ובצער,
אבל לא מידי זר – מידיך יבוא.
וגם אז לביתך, בליל שכול וליל עני,
בחלום עוד אשובה, כסילה שפמוני,
ואמר: הנה באתי מנדוד בשבילי;
והיה לי ברור כמו שתים ושתים,
שאבוא לביתך בעצמך עינים
עד אשר ישאוך בדרך אלי.

כן, היה זה לא טוב, היה רע לתפארת,
אבל זכר איה נפגשנו בליל מלילות;
אם יהיה זה שנית – אל יהיה זה אחרת,
רק אותה אהבה עניה וסוררת,
באותו מעילון עם אותו ציץ הורד,
באותה השמלה הפשוטה משמלות.
אם יהיה זה שנית – אל יהיה זה אחרת,
יהיה כה, כה יהיה אות באות.

לא אני

לא אני הוא האיש, לא אני –
אל באו מרחוק מצפה את.
צרור קורות נדודי הישנים
לך הבאתי במקום טבעת.

Не забрасывай удочкой взгляд.
Скорбь из глаз моих выудить трудно,
И безмолвно они говорят:
Он не тот, кого ждёшь ты подспудно.

Руки пúсты. Звезды и мечты
Я тебе не оставлю при встрече.
Стань поближе. Увидишь и ты:
Метой Каина лоб мой помечен.

Да не всё ли равно – буду ль я,
Иль другой бурю чувств напророчит
И, волнуя, сплетёт для тебя
Небыль лунную в сумраке ночи.

А, когда постучит легче грёз
В дверь перстами пурпурными Эос ¹⁴,
Он вернётся: «Вставай же, принёс
Песню я, что тебе и не снилась!»

Но не слушай его, скрой от всех,
Как судьбою своею ты правишь,
Где ты прячешь и силу, и смех,
И кому своё сердце оставишь.

Ты не плачь, по прошествии лет
Тот, другой, придёт ранней зарёю
И кольцо принесёт...
Я же, нет,
Я не тот, кого жаждешь душою.

1929

Песня на музыку Цвики Пика в исполнении Аркадия Духина

אל תטילי מבט כחקה, -
את עצבי מעיני לא ימשה הוא.
כי לא לי את לילות מחקה,
לא אלי בדידותך נמשכת.

לא כוכב בידי, לא חלום –
יתומה משניהם וריקה היא.
לו קרבי נא וראי בחלון
על מצחי העיף אות קין.

מה אכפת לך אני או הוא
או אחר יתנבא עלי סער,
ובליל, תוף לחוש והרהור,
תרקם לך בדית הסהר.

ועם אור, עת השחר יקיש
בקרני ארגמן על הדלת, -
הוא אליך ישוב להגיש
לך שירה משכימה על אילות.

מכלם מנת-חלקך תאלמי –
בו העז, בו הצחוק, בו הכח.
ובמותך לא ידעו למי
את הקדשת את לבך המנוח.

אל תבכי, תעברנה שנים
ואחר לך יביא טבעת.
ואני –
לא אני, לא אני
הוא האיש אל באו מצפה את.

¹⁴ «Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос». Гомер «Одиссея», перевод В.Жуковского. В оригинале говорится о пурпурных лучах и обыгрывается выражение «лань зари» (так на иврите поэтически называют первые лучи зари и утреннюю звезду)

Ионатан Ратош
(Уриэль Шелах)
(1908-1981)

יונתן רטוש

О грехе

על חטא

Он кается в грехах
И он в тщете винится
Дрожит в руке струна ей больше не звучать
Он - эхо скуп в словах
И эхом повторится
Вослед мелодии " Пойдём мой друг встречать." ¹⁵

וְהוּא מִכָּה עַל חַטָּא
וְהוּא מִכָּה עַל תִּהְיוּ
וְהוּא מִרְעִיד מִיָּתֵר פֶּקַע אָבוּ בְכָדִי
וְהוּא דְמוּם כְּהָד
וּמִרְצֵד כְּמָהוּ
הוּא מִצְטַמֵּר לְמִנְגִּינָה לְכָה-דִּידִי.

Ты тень скользишь ручьём
Ты ищешь и петляешь
Ты как цыганка - всякий уведёт с собой
Ты слаще ночи – днём
Ты львицей ускользаешь
Ты струйка ручейка в тяжёлый летний зной.

אֶת יְחִידָה כָּצֵל
אֶת בּוֹגְדָה כְּנַחַל
אֶת תִּצְעֵנִי לְכֹל, לְכֹל עוֹבֵר וְנֹשֵׁב
אֶת מְתוֹקָה כְּלִיל
אֶת חֲמָקָה כְּשַׁחַל
אֶת מִפְכָּה כְּנַחַל בְּשָׂרָב.

Пылает сердцем он
И словно глаз темнеет
Свеча его души горит и он в огне
Всё тело бури стон
Вина он тяжелее
Напеву плоти в такт качаясь как во сне.

וְהוּא בּוֹעֵר כָּלֵב
וְהוּא כְּבֶה קַעִין
וְהוּא דּוֹלֵק בְּלֶהֱב נֵר נְשִׁמַּת אָדָם
וְהוּא חוֹמֵר כְּגוֹ
וְהוּא כְּבֵד כִּיִּין
הוּא מִתְנוֹדֵד לְמִנְגִּינַת בָּשָׂר וְדָם.

Ты тень навек одна
Ты ветренной блудницы
Любой прохожий взор воспламеняет твой

אֶת יְחִידָה כָּצֵל
אֶת בּוֹגְדָה כְּנַחַל
אֶת תִּלְהֵטִי לְכֹל, לְכֹל עוֹבֵר וְנֹשֵׁב

¹⁵ Из молитвы на встречу субботы: "Пойдём, мой друг, встречать невесту". В тексте стихотворения использованы выражения из молитв и ТАНАХа. Кроме очевидного противопоставления духовного (в данном случае, "мужского") начала чувственному ("женскому"), есть здесь противопоставление ограничений, накладываемых монотеистическим иудаизмом, личной ("цыганской") свободе в условиях языческого поклонения силам природы, которое практиковалось древними жителями Иудеи-Канаана. В оригинале строки нечётных строф начинаются с "И он", а чётных с "Ты".

Ты ночь и ты темна
Ты хищная как львица
Ты жаждешь ты ручей сжигаемый жарой.

Как сердце он разбит
Он беззащитней глаза
Он зверем мечется - не вырваться из пут
И он вином бурлит
И с телом тает разум
И языки огня его на части рвут.

Ты только тень одна
Ты льнёшь подобно речке
Ты вся огонь для тех кто даст тебе любовь
Ты ночь - обнажена
Ты будто львица в течке
Ты что ручей - смеясь обманешь вновь и вновь.

Всевидящий как глаз
Он сердца тяжелее
Тобой свершённый грех всегда тебе простит
Он горше вин в сто раз
И тела он добрее
И весь молитвой в камне он звучит.

Ты тень и ты весь мир
Ручьём спешишь струиться
Лизать готова всех в ком жар любви сильней
Ты ночь и ты кумир
Ты без приплода львица
Ты исчезаешь как в песке ручей.

Песня на музыку Цвики Пик в его исполнении
на сайте <https://www.youtube.com/watch?v=EijyKmNVRoo>

את אפלה כליל
את אוכלה כשחל
את שוקקה כנחל בצרב

והוא מפה כלב
והוא נרתע פעין
עקוד הוא פחיה ברצע יתרים
והוא שותת כגו
והוא זועק כפין
הוא משתרבט בלהבות בין הבתרים.

את רוחפה כצל
את לוקקה כנחל
את תלחכי בכל, בכל אשר יאהב
את ערמה כליל
את יחומה כשחל
את צוקקה כנחל האקזב.

והוא קשה כלב
והוא נוקב פעין
הוא מבקש כפר החטא אשר חטאת
והוא רחום כגו
והוא נגר כפין
הוא מתנגן בבהט-אבן את-נשמת.

את יחידה כצל
את מפכה כנחל
את לוהטה לכל, לכל אשר יאהב
את אללה כליל
את שכולה כשחל
את נמוגה כנחל בשרב.

В пурпуре

Моей матери груди не брал ты,
Одним мирром не мазаны, брат, мы.
Лишь яма одна, глубока, и туда
Падут с небес за звездою звезда.
Но звездопад у каждого свой,
И каждый иной обладает душой.
Ведь народ царя в те поры не имел,
И каждый творил тогда всё, что хотел.
И всех друг за другом погубит война,
Где всяк за себя, но дорога одна,
И каждый заплатит кровью сполна,
И чашу свою каждый выпьет до дна.
И каждый, своими костями стеля,
Проложит пурпурный путь ввысь для себя.

(начало стихотворения)

Натан Альтерман
(1910-1970)

Встреча без конца

Ты ворвалась бурей, петь тебе – награда!
Не отгородиться дверью и стеной.
Страсть к тебе меня пленяет райским садом –
Кру́гом голова, не шелохнуть рукой!

Всем стихам ты повод и судья единый,
Вечно ты внезапна и глаза слепишь.
Когда улицы зальёт закат малиной,
Заплети меня в свои снопы...

Не прощай того, кто дело, струсив, бросит.
По земле твоей один готов бродить.

בארגמן

לא יִנָּקֶת שְׂדֵי אֲמִי, אַחָא,
וְלֹא שָׁמֵן אֶחָד מִשְׁחָנִי.
וְרֵק הַבּוֹר – אֶחָד הוּא וְרֵחַב
אֵלָיו יִפֹּל כּוֹכָב אַחֵר כּוֹכָב.
אִישׁ וְאִישׁ וְשֹׁכֵר כּוֹכָבוֹ
אִישׁ וְאִישׁ וְגִבָּה לְכָבוֹ
- כִּי בַיָּמִים הָהֵם אֵין מֶלֶךְ
וְאִישׁ הַיֵּשֶׁר בִּינָיו יַעֲשֶׂה.
וְאִישׁ וְאִישׁ – יִשְׁלַם בְּדָמָיו
וְאִישׁ וְאִישׁ – יִסְפֶּה עַל אֶחָיו
וְאִישׁ וְאִישׁ: לְדֶרֶךְ פְּעָמָיו –
וְאִישׁ וְאִישׁ הֵלֶם גְּבוּרִים עַל פִּי אֲבָדָן.
יִרְפֹּד בְּעֶצְמָיו
אִם הַדֶּרֶךְ הָעוֹלָה בְּאֶרְגָּמָן.

(פרק ראשון מתוך השיר)

נתן אלטרמן.

פגישה לאין קץ

כִּי סַעֲרַת עָלִי, לְנֶצַח אֲנִיגְנָה.
שׁוֹא חוֹמָה אֲצוּר לָהּ, שׁוֹא אֲצִיב דְּלִתִּים!
תְּשׁוּקָתִי אֵלָיָהּ וְאֵלֵי גִנָּה
וְאֵלֵי גּוֹפֵי סַחֲרָהּ, אֲבָד יָדִים!

לִסְפָּרִים רַק אֶת הַחֲטָא וְהַשּׁוֹפָטֶת,
פְּתָאוּמִית לַעַד! עֵינֵי בָּהּ הַלּוּמוֹת,
עַת הַרְחוֹב לּוֹחֶם, שׁוֹתֶת שְׁקִיעוֹת שֶׁל פֶּטֶל,
תְּאַלְמִי אוֹתִי לְאַלְמוֹת.

אל תתחנני אל הנסוגים מגֹשֶׁת.

И моя молитва ничего не просит,
Лишь одна мольба: позволь с тобою быть.

До границ печали, до истоков ночи,
Вдоль железных улиц – длинных и пустых -
В дар твоим младенцам мне, беднее прочих,
Миндаля с изюмом Бог велел снести.

Наше сердце держишь крепкою рукою.
Если вдруг устанет биться в беготне,
Не жалей, не дай ему налиться тьмою,
Словно дом без звёзд, оставшихся вовне.

Месяц жарче губ влюблённой поварихи,
Небо влажным кашлем оглашает тьму.
Как платок, мне липа листик сбросит тихо.
Поклонюсь
Я ей
И подниму.

И, когда однажды грянет барабан
В городах больных, глухих среди торгов,
Упаду с улыбкой, не стесняясь ран,
Между колесниц и поездов.

Песня на музыку Н.Шемер в исп. Х.Альбертштейн
http://www.youtube.com/watch?v=zix_UfKe1XQ/

Прощание шарманки

Кружат стаи голубей
В небе города высоком
Над помостом палачей,
Над ресницами красоток.

לבדי אֵהָיָה בְּאַרְצוֹתֶיהָ הַלֵּךְ.
תְּפִילַּתִּי דָּבָר אֵינָנָה מִבְקָשָׁת,
תְּפִילַּתִּי אַחַת וְהִיא אוֹמֶרֶת – הֵא לָהּ!

עַד קֶצְוִי הַעֶצֶב, עַד עֵינֹת הַלֵּיל,
רְחוּבוֹת בְּרָזָל רִיקִים וְאַרְכִּים,
אֱלֹהֵי צוּנֵי שְׁאֵת לְעוֹלָלָיָהּ,
מֵעַנִּי הָרֵב, שְׂקָדִים וְצִימוּקִים.

טוֹב שְׁאֵת לִבְנוֹ עוֹד יֵדָהּ לוֹכְדָת,
אַל תִּרְחַמְיֶהוּ בְּעִיפּוֹ לְרוּץ,
אַל תִּנְיַחֵי לוֹ שִׁיאֲפִיל כְּחֹדֶר,
בְּלִי הַכּוֹכָבִים שֶׁנִּשְׁאַרוּ בַּחוּץ.

שֵׁם לוֹהֵט יָרַח כְּנִשְׁיָקֶת טַבַּחַת,
שֵׁם רִקִּיעַ לַח אֶת שְׁעוֹלוֹ מֵרַעִים,
שֵׁם שְׂקֵמָה תְּפִיל עֲנָף לִי כְּמִטְפַּחַת
וְאַנִּי
אֶקְדֹּ לָהּ
וְאַרִּים.

וְאַנִּי יוֹדֵעַ כִּי לְקוֹל הַתֵּף,
בְּעָרֵי מִסְחָר חֲרָשׁוֹת וְכוֹאֲבוֹת,
יוֹם אֶחָד אֶפֶל עוֹד פְּצוּעַ-רֹאשׁ לְקַטֵּף
תְּחִיּוֹנָנוּ זֶה, מִבֵּין הַמִּרְקָבוֹת.

תיבת-הזמרה נפרדת

עַל הָעִיר עֲפוֹת יוֹנִים,
עַל הָעִיר, עַל יַעַר פָּרָא,
עַל כָּכַר הַתְּלִינִים,
עַל רִיסֵי נָשִׁים בְּעָרֵב.

Ветер лёгкий и неверный
Не умчит нас далеко.
На плече зари вечерней
Спелых вишен коробок.

Город. Вечер. В поздний час,
С улицей простившись сонной,
В лошадиный гляну глаз
Взором женщины влюблённой.

Всех молчанье ждёт в итоге.
Вот и мне пора идти.
Закрываются дороги,
Как глаза, в конце пути.

Так приятен трубки дым!
В старый дом вернёмся, может.
Жизнь былую усыпим,
Как младенца, в семь уложим.

Ветер бурь и туч чудесен!
Леса запахи вдохнём.
Ну, подруга старых песен,
Посидим перед путём.

Ах, прекрасные деньки!
Кру́гом голова от рынка –
Гам, повозки и мешки,
Платья летние, коленки...

... И от улиц пыльных, шумных,
От пассажей вверх и вниз,
От печалей и от шуток,
Что в клубок один свились.

Ах, вселенная, тебя
Принимал я к сердцу близко

עם הרוח הנוֹדֶדֶת
לא נסע הרחק מכאן.
השְׁקִיעָה נִשְׁאַה בְּדֶךְ
את סלי הדבִּדְבֵן.

עָרֵב, עָרֵב, עיר עֶרְבִית.
אֶפְרָד מֶרְחוֹב הָאֶבֶן.
אֶל עֵיני סוֹסִים אֲבִיט,
כְּהֵבֵט אִשָּׁה אוֹהֶבֶת.

כִּי הַסּוֹף, אֲחִים, הוא אֵלֶם,
כִּי בָאוּנִי הַדְּמָמוֹת.
כְּעֵינִים מוֹל הַהֶלֶךְ
הַדְּרָכִים נֶעְצָמוֹת.

עוֹד מִקְטֶרֶת נֶעֱשֵׂן,
על מִפְתָּן עֵתִיק נִשְׁבֶּה,
אֶת חֵייוֹ נִיֵּשֵׁן
כְּתִינוֹק נֶרְדֵּם בְּשֹׁבַע.

רוּחַ סַעַר וְעִנְנֹת,
רִיחַ יַעַר וְשָׁנִים.
בּוֹאִי, בּוֹאִי, על מִשְׁעָנֶת,
בֵּית שִׁירֵי הַנוֹשָׁנִים.

הֵ, יָמִים יָפִי קוֹמָה.
סְחָרָרִים מִשּׁוּק וְקִיץ.
מִקְרוֹנוֹת וּמִקְמָה,
מִשְׁמָלוֹת וּמִבְרָכִים - -

- - מִנְתִּיבֵת אֶבֶק רוֹעֶשֶׁת,
מְרוֹכְסֵי-זֶמְרָה תְּלוּלִים,
מִן הַרְשָׁע וְהַרְשָׁת
שֶׁל תּוֹגוֹת וְהַתּוּלִים.

מֵה דְּבִקְתִּי בָּהּ, תִּבֵּל,

И под вечер ждал, любя,
Как студентик гимназистку.

Горсть росы – доход немалый!
Песня разве не наряд?
Ведь и мне сияньем алым
Твои яблоки горят.

Ты обрушилась волной,
В бой зовёшь, но устою ли?
Закружился, как слепой
Посреди стоглазых улиц.

Я повис – тут лоб, там темя –
На шипах таких преград,
Как распроданное время,
Гнев и встречи невпопад.

Кружат стаи голубей –
То как тучка, то как точка.
Мостовые, свет огней,
Ручка машет мне платочком...

Вечер! Вдруг, обвалом! Боже!
Время мчится всё быстрее...
Я гляжу на небо лёжа...
Кружат стаи голубей...

Свет в комнатах

Так случается каждую ночь:
Лампы, вспыхнув, льют вновь свет дня,
И бросаются в стороны прочь
От них тени, как от огня.

שוא לפרק אותך נסיתי.
מה חפיתי לך עם ליל,
כתלמיד לגימנזיסטית.

רק הטל הזה בחפון,
רק השיר הזה – עדי,
כי גם לי אדמו באפל
תפוחיך שבגי.

כעלות נחשול זוהר,
גחת אלי לקרב בינים.
בה גלגלתי כעור
ברחובות מלאי עינים.

בה נותרתי קרע-קרע
על קוצי המחסומים
של חמות, של עת-נמכרת,
של פגישות ופגאמים.

על העיר יונים עפות,
כל ימי שטים ביחד,
אור, ערים ומרצפות
זרוע מניפה מטפחת - -

ומפלת ליל נתכת - -
אדוני האדונים!
גוף נופל על אדמותיה...
על העיר עפות יונים.

אור בחדרים

תוף כך עולות בחדרים
המנורות. סביבן מתחדש
מדי ערב זנוק הצללים,
הנסים כאלו נפלה אש.

Ищут, где бы спастись в темноте,
Но потом, попривыкнув, опять
Собираются вокруг них, и те
Начинают учить, объяснять.

Кофейник на белом столе,
Лёгкий пар клубится над ним.
Ярких роз букет на окне
Который день невидим.
Море двигает что-то во тьме,
Не доверив дело другим.

Лица старых в пижамах ночных
Как прессованный жёлтый инжир,
Но сияют глаза молодых,
Освещающая вечером мир.

Приходи, вечер!.. Знаю, ты здесь,
Уже час как явился, поди...
Но приятно, что случай есть
Вслух сказать: "Летний вечер, приди!"

Неизвестно откуда возмись,
Поднялась в юном небе луна,
И не заешь, что может стрястись,
Только минет минута одна –
Так богата на выдумки жизнь,
Да она и сама не бедна.

Вместе с морем и тьмою равнин,
Летний вечер, постой на часах!
Посмотри: за вуалью гардин
В свете ламп ходят-бродят в домах
Тени женщин и тени мужчин,
Как в раскрытых толстых томах.

נָסִים, וּלְאַחַר מָכֵן
הֵם מְתַרְגְּלִים לְמִנּוּחֹת,
מְתִשְׁבִּים לְמוֹלֵן, וְהֵן
מְלַמְּדוֹת אוֹתָם כְּמוֹ מוֹרוֹת.

עַל כָּלִי הַקֶּפֶה וְהַתָּה
הָאֵד הַשְּׁקוּף מְתַאַבֵּר.
צָרוֹר פְּרָחִים בְּאַגְרִטֵל
לְעוֹלָם אֵינוֹ דוֹעֵף.
הַיָּם מְרַחֵשׁ, מְטַלְטֵל
חִפְצָיו. עַל אִישׁ אֵינוֹ סוֹמֵךְ.

הַזְקָנִים כָּבֵד כְּמַעֵט יְשָׁנִים
וּפְנֵיהֶם כְּדִבְלוֹת הַתְּאֲנִים.
אֶךְ פְּנֵי צְעִירִים וְצְעִירוֹת
בְּעָרֵב קוֹץ מְאִירוֹת.

בּוֹא, עָרֵב קוֹץ, אֲתָה
אֲמָנָם כְּשֶׁעַתָּה כָּבֵד פֹּה,
אֶךְ זֹאת הַזְדַּמְנוּת נְאוּתָה
לוֹמֵר: עָרֵב קוֹץ, בּוֹא.

הַרְקִיעַ הַזֶּה צְעִיר
וּכְאֵלּוֹ כְּלוֹ פְּתִיעָה
אֵין לְדַעַת מָה בְּעִיר
יְתִרְחֹשׁ בְּעוֹד שְׁנֵיהָ.
לְמַצִּיאוֹת יֵשׁ דְּמִיוֹן עֲשִׂיר,
וְגַם הִיא עֲצָמָה לֹא עֲנִיָּה.

בּוֹא, עָרֵב קוֹץ, עֹמֵד
עִם יָם וּמְרַחֲבִים סְמוּכִים.
רְאֵה, אֵיךְ בְּכָל הַקּוֹמוֹת
לְאוֹר הַחֹשֶׁמֶל מְתַהַלְכִים
אֲנָשִׁים וְנָשִׁים, כְּמוֹ
בְּתוֹךְ סִפְרִים פְּתוּחִים.

Вовсе час от жары не сомлел.
Он цветов ароматы струит.
Горизонт в конце улицы сел
И, недвижим, на лавочке спит.

Я, бывало, в час чудный такой
От фантазий и планов в бреду
Устремлялся во след за мечтой
Лишь у страсти своей в поводу.
Но года усмирили уздой –
Куда правят, туда и иду.

Кто-то, флейтой вооружён,
Вопль издал, тишину разорвав.
Этой палкой торопится он
Выгнать шорох соломы и трав.

Голос флейты вознёсся ввысь.
Что за притча? Поёт о чём?
О добре, о зле? Разберись!
А... опять, как всегда, обо всём...

А, когда перестал играть,
В миг сменила улица вид,
Встрепенулась и ну бежать:
Жизнь не только из притч состоит.

השעה לא קמלה מחם,
כי להפך, נוטפת שרף.
האפק ממול, בקצה הרחוב,
יושב בלי נוע על שרפרף.

פעם היה אפשר
בשעה יפה כזאת
לשאף אל כל דבר בל ישער,
לחשב מחשבות נועזות.
עכשו השנים באפסו
מוליכים אותי, מה לעשות?

בינתיים אי-מי מעיל
ברחוב קול חליל. זה ירב
שחופז ומגרש במקל
רעשים של קש וגרב.

מגביה החליל קולו,
על מה הוא נושא משלו?
על רעות, על טובות, על מה לא?
על כל הענין כלו.

אחר-כך זה חדל מלנגן
והרחוב שהקשיב לצלילים
מתנער, שב לרוץ, כי אין
הסמים רק חידות ומשלים.

שיר משמר

שמרי נפשי, כחך שמרי, שמרי נפשי,

Песнь стражи¹⁶

Прошу, на страже зорко стой, себя храня.

¹⁶ Вначале 60-х годов любимая дочь Натана Альтермана Тирца (тоже поэтесса) вышла замуж и уехала в Нью-Йорк, но затем её душевное состояние ухудшилось, она даже пыталась покончить жизнь самоубийством. В тот же день обеспокоенный отец написал стихотворение, поддерживающее дочь в её проблемах. Повторный брак Тирцы был удачным, но в 36 лет она погибла, упав из окна.

Прошу, рассудок свой храни, и жизнь, и душу
От чёрной тени, шатких стен и от огня,
От камня из пращи, ножа, когтей, отравы,
От всех друзей храни, холодных, как броня,
Как звёзды близких нам и как сухие травы,
От тихих, ждущих жадно, шёпотом маня,
От западни, вод мёртвых, от людей неправых.
Не дай коснуться кожи и волос, себя
Храни от всех, кто разрушает жизнь и душу.

Стемнело. Не поймёшь, что есть народ?
Народ не знает, что есть муж и что жена?
Но в жаркий вечер, в жаркий вечер, что течёт,
Как смех и шёпот, не смолкая допоздна,
Гуляют с морем тёмный небосвод,
Закат, с днём распростившийся, волна,
И флаги, и язык (он нов, но древен род),
Мужчины, женщины, дух хлеба и вина.

Всего лишь летний вечер, стало быть.
Лишь вечер, что нам так давно знаком.
Он с милостью пришёл, а не вредить,
Не сеять смуту, чтоб она выросла потом.
Принёс нам ужин, свечи, чтоб светить,
Пока не успокоимся мы сном.
Лишь тёплый летний вечер, стало быть.
Он нам принёс не страхи – радость в дом.

Вдоль улицы деревьев тени стали в ряд.
Сейчас не слышно шумных птичьих стай совсем,
Зато зимой у нас их крики – сущий ад,
Как праздничный базар галдят аллеи все.
Сейчас нет птиц в ветвях, и улицы молчат,
И тьма - лишь фонари и угольки горят.

И тьма – лишь вывески, как полосы огней,

שְׁמִרַי חַיִּיהָ, בִּינְתָהּ, שְׁמִרַי חַיִּיהָ,
מְקִיר נֹפֶל, מַגֵּג נִדְלָק, מִצֵּל חֹשֶׁה,
מֵאֶבֶן קָלַע, מִסַּפִּין, מִצְּפָרָנִים.
שְׁמִרַי נִפְשָׁהּ מִן הַשְׂוֹרֶף, מִן הַחוֹתָהּ,
מִן הַסְמוּךְ כְּמוֹ עֵפֶר וְכְמוֹ שְׂמִים,
מִן הַדּוֹמָם, מִן הַמְּחַכָּה וְהַמּוֹנֶשֶׁה
וְהַמְּמִית כְּמִי-בָאָר וְאֶש-כִּירִים.
נִפְשָׁהּ שְׁמִרַי וּבִינְתָהּ, שְׁעַר-רֹאשָׁהּ,
עוֹרָהּ שְׁמִרַי, שְׁמִרַי נִפְשָׁהּ, שְׁמִרַי חַיִּיהָ.

הַעִיר חֹשֶׁכָה. אֵין אִישׁ יוֹדֵעַ מַה זֶה עִם.
אֵין עִם יוֹדֵעַ מַה זֶה אִישׁ וּמַה אִשָּׁה.
אֶךְ בַּחוּצוֹת, אֶךְ בַּחוּצוֹת בְּעֶרְבַּ חֵם,
בְּעֶרְבַּ חֵם הַשֵּׁט כְּצִחוֹק וְכִלְחִישָׁה,
רָצִים עַל שְׂתֵימִים הַשָּׁמַיִם וְהַיָּם
וְהַשְׂקִיעָה שֶׁנִּפְרְדָּה מִן הָעוֹלָם
וְהַדְּגָלִים וְהַשָּׂפָה הַחֲדָשָׁה
הָאֲנָשִׁים וְהַנָּשִׁים, יֵינָם, לַחֲמָם.

זֶה עֶרֶב קִיץ לְכָאוֹרָה, זֶה לְכָאוֹרָה
רַק עֶרֶב קִיץ טוֹב, יְדוּעַ וְיָשׁוּן,
שָׁבָא לְחֹסֶד וּלְרַחֲמִים, לֹא לְמוֹרָא
וְלֹא לְרַחֲשׁ חֲשָׁדוֹת וּדְבַר אֲשָׁם.
שָׁבָא עִם רֵיחַ תְּבַשְׂמִילִים וְעִם מְנוּחָה
אֲשֶׁר תָּאִיר עַד אִם נָנוּחַ וְנִישָׁן.
רַק עֶרֶב קִיץ חֵם וְטוֹב הוּא לְכָאוֹרָה,
רַק עֶרֶב קִיץ חֵם שָׁבָא לֹא לְמוֹרָא.

עַל פְּנֵי הָרְחוֹב, אֲשֶׁר הִדְלִיק אֶת הַצִּלְלִים,
עֲקָשׁוֹ חֲרָשׁוֹת הַצִּפְרִים אֵינָן עָפוֹת,
אֲבָל בַּחֲרָף מְקוֹלָן בֵּין הָעֵלִים
כָּל הַשְּׂדֵרוֹת בְּעִיר צוֹנוּחוֹת כְּמִטְרָפוֹת.
עֲקָשׁוֹ שׁוֹתֵקוֹת הֵן, כִּי צָפוֹר אֵין בֵּין עֵלִים.
הַחֹשֶׁה בָּא, מוֹאֵר חֲשָׁמַל וְגִחְלִים.

הַחֹשֶׁה בָּא, מוֹאֵר חֲשָׁמַל שֶׁל אוֹתִיּוֹת.

Сливают искры букв горящих в пламя слов.
Чужд, как больница, дальний вздох морей
За бочками и чередой столбов.
И тьма – лишь пламя букв и фонарей,
И тьма – лишь пламя слов и угольков.
Храни покой души, уставшей в эти дни.
Рассудок свой, жизнь береги, будь рядом с нами.
И волосы, и кожу – красоту храни,
И сердце укрепи своими же руками.

Вот ветер, на стекло наткнувшийся с размаха,
Окно твоё беззвучно отворил во тьме.
Но почему же ты смеёшься смехом страха?
Скажи, кто радости порыв сковал в тебе?
Скажи мне, почему мир кажется зловещим
И чуждым: всюду гибель – в пламени, в воде?
И почему вся жизнь твоя трепещет,
Как птица в ужасе, зажатая в руке?
Иль ты подобна птице, сбившейся с пути,
Что в доме мечется, чтоб форточку найти?

Скажи мне, почему, кому беззвучно плачешь?
Скажи, глупышка, кто тебе сумел внушить,
Что жизнь дана не ум развить, а не иначе
Как для того, чтоб нас ума лишить?
Скажи мне, кто сказал, что счастья в мире нет?
Скажи мне, кто тебе раскрыл такой секрет?

Опасностей есть много, их не счесть порой.
Они, быть может, затаившись ждут во тьме.
Но ты не их боишься, сжавшись в час ночной,
А лишь души своей, любовью полной и большой,
Что содрогается на каждый звук извне,
Её страшась – овечки нежной, но больной,
Что кровью сердца умывается в тебе.

מוֹאֵר שְׁלֵטִים שֶׁל אוֹתִיּוֹת וְשֶׁל מַלִּים.
מֵאֲחוּרֵי מוֹטוֹת בִּרְזָל וְחִבִּיּוֹת
נוֹשֵׁם הַיָּם, גְּדוֹל וְזָר כְּבִית-חֹלִים.
הַחֹשֶׁךְ בָּא, מוֹאֵר חֲשָׁמַל וְאוֹתִיּוֹת.
הַחֹשֶׁךְ בָּא, מוֹאֵר מַלִּים וְגַחְלִים.
שִׁמְרִי נִפְשֶׁךָ הָעֵיפָה, שִׁמְרִי נִפְשֶׁךָ,
שִׁמְרִי חַיִּיךָ, בִּינְתֶךָ, שִׁמְרִי חַיִּיךָ,
שֶׁעַר-רֹאשְׁךָ, עוֹרְךָ שִׁמְרִי, שִׁמְרִי יְפִיךָ,
שִׁמְרִי לִבְךָ הַטּוֹב, אֲמִצְיָהּ בִּידֶיךָ.

הִנֵּה הָרוּחַ יָד שׁוֹלַחַת וּבְלִי רַחֵשׁ
פְּתָאם חִלּוֹן לֹאט נִפְתַּח בַּחֲשֻׁכָה.
אֲמַרִי מְדוּעַ אֶת צוֹחֶקֶת כְּמוֹ פֶּחַד,
אֲמַרִי מְדוּעַ אֶת קוֹפֶאֶת כְּמוֹ שִׁמְחָה?
אֲמַרִי מְדוּעַ הָעוֹלָם כֹּה זָר עֲדִין
וְאֵשׁ וּמִים מְבִיטִים בּוֹ מִכָּל צֶדֶד?
אֲמַרִי מְדוּעַ בּוֹ מִפְּרָפְרִים חַיִּיךָ
כְּמוֹ צִפּוֹר מְבַהֵלָה בְּתוֹךְ כֶּף-יָד?
אֲמַרִי מְדוּעַ אֶת מַעוֹף וְרַעַד רַב
כְּמוֹ צִפּוֹר בַּחֲדָר בַּחֲפָשָׁה אֲשַׁנֵּב?

הַגִּידִי לָמָּה וְאֵל מִי בְּלִי קוֹל בּוֹכָה אַתָּה?
אֲמַרִי מִנֵּיִן לָךְ, פְּתִיָּה מֵאֲמִינָה,
שֶׁהַחַיִּים נוֹצְרוּ לֹא לְלַמְדָנּוּ דַּעַת,
כִּי אִם נוֹצְרוּ כְּדִי לִטֹּל אֶת הַבִּינָה?
אֲמַרִי, כִּיצֵד? מְדוּעַ? מִי אָמַר לָךְ זֹאת?
אֲמַרִי, מִנֵּיִן? מִי גָלָה לָךְ אֶת הַסּוֹד?

הַסִּכְנוֹת רַבּוֹת וּמִסְפָּרָן מֵאָה
וְהֵן רוֹבְצוֹת אוּלֵי בְּמַעְגַל אוֹרֵב
אֲךָ לֹא אוֹתָן, אֶת יִרְאָה,
רַק אֶת נִפְשֶׁךָ הַמֵּאֲהָבָה וְהַמְּלָאָה,
הַמִּתְחַלְחֶלֶת לְקוֹל צַעַד מִתְקַרֵּב,
אוֹתָהּ יִרְאֵת, אֶת הַרְכָּה, אֶת הַשִּׁיָּה,
אֶת הָרָעָה, אֶת הָרוֹחֶצֶת בְּדַמִּי לֵב.

Храни покой души и сердце от забот.
Оберегай рассудок, жизнь храни, как око.
Быть может, счастье спит в тебе. Оно, как мёд,
Согретый сердцем и слезами, спит до срока –
Тяжёлый, тёплый, тёмный мёд, как зрелый плод.
Вот вечер и настал. Как никогда красив он.
Пришёл и небо поменял неторопливо.

Воспрянь душой! Лишь доброе несёт нам вечер,
Но только мы не знаем до поры о том.
И ведь не зря тихонько бессловесный ветер
Коснулся плеч твоих, проникнув в дом.
В лучах луны и ламп спит город твой в тиши.
Храни рассудок, жизнь, покой души.

*Песня на музыку Саши Аргова в исполнении Хавы Альберштейн
на сайте <https://www.youtube.com/watch?v=tHFEiRShi0>*

Лея Гольдберг
(1911-1970)

Есть много таких же, как я

Есть много таких же, как я, - одиноких, печальных.
Одна пишет стихи, другая торгует телом,
Третья лёгкие лечит в Давосе,
И все мы жадно пьём горечи чашу.

И все знаем:

В лучах увядающих утра осеннего
Есть исчезающая, как туман, мечта о поцелуе... Не для нас.
И все гадаем:

Что это за тепло всего мира в глазах матерей?

שְׁמִרִי נַפְשְׁךָ, לִבְךָ שְׁמִרִי, שְׁמִרִי נַפְשְׁךָ,
שְׁמִרִי חַיִּיךָ, בִּינְתֶךָ, שְׁמִרִי חַיִּיךָ,
אוֹלֵי הָאֶשֶׁר בְּךָ שׁוֹכֵן וְהוּא דְּבִשְׁךָ,
דְּבִשְׁךָ הַחֵם כְּדָמִי לִבְךָ וְדַמְעוֹתֶיךָ,
דְּבִשְׁךָ הַחֵם וְהַכֶּבֶד וְהַחֹשֶׁךְ - -
הָעֶרֶב בָּא. יָפָה מִמֶּנּוּ אֵין בִּינְתִים.
הָעֶרֶב בָּא. הוּא כָּבֵד הַחֲלִיף אֶת הַשָּׁמַיִם.

שְׁמִרִי נַפְשְׁךָ, הֲלֹא טוֹבוֹת צוֹפֵן הָעֶרֶב
וְרַק עוֹד אֵין לְדַעַת בְּיַד מִי וְאֵיךְ.
הֲלֹא הָרוּחַ, שְׁאִינָה מְדַבֶּרֶת,
לֹא לְחֹנֶם רַכּוֹת נוֹגַעַת בְּכַתְּפֶךָ.
בְּאוֹר יָרֵחַ וְחֹשֶׁמֶל הָעִיר מוֹאֲרֶת.
שְׁמִרִי חַיִּיךָ, בִּינְתֶךָ, שְׁמִרִי נַפְשְׁךָ.

לאה גולדברג.

יש רבות כמוני

יש רבות כמוני: בודדות ונוגות,
האחת כותבת שירים, השנייה מוכרת בשרה,
השלישית מרפאה ראתה בדווס,
וכלנו שותות בצמא את הכוס המרה.

וכלנו יודעות:

בקֶרְנִי בִקְר־סִתּוֹ הַנוֹבְלוֹת
יש חלום-נשיקה מתאדה ועולה... לא אלינו.
וכלנו פותרות
חם-עולם בְּעֵינֵי אִמָּהוֹת,

И нет с нами младенца.
И всех нас встречают двери заброшенных комнат
Холодной и тёмной тоской.

И не всё ли равно –
Телом жертвовать, духом
Или медленно угасать на курортах Давоса –
Так велика эта чаша,
И столько в ней горечи мутной!
А от одиночества в жизни и от любви к ней спасения нет.

Другая

Обидел меня, ушёл. И нет ему дела,
Что мне вечером оставаться горько одной.
В его сердце давно уже зрело:
Завтра дверь откроет к другой.

Я знаю её: молодая, гибкая мчалась
В быстром танце, сияя, – сама красота,
А в глазах голубых смеялась
Победительно пустота.

В зеркале: лоб морщинкой изрезан,
Рот широкий с усмешкой кривой.
Я только теперь поняла, почему он отрезал:
"Мне плохо с тобой!"

Ты по полю пойдёшь

Надо ждать. И придут
Ещё милости дни
И прощенья, наверно.

וְתִינוּק אֵין אֶתְנוּ.
וְכָלֵנוּ פּוֹגְשׁוֹת בְּפִתְחֵי חֲדָרִים עֲזוּבִים
שְׁמֵמוֹן אֶפֶל וָקָר.

וְאַחַת הִיא –
לְהִפָּקִיר בֶּשֶׁר אוֹ רוּחַ,
אוֹ לִגְוֹעַ אֶת בְּבִתִּי-מֶרְפָּא בְּדוּוֹס –
כֹּה גְדוֹלָה הַפּוֹס
וְכֹה רַב הַמְשָׁקָה הַדָּלוּס,
וּמֵאַהֲבַת-הַחַיִּים וּבְדִידוּתָם אֵין מָנוֹס.

האַחֶרֶת

הָעֵלִיבֵנִי וַיִּלֶּה. לוֹ לֹא אֶכְפֹּת
אִם נוֹגֶה אָנִי וּבִדְדָה הָעָרָב.
כָּבֵר פֶּתֶר לְבוֹ: יוֹם הַמַּחֲרָת
שְׁעָרִים יִפְתַּח אֶל הָאַחֶרֶת.

רֵאִיתִיהָ מְרַחֶפֶת בְּמַחֲוֹל:
צְעִירָה, גְּמִיּוּשָׁה וּמִנְצַחַת
בְּמַבְט עֵינֶיהָ הַכָּחַל
צַחֲקָה שְׂמֵמָה זֹרַחַת.

בְּמֶרְאֶה מוֹלִי – פֶּה רָחֵב וָמַר,
עַל הַמִּצָּח קָמֵט דֶּק נִמְתַּח.
רַק עֵתָה אֲבִין, מִדּוּעַ הוּא אָמַר:
"לִי לֹא טוֹב אֶתֶּךָ".

האַמָּנִם

הָאָמָנִם, הָאָמָנִם
עוֹד יְבוֹאוּ יָמִים
בְּסִלִּיחָה וּבְחֶסֶד
וְתִלְכִי בִשְׂדֶה,

Ты по полю пойдёшь
Так, как детям дано лишь шагать.

И босые ступни
Будут гладить тебе
Нежно листья люцерны,
Колосками жнивье
Будет сладкой щекоткой ласкать.

Иль настигнет тебя
Дождь, и капель иголки
Тебе голову, плечи
И грудь освежат.
Ты по мокрому полю пойдёшь
И волнение умолкнет,
Как тихим бывает закат.

Будешь, будешь вдыхать
Воздух пашни весенней,
Где запахи выются
И где золото солнца
Можно в зеркале луж отразить.

Так просты будут вещи,
Проста будет жизнь,
Что их можно коснуться
И что можно любить,
И что можно, что можно любить.

Ты одна это поле пройдёшь.
Не сожжёт тебя душный
От пожаров и крови
Ветер дальних путей.
Сердцем честным чиста
Снова будешь скромна и послушна,
Как одно из полей, как один из людей.

ותלכי בו כהלך התם .

ומחשוף, ומחשוף
כף רגלך ילטף
בעלי האספסת
או שלפי שיבולים
ידקרוך ותמפק דקירתם .

או מטר ישיגך
בעדת טיפותיו הדופקת
על כתפיה, חזה צוארה
וראשה רענן .
ותלכי בשדה הרטוב
וירחב בך השקט
כאור בשולי הענן.

ונשמת, ונשמת
את ריחו של התלם,
שום ורגוע
וראית את השמש,
בראי השלולית הזהוב.

ופשוטים, ופשוטים
הדברים וחיים,
ויותר בם לנגוע
ויותר לאהוב,
ויותר ויותר לאהוב.

את תלכי בשדה לבדה,
לא נצרכת בלהט
השרפות בדרךכים שסמרו
מאימה ומדם.
וביושר לבב שוב
תהיי ענווה ונכנעת
כאחד הדשאים, כאחד האדם.

Песня на музыку Хаима Баркани в исполнении
Хавы Альберштейн на сайте
<http://www.youtube.com/watch?v=ODXEo2vwOxg>

Новая весна на старый лад

1

Весна идёт, весна идёт!
И по зелёному приволью
Пчела несёт свой новый мёд
С цветов полей к родному улью.

А соловьи... Увы и ах!
Их вовсе в наших нет краях.
Ну, всё равно, в кустах другая
Поёт пичуга не смолкая.

И кто тут смеет невпопад
Всё рифмовать на старый лад?!

О вреде курения

Утро. Льёт дождь. Не вставать. И не курить. Ну что же...
Нужно поменьше читать... Странная нынче весна.
Странная нынче весна. Утро на вечер похоже.
Нужно поменьше читать. Как же весна мрачна...

Раньше роптала. И что? Мёртвых своих оживила?
Тело, газета, стихи, "Песнь песней" – болит всё сильней.
Умный молчит? Может быть. Хорошо, что есть силы
Всех по ночам не будить, не беспокоить друзей.

אביב חדש נוסח ישן

א

אביב חדש, אביב חדש!
הכל מוריק, הכל פורח,
קבר הדבורה הביאה דבש
לכורתה מגן פורח.

והזמירים... (אך מעירים,
כי בארצנו אין זמירים.)
טוב, לא חשוב: צפור אחרת
בתוך השיח מזמרת.

והמשורר מעז פתאם
לחרז הכל כתמול-ששום.

על הנזק שבעיטון

בקר גשום. לא לקום. לא לעשן, אפילו
לא להרבות בקריאה. איזה אביב משנה!
איזה אביב משנה! חשך בבקר כאלו...
לא להרבות בקריאה. איזה אביב מתענן!

פעם היית מתאוננת. עזר לך? החיה את מתיך?
הקאב שבגוף, שבשיר, בעתון. בשיר השירים.
סיג לחכמה? יתכן. טוב שלמדנו בינתיים
לא להאיר שכנים, לא להטריד חברים.

Утро. Льёт дождь. Не вставать. Может, боль станет глуше.
Кончилась ночь и теперь... Не было вовсе зари.
Утро, как ночь. Пусть уж так. Тишина только душит.
Как тяжела весна! Говорила тебе: не кури!

1964

Габриэль Прейл
(1911-1993)

Остров и отступившее море

Песня может прийти в любую погоду
И создать собственный климат,
Насадить сады с золотыми плодами, каких раньше не было,
Или породить новую песчаную пустыню.

После того, как песня спета над снегом её и под солнцем её
Со всеми переменами ритма,
Она начинает дышать, как самостоятельный пейзаж,
Как реальная притягательная точка
На географической карте.

И только сотворивший песню,
Раненый любовью, остаётся вне пейзажа —
Остров, чьё море от него отступило.

Зельда Шнеерсон-Мишковская
(1914-1984)

Каждая лилия

Каждая лилия — остров
Мира обетованного,
Мира вечного.

בִּקְרָה גְּשׁוּמִים. לֹא לָקוּמִים. לַיְלָה עֶבֶר בְּשָׁקֶט.
לַיְלָה עֶבֶר. וְעַכְשָׁיו - אֵיזָה אָבִיב מִתְעַנָּן.
בִּקְרָה כְּמוֹ לַיְלָה. זֶה טוֹב. רַק הַדְמָמָה חוֹנֶקֶת.
אֵיזָה אָבִיב כִּבְדֹּ! אִמְרָתִי לָךְ: לֹא לַעֲשׂוֹן.

גבריאל פרייל.

אי וימו הנסוג

הַשִּׁיר בָּא עִם כָּל מִזְג-אֲוִיר, -
וְאַחֵר יוֹצֵר אֲקָלִים מִשָּׁלוֹ,
נוֹטֵעַ גְּנִים לֹא הֶעֱלוּ זָהָב קֶדֶם,
אוֹ נַעֲשֶׂה עָרֵב לְמַדְבֶּר חוֹל חֲדָשׁ.

לְאַחֵר שֶׁהוֹשֵׁר הַשִּׁיר עַל שְׁלֵגוֹ וְשִׁמְשׁוֹ,
וְכָל הַמַּעֲבָרִים הַפוֹעֲמִים לְבִינֵיהֶם,
הוּא נוֹשֵׂם כְּנוֹף עֶצְמָאִי,
כְּנִקְדָּה מוֹחֲשֶׁת-מוֹשְׁכֶת
עַל מִפָּה גְּאוֹרְפִית.

רַק מְחוֹלֵל הַשִּׁיר
פָּצוּעַ אֶהְבָּה נִשְׁאָר מִבְּחוּץ:
אִי שְׂיָמוֹ נִסְוֹג מִמֶּנּוּ.

זלדה.

כל שושנה

כָּל שׁוֹשְׁנָה הִיא אִי
שֶׁל הַשְּׁלוֹם הַמְּבֻטָּח,
הַשְּׁלוֹם הַנִּצְחִי.

В каждой лилии
Живёт птичка сапфировая,
Что зовётся "И перекуют".¹⁷

И кажется,
Так близок
Свет лилии,
Так близок
Её аромат,
Так близок
Покой её листьев,
Так близок
Тот остров –
Возьми лодку
И пересеки море огня.

Песня на музыку Изхара Эшадот в исполнении Гиги Гов
На сайте <https://www.youtube.com/watch?v=63V9mai-8OE>

Невидимый Кармель

Когда я умру,
чтобы превратиться в иную сущность,
невидимый Кармель,¹⁸
тот, что весь мой,
весь – сгусток счастья,
тот, что своими иголками, шишками деревьев, цветами и облаками
врезан в моё тело,
распростится с Кармелем видимым,
чьи сосновые аллеи спускаются к морю.

בְּכָל שְׁשׁוֹנָה מְתוֹרָרֶת
צְפוֹר סְפִירִית
שְׂשֻׁמָּה "וְכַתְּתוּ".

וְנִדְמָה
כֹּה קְרוֹב
אוֹר הַשְׁשׁוֹנָה,
כֹּה קְרוֹב
נְחוּמָה,
כֹּה קְרוֹב
שֶׁקֶט הָעֵלִים,
כֹּה קְרוֹב
אוֹתוֹ אִי –
קַח סִירָה
וְחַצֵּה אֶת יָם הָאֵשׁ.

הכרמל האי-נראה

כְּאִשֶּׁר אֲמוֹת
לְעֵבֶר לְמַהוּת אֲחֶרֶת –
יִפְרֹד הַכְרֶמֶל הָאִי-נִרְאָה
שֶׁהוּא כָּלוּ שְׁלִי,
כָּלוּ תַּמְצִית הָאִשֶּׁר,
שֶׁמְחַטִּיו, אֲצִטְרָבְלִיו, פָּרְחָיו וְעִנְיָיו
חִקוּקִים בְּבִשְׂרִי –
מִן הַכְרֶמֶל הַנִּרְאָה

¹⁷ "...и перекуют они мечи свои на орала, и копыя свои – на садовые ножницы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать"
(ТАНАХ, Невиим, Ишияху 2,4)

¹⁸ Кармель – гора в Израиле, на которой расположен город Хайфа

עם שְׁדֵרַת הָאָרְנִים שִׁיזְרְדַת לָיִם.

הָאֵם תַּעֲנוּג הַשְּׁקִיעָה הָאֲדָמָה

הוא מִיסוֹד הַתְּמוּתָה שָׁבִי?

וְתַעֲנוּג הַבְּשָׁמִים

וְרָגַע עֶרְפְּלֵי הַמַּיִם

וְרָגַע הַשִּׁיבָה

לִמְבֹט הַתְּקִיף שֶׁל שָׁמַי יְרוּשָׁלַיִם,

לְעֵלְיוֹן עַל הַכֹּל –

הָאֵם מִיסוֹד הַתְּמוּתָה הוּא?

Может ли быть наслаждение от багряного заката
связано с тем, что я смертна?

А наслаждение от ароматов,

от встающего над водой тумана,

от момента возвращения

к пристальному взгляду иерусалимского неба,

к Тому, Кто превыше всего...

И оно тоже?

יעקב אורלנד.

שמחת עניים

פַּעַם, לְאַחַר הוֹפָעַת 'חֶפֶה שְׁחוּרָה' שֶׁל יוֹנָתָן רְטוּשׁ,

סָעֲדָנוּ צְהָרִים בְּבֶן-יְהוּדָה פֶּנֶת פְּרִישְׁמָן

נִכְנָסְנוּ קֹדֶם לְמִסְעָדָה אַחֲרֵת בְּקִרְבַּת-מִקְוָם,

אָבַל מִצָּאנוּ שָׁם אֶת לֶאֱה יוֹשֶׁבֶת לְבַדָּה,

ה'חֶפֶה' דִּקְדָּקָה בִּידֵיהָ הַגְּרוּמוֹת, כָּלָה אֶפּוֹפָה טְבֻעוֹת-עֶשֶׂן,

וְהִיא מְכַנְסֶת בְּקִרְיָאָה.

נָתַן הַבֵּיט בָּהּ – וְנִרְתַּע,

כְּמַפְנֵי מִתְנַכֵּל, כְּמִשְׁוֹאֵת-רֶשָׁעִים,

הוּא הִדְחִיק רֹאשׁוֹ פְּנִימָה אֶל בֵּין כְּתָפָיו

וְהַחֵל סָב חֶרֶשׁ עַל עֲמִדוֹ.

בְּעוֹיֵת-פִּיּוֹ רָמַז לִי לְצֹאת אַחֲרָיו.

לֶאֱה הַבְּחִינָה בָּנוּ, וְאֵלּוּ אָנוּ בְּרִכְנוּ אוֹתָהּ, כָּלָה תַּמְהוֹן,

וְחִמְקָנוּ הַחוּצָה.

מֵאֵז הַבֶּקֶר הִיָּה קוֹדֵר.

הוּא קוֹדֵר, הוּא כְּמָה קוֹדֵר.

וְעֵשֶׂן בְּשֶׁרֶשֶׁרֶת.

שָׁמַתִּי יָדַי עַל כְּתָפוֹ בְּלִי לַדַּעַת לָמָּה בְּדִיּוֹק,
נִהְגַּתִּי עִמּוֹ כִּךָ לִפְעָמִים.
הוּא נָעַר מֵעַלְיוֹ אֶת הַיָּד בְּרִתְיָעָה שֶׁלֹּא הָיִיתִי רָגִיל בָּהּ
וְתִלִּיתִי בּוֹ עֵינַיִם.
פְּתָאם זָרַק אֶת הַסִּיגְרָה הַבּוֹעֶרֶת וּמַעַר אֹתָהּ בְּסוּלִיתוֹ,
כִּחְפֹּחַ בְּגָרוֹנוֹ, הִשְׁתַּעַל, יֶרֶק, נִכְנָס לַמַּסְעָדָה בְּבֶן-יְהוּדָה
וְאָמַר פְּעָמִים קוֹנִיָאק,
הָרִיק אֶת הַמִּשְׁקָה בְּלִיגָמָה אַחַת בַּעֲוִיט-שִׁפְתִּים מָרָה, כְּגוֹמֵעַ רַעַל,
אָמַר "אֵה..." מִפְּנֵי הַחֲרִיפוֹת וּמִפְּנֵי מָה שֶׁנִּרְאָה לִי מֵעֵבֶר לָהּ,
הִשְׁעִין גִּבּוֹ לִקְרִי מֵאַחֲרָיו, הַבֵּיט בְּעֵינַיִם לַחוֹת
וְגִמְגָם בְּאַלִּימוּת וּבְזַעַם וּבְהֶרְחָק מִשְׁגָּרְתוֹ,
כִּשְׁהוּא מְטִיחַ אֶגְרוֹפָיו בְּקִיר מִשְׁנֵי צַדִּי גּוֹפּוֹ בְּקֶצֶב שֶׁל מִכָּה עַל-חֹטָא:

'אֶת יְחִידָה כֶּצֶל
אֶת בּוֹגְדָה כִּנְחַל
אֶת תִּצְעֻנִי לִכְלִי, לְכָל עוֹבֵר וְנֹשֵׁב...'

"אֵיךְ זֶה? זֶה טוֹב, מָה? זֹנָה, זֹנָה, הַלְשׁוֹן הַעֲבָרִית..."
אַחֲר־כֵּן שִׁתַּק אֶרְכּוֹת וְהִנֵּהן לַעֲצֻמוֹ בְּנִיד-רֹאשׁ אֶת קֶצֶב שִׁתִּיקָתוֹ
וְאֶת מִשְׁמַעוּתָהּ, כְּמִי שֶׁמִּשְׁלִים עִם פְּתִיעוּלְתִּיהָ וְחֻקָּתָה שֶׁל הַבְּרִיאָה,
לְבִסּוֹף הַיִּשּׁוּר אֵלַי מִבֶּט נֹקֵב, שֶׁהִיא קֹצֶת וּמִלְמַל כְּמִתְחַטֵּא:
"אַל תִּקַּח אֹתִי בְּרִצִּינוֹת, זֶה יַעֲבֹר..." וְחִיָּה בְּמִמְזָרוֹת פְּצוּעָה.
חֲבֵרוֹת אֲמִיצָה הִחֲזִיקָה אֲזַי בְּשִׁנָּיו,
בְּהֶבְדֵּל רַב מִיַּחְסֵי-סוּפְרִים סֶתֶם,
כְּלוֹמֵר...
נו טוֹב, מִיֵּלָא. לֹא עֲכָשׁוּ.

וְזֹאת לַדַּעַת:
בְּיָמִים הָהֵם אֵין מֶלֶךְ בְּיִשְׂרָאֵל,
לְבַד מִנֶּתֶן.
לֹא עָשָׂה אִישׁ הַיֵּשֶׁר בְּעֵינָיו, כִּי אִם בַּעֲצָתוֹ וְעַל פִּיו.
קָשָׁה לְהַסְבִּיר. מִיִּן דֶּרֶךְ-אֶרֶץ בְּפָנֵי חֲכַמַּת-הַלֵּב הַמִּפְלָאָה שֶׁלּוֹ,
בְּפָנֵי מֶגֶד-רֶגֶשׁ כְּשָׁרוֹנוֹ, שֶׁרְאִינוּ בָּם זֵיו מְאִיקוֹנוֹן שֶׁל שְׂכִינָה.
תֹּאמְרוּ שְׁלוֹנְסְקִי, תֹּאמְרוּ אוּרִי-צָבִי,
אֲבָל שְׁלוֹנְסְקִי שֶׁרְבִיט הִיָּה לוֹ, לֹא כֶּתֶר.
וְאֵלּוֹ אוּרִי-צָבִי – הֵר־שִׁרְפָה מְסַכֵּן הִיָּה אֲזַי, וְרַחוּק וּמִנְכָּר

מִפְּנֵי הַחֶרֶם, מִפְּנֵי קֶצֶר-הָרְאוֹת, מִפְּנֵי מָה לֹא?
רַק נִתֵּן עִם כָּל כּוֹכְבּוֹ בַּחוּץ, חֵם כְּמוֹ בֵּית-אִמָּא, כְּמוֹ
רוּעַת-הָאֲנָזִים וּפְנִדָּק-הַיַּעַר וּפִילֵי-הַשָּׁמַיִם הַגְּדוֹלִים,
כְּמוֹ נָזִיר מְשַׁלַּח בְּתוֹכֵנוּ, מִזְמַר יִפִּי כְּאַחַד הָאָדָם,
שׁוֹנֵא מִלְחָמוֹת וְאִינוֹ נוֹתֵן לָהֶן רוֹבִים
וְהַאֲוִרְקָל מִדְּבַר מִפְּיֹו מִדִּי שְׁבוּעַ,
אֶהְבֵּנוּ אוֹתוֹ.
עוֹדוֹ רַךְ וּמִשׁוּחַ אֵז, וְכִבֵּר אֶהְבֵּנוּ אוֹתוֹ,
כִּיֹּרֶשׁ-עֶצֶר צָעִיר, כְּנוֹשָׂא-עֶטְרָה בְּבוֹא הַיּוֹם,
וְהוּא חֶרֶד כָּל-כֶּךָ לְמַלְכוּתוֹ, וְאִף קִנְאִי לָהּ,
הוּי כְּמָה קִנְאִי לָהּ, מָה אַתֶּם יוֹדְעִים...
וְאֵלּוֹ כָּאֵן פִּתְאֹם – כְּמֶרְאָה הַחֲשָׁמַל מִתּוֹךְ הָאֵשׁ וּכְחֲשֶׁרֶת-סוּפָה מִן הַמִּדְבָּר –
שִׁירִי 'חֲפָה שְׁחוּרָה'.
וּבִימֵי הַהֵם, כְּיָמִים כְּלִילוֹת, מִלְחָמָה סְבִיב
וְאֲנָשִׁים לֹא טוֹב לָהֶם
וְאֵלֵהֶם מִתְחַבֵּא מִפְּנֵי הַפְּרָעוֹת, יוֹדַע מְרַנְּנִים אַחֲרָיו
אֵיזָה עוֹלָם בָּרָא.
חֲשֵׁנוּ שׁוֹאָה, חוּיֵנוּ קֶץ הַעֲתִידִים, אִישׁ עֶרְבִי מִכָּה אִישׁ עֶבְרִי
וְגוֹי אֲכָזָר מֵהוֹתֶת בְּחֶרְבּוֹ הַגְּדוֹלָה,
וְשִׁכְיִנְתָּ לֹא בְּגִלוּתָא וְלֹא בְּכָאן, וּמִי אֲנַחְנוּ וּמָה שְׂרָשְׁרֶת-הַזֵּהָב
לְמֵן חֶרֶב-בֵּית עַד לְחֶרֶב-בֵּית?
וְהַכֹּל מִתְנַבְּאִים בְּמַחְנָה – הִנֵּה סִכַּת-דָּוִד נוֹפֶלֶת וְהִנֵּה בָּאוּ מֵיָם עַד,
וְהִנֵּה מִפְּנֵי חֲטָאֵינוּ גָּלִינוּ וְכְמוֹ צִלִּיל לֶחֶם שְׁעוּרִים מִתְהַפֵּךְ בְּמַחְנָה - -
וּלְפִתְעָה רוּחַ גְּדוֹלָה בָּאָה וְקוֹל תֵּף וְנִבֵּל וְחִלִּיל
וְחֶבֶל-נִבְאִים חֲדָשׁ מִתְגַּוֵּד בְּרַחוּבוֹת
עִם בְּכוֹר שׁוֹרוֹ הָדָר לוֹ וְעַם אֵל מוֹצִיאֵם מִמִּצְרַיִם בְּתוֹעֲפוֹת רָאִם
וְעַם יוֹנֵתֵן מִרְעֵנוּ הַטוֹב בְּרֹאשׁם
אוֹמֵר לְמָה לָנוּ כָּל אֵלָה, וְלֹא מִשְׁלָנוּ כָּל אֵלָה, וְקִשָּׁה גְלוּת לְיִשְׂרָאֵל,
קִדְמַת-עֵדֶן כָּלוּ, עֵינָיו שְׁמֵשׁ, שִׁירוֹ חֲמוּקֵי-סִהָר,
תַּאֲוֹת גִּבְעוֹת-עוֹלָם.
וְהִלְשׁוֹן – מִי-תְהוֹם, מְשִׁיבַת-נֶפֶשׁ, כְּמוֹ בָּאֵר חֲפְרוּהָ שָׂרִים,
לֹא שְׁמַעְנוּ כְּמוֹתָהּ מֵאֵז נִגְזַרְנוּ.
וּלְפִתְעָה – כְּאֹמֹר – שִׁירִי 'חֲפָה שְׁחוּרָה', כְּמוֹ תַנּוּר עֹשֵׂן וְלִפִּיד אֵשׁ עוֹבֵר בֵּין הַגְּזָרִים.
שְׁלוֹנְסְקִי הַלִּיט פָּנָיו בְּאֲדָרְתוֹ
וְלֹאָה בְּחִדְרֶיהָ בָּאָה,

הָאֵלִילִים שָׁחָה נַפְשָׁם לְעֹפֶר
וְהַנְּפִילִים הָיוּ אֶז בְּאֶרֶץ...
הֵלֵא רְאִיתָם, הֵלֵא קָרָאתָם.

וּבְמִסְעָדָה, בְּבֶן-יְהוּדָה, אִישׁ וָרֵעוֹ יִשְׁבְּנוּ.
בְּלֹא חֲמֻדָּה הִסֵּב עִמִּי נֶתַן אֶל הַלֶּחֶם.
כָּאֵל מֵאֶפֶה-שְׁלֹשָׁם. טַעַם הַקֵּשׁ בְּפִיו.
יָשָׁב. וְשִׁתְקָה. פְּתֹאֵם נִזְדַּהְרוּ עֵינָיו כְּמוֹ נֶר-אֱלֹהִים נִשְׁמַת אָדָם,
וְאָמַר בְּרִכּוֹת רַבָּה וּכְאֵלוֹ בְּעֵנָה:
"מִמָּזָר... אֵיךְ הוּא עוֹשֶׂה אֶת זֶה, לַעֲזָאזֵל..."

אֶת יְחִידָה כָּצִל
אֶת בּוֹגְדָה כִּנְחָל
אֶת תַּצְעֲנִי לְכָל, לְכָל עוֹבֵר וְשָׁב..."

...תִּשְׁמַע אֵיךְ זֶה מְצַלֵּץ אֶצְלוֹ, כֶּסֶף שִׁכְלוֹ שְׁלָנוּ.
עֲשִׂיר גְדוֹל הָאִישׁ הַזֶּה, עֲשִׂיר יְהוּדֵי גְדוֹל, בּוֹא נִחְזֵר לְלֹאֵה. הִיא לֹא תִבִּין".
וְחִזְרָנוּ. וְיִשְׁבְּנוּ עִמָּה. כָּלֵנוּ עֲשִׂירִים.

וְעָבְרוּ צָהָרִים וְעָרָב בָּא.
וְדִפְקָה עַל הַדֶּלֶת 'שְׁמַחַת עֲנִיִּים'.

Яков Орланд
(1914-2002)

Радость бедных

Яков Орланд (1914-2002) – израильский поэт и композитор
Ионатан Ратош – псевдоним израильского поэта Уриэля Шелаха (1908-1981). Книга "Чёрная хупа" вышла в начале 1941г.
Лея Гольдберг (1911-1970) – израильская поэтесса. (переводы – см. на этом сайте). Книга "Кольца дыма" вышла в 1935г.
Натан Альтерман (1910-1970) – израильский поэт. Книга "Звёзды вовне" вышла в 1938г., а поэма "Радость бедных" – в марте 1941г. (переводы – см. на этом сайте)
Ури-Цви Гринберг (1896-1981) – израильский поэт

Как-то после выхода в свет "Чёрной хупы"¹⁹ Ионатана Ратоша

¹⁹ хупа – 1) свадебный балдахин 2) свадьба (иврит)

мы обедали на углу Бен-Иегуда и Фришман.
Сначала мы зашли в кафе неподалёку оттуда,
но увидели там Лею, сидящую в одиночестве.
В её костлявых пальцах тоненькая книжица "Хупы", вся окутанная *кольцами дыма* ²⁰,
и она погружена в чтение.
Натан посмотрел на неё и отпрянул,
как от злоумышленника или смертельной засады.
Он втянул голову в плечи
и начал тихонько поворачиваться.
Гримасой скомандовал мне выйти следом за ним.
Лея увидела нас, и мы, поприветствовав её, совершенно изумлённую,
выскользнули наружу.

С утра он был мрачен.
Мрачен, ох, как мрачен!
И курил сигареты одну за другой.
Я положил руку ему на плечо, сам не знаю, зачем
(иногда я позволял себе это).
Он стряхнул с себя мою руку резко, чего раньше не бывало.
Я уставился на него.
Вдруг он бросил горящую сигарету, раздавил её подошвой,
откашлялся, сплюнул, зашёл в кафе на Бен-Иегуда
и попросил двойную порцию коньяка.
Осушил стакан залпом, скривил горько губы, как-будто глотнул яд.
Сказал "А!.." от горечи и, как мне показалось, от чего-то большего,
опёрся о стену позади него, посмотрел влажными глазами
и пробормотал грубо и с гневом, что было совершенно на него не похоже,
ударяя кулаками о стену ритмично, как будто каялся:

" Ты лишь одна как тень
Ты как ручей петляешь
Ты как цыганка всякий уведёт с собой

Каково? Здорово, да? Вот сукин сын!.. язык!.. иврит!.."

²⁰ Здесь и далее в стихотворении курсив мой (А.Г.)

Потом долго молчал, отмечая кивками головы только ему слышный ритм
и его смысл, как-будто примирялся с непредсказуемостью и с законами мироздания.
Наконец, посмотрел прямо на меня пронизывающим взглядом,
помедлил немного и пробормотал, как бы извиняясь:
"Не примай меня всерьёз. Это пройдёт..." и улыбнулся хитровато, но с болью.
Нас двоих связывала тогда крепкая дружба,
совсем не так, как обычно бывает между писателями,
то есть...
Ну, ладно, хватит. Не сейчас.

Надо знать:

В те дни не было царя в Израиле,
кроме Натана.

Никто ничего не делал по-своему, а только по его совету и по его слову.

Трудно объяснить. Из уважения к чудесной мудрости его сердца,
к сладким плодам его таланта, в которых мы видели сияние божественной иконы.

Назовите Шлёнского, назовите Ури-Цви,
но у Шлёнского был жезл²¹, но не было короны,
а Ури-Цви – опасный вулкан – был тогда и далёким, и чуждым
из-за остракизма²², из-за близорукости и многого другого.

Только Натан со всеми его *звёздами вовне*, тёплый, как мамин дом, как *пасущая гусей*,
лесной трактир и огромные небесные *слоны*²³,
как отшельник, посланный к нам, воспевающий красоту, словно обычный человек,
ненавидящий войны и не дающий им оружия,
и оракул вещает устами его еженедельно²⁴ -

Мы любили его.

Ещё когда был юн и ещё только помазан²⁵, уже любили его,
как наследника престола, который будет коронован в один из дней.

²¹ Авраам Шлёнский был не только выдающимся поэтом, но и активным деятелем в области литературы – редактором журналов, руководителем литературных групп, идеологом модернизма в поэзии

²² Ури-Цви Гринберг подвергался остракизму со стороны либеральной интеллигенции из-за своих идеологических установок

²³ Названия стихотворений из книги "Звёзды вовне": "Пасущая гусей", "Песня в лесном трактире", "К слонам"

²⁴ Натан Альтерман вёл в газете еженедельную колонку, посвящённую актуальным событиям и имевшую большой общественный отклик

²⁵ Помазание елеем в древности совершалось в знак святости или при назначении на особо важную должность. Так пророк Самуил помазал будущего царя Давида по велению Господа и "снисходил дух Господень на Давида с того дня и позже" (ТАНАХ, Невиим, Шемюэил, 16, 13)

И он так болел душой за своё царство, даже ревновал к нему;
ох, как ревновал к нему, что вы знаете...
А тут вдруг – как разряд электричества из пламени, как вихрь бури из пустыни –
стихи "Чёрной хупы".
А в те дни, дни и ночи, вокруг война,
плохо людям,
и Бог прячется от бедствий, знает, что ликуют за спиной Его:
какой мир создал!
Мы ощущали катастрофу, предчувствовали конец времён,
араб бьёт еврея и жестокий чужой народ, уверенный в своём огромном мече...
И Бог не с нами ни в галуте²⁶, ни здесь, и кто мы такие, и какова золотая цепь
от разрушения Храма до разрушения дома?
И все в стране пророчествуют: вот падает шатёр Давида, вот поднялись воды до...,
вот за грехи наши мы изгнаны,
и вот сейчас последняя ржаная лепёшка упадёт на землю...
И вдруг – сильный ветер прошёл, звуки барабана, арфы, флейты.
Явились новые провидцы, собираются на улицах
с великолепным вожаком и с Богом, который выведет их из Египта,
как могучий олень своё стадо,
с Ионатаном, добрым пастырем нашим, во главе,
говорящим: зачем нам все эти, они не из наших, галут был не по силам детям Израиля.
Весь – райский вестник, глаза его – солнце, песни его совершенны, как луна,
в них устремление к вершинам мира,
а язык – воды бездны, отрада души, как колодец, вырытый вождями.
Мы таких не слыхали с тех пор, как судьба наша решилась.
И вдруг, как сказано, стихи "Чёрной хупы".
Дым и факел горящий пронёсся между рядами.

Шлёнский облёк его своей мантией,
Лея удалилась в дом свой,
идолы ниц попали в пыль...
И гиганты были тогда на земле...
Разве вы не видели, разве вы не читали?

²⁶ Галут – рассеяние евреев по разным странам (иврит)

А мы сидели вдвоём в кафе на Бен-Иегуда.
Натан ел свой хлеб без всякого аппетита,
как засохший дня три назад. Вкус соломы во рту.
Сидел, молчал. Вдруг глаза его засветились,
как свеча Божья, коей зажжёт свет в душе человека.
И сказал очень мягко, как бы скромничая:
"Вот плут... Как он это делает, чёрт возьми..."

Ты лишь одна как тень
Ты как ручей петляешь
Ты как цыганка всякий уведёт с собой

Послушай, как это у него звенит. Всё это серебро – наше.
Богат, велик человек этот, богач еврей.
Давай вернёмся к Лее, она не поймёт."
Вернулись, сидели с ней, все – богачи.

И закончился день, и настал вечер,
и постучала в дверь *"Радость бедных"*.²⁷

Элиэзер Каган
(1914-2000)

Золотая свадьба

Когда б я силы мог вернуть сегодня,
Когда б ты влезла в свадебный наряд,
Я на руки тебя опять бы поднял,
Как в том селе полсотни лет назад.

Я б внёс тебя в наш дом легко и смело,
Где б нас ждала прохладная кровать,
И мы б опять единым стали телом,

אליעזר כגן.

חַתּוּנַת זָהָב

אֵלֹו כָּחִי עָמַד לִי בַּמִּתְנָיִם,
וְאֶת רִזִּית כְּבִימִים מִכְבֵּר,
הָיִיתִי מְרִימָה שׁוֹבַע עַל פְּפִים,
כַּעֲשׂוֹתִי לִפְנֵי יוֹבֵל בְּכֶפֶר:

נוֹשְׂאָה קְלָה מֵעַל מִפְתָּן בֵּיתֵנוּ
מִטַּט-כְּלוּלוֹתֵינוּ הַקָּרָה,

²⁷ Позма Альтермана "Радость бедных" начинается словами "Постучала в дверь Радость бедных"

О чём жених мог только и мечтать.

Жду с нетерпением твоего прихода.
Едва дышу и глазом не моргнул.
Душа летит к тебе, застыл у входа...
Борясь с отдышкой и держась за стул.

2.10.92

Сила притяжения

Как гири, руки; палка вместо шеи;
Свинцом налиты ноги – не поднять.
Ещё вчера я ветра был быстрее,
Через препятствия мог, как олень, скакать

И шёл легко, как будто на Луне я,
Теперь, как по Сатурну, - жалкий вид!
Со стула встать я силы не имею,
Пойду – в походке мира лень сквозит.

Растёт, растёт планеты притяженье,
Что год, клонюсь я долу головой.
Земля – так, между делом – за мгновенье
Незримой цепью шаг сковала мой.

Я с каждым днём к ней становлюсь всё ближе,
Не избежать её могучих рук.
Вот-вот меня обнимет, обездвижит,
Как трепыхавшуюся моль паук.

Хаим Гури
(p.1943)

Вот недвижимые наши тела

היינו לבשר אחד שוב שנינו,
כשמח החתן על הכלה.

יום-יום ממתינ עודני לבואך
בקצר-רוח, כל-עוד נשמה,
נפשי יוצאת אליך ולמראה,
אך מכסא ובקצר נשימה.

כח הכבידה

ידי כבדות וצוארי קשוח,
עופרת בירכי רבת משקל.
לפני שנים מספר הייתי רוח;
על מכשולים דלגתי – עפר קל!

קלות צעדתי כעל ירח,
הפעם פסיעותי כעל שבתאי.
ללכת – משימה, לקיום אין כח,
עצלות, יסוד עולם, בתנועותי.

בהתכוץ חלדי הנעקד,
גברה כבידת האדמה עלי;
ותוך שנים מצער, כלאחר-יד,
עד בלי-הכר אסרה את שעלי.

לא עוד ימים רבים נותרו לשונו;
יום-יום כחה הולך ומתגבר,
עד תאמצני אל לבה אין-זוע,
כעכביש טרפו המפרפר.

חיים גורי.

הנה מטלות גופותינו

Вот недвижимые наши тела нескончаемым строем лежат.
Смерть глядит из глазниц, наших лиц не узнать.

Мы не дышим. Смотри:

Опускается вечер на горы. Последние тают лучи.
Мы не встанем уже, чтоб идти по дорогам, где гаснет закат.
Нам уже не любить, струн печальных не перебирать до зари,
Ни один против ветра в лесу уже не закричит.

Наши матери, горем согбенны, молчат. Прячут слёзы друзья.
Рядом взрывы гранат и пожар. Значит, буря близка.
Неужели нас всех похоронят сейчас?
Мы воскреснем ещё, мы рванёмся в атаку, нам медлить нельзя!
Встанем рослые, грозные, ринемся в бой на врага.
В наших жилах огонь, всё бурлит, всё живёт внутри нас.

Пусть обоймы пусты, подтвердят наши ружья:

никто не предал.

Они помнят последние наши слова, их стволы горячи,
И на каждом шагу нашей кровью полита земля.
Всё, что можно, мы сделали. Но и последний упал.
Кто же нас упрекнёт, если мёртвыми были в ночи
И к холодной скале прижимались, губами лоя.

Посмотри, что за ночь – широка, велика.
Звёзды в небе сквозь мрак расцвели, как цветы.
Сосен свеж аромат...
Хороните сейчас, пусть нам комьями лица укроют.
Огражденья, траншеи... Теперь всё для нас на века.
Новый день! Не забудь средь трудов, суеты:
Пока смерть нам глаза не смежила, мы жили тобою.

Мы не дышим. Недвижные наши тела, словно строй.
Но наполнило горы могучего ветра дыханье,
И в сиянии утра в камнях засверкала роса.

ראה, הנה מטלות גופותינו שורה ארקה ארקה.
פנינו שנו. המות נשקף מעינינו.

איננו נושמים.
כבים נגוהות אחרונים והערב צונח בהר.
ראה, לא נקום להלך בדרכים לאורה של שקיעה רחוקה.
לא נאהב, לא נרעיד מיתרים בצלילים ענגים ודמומים,
לא נשאג בגנים עת הרוח עוברת ביער.

ראה, אמותינו שחוחות ושותקות, ורעינו חונקים את בכים,
ומפץ רמונים מקרוב ודלקה ואותות מבשרים סערה!
האמנם תטמינונו כעת?
הן נקום, וגהחנו שנית כמו אז, ושבנו שנית לתחייה.
נדדה אימים וגדולים ואצים לעזרה,
כי הכל בקרבנו עוד חי ושוצף בעורקים ולוהט.

לא בגדנו.
ראה, נשקנו צמוד ומרקן כדורים, אשפתנו ריקה.
הוא זוכר מלותינו עד תם. עוד קניו לוהטים.
ודמנו מתז בשבילים שעל-שעל.
עשינו ככל שנוכל, עד נפל האחרון ולא קם.
האמנם נאשם אם נותרנו עם ערב מתים
ושפתינו צמודות אל אדמת הסלעים הקשה?

ראה, איזה לילה גדול ורחב.
ראה, פריחת כוכבים במחשך.
ניחוחי ארנים.

תקברונו כעת, ורגבי העפר על פנינו.
פה התיל סמור, חפירות, פה כלנו יחדו.
יום חדש, אל תשכח! אל תשכח!
כי נשאנו שמך, עד המות עצם את עינינו.

הנה מטלות גופותינו, שורה ארקה ואיננו נושמים.
אך הרוח עזה בהרים ונושמת.

Мы вернёмся ещё, мы цветами вернёмся домой.
Вы в мгновение ока узнаете нас: "Горняки!"²⁸
Им подходит название".
Мы тогда расцветём, когда смолкнут стрельбы голоса.

Песня на музыку Нахума Геймана в исполнении Гилы Альмагор и
Дани Голана
На сайте <https://www.youtube.com/watch?v=61STrP0rSv4>

Из раздела "От Иегуды Амихая до Мардехая
Гелдемана"

Иегуда Амихай
(1924-2000)

Из цикла сонетов "Мы любили здесь"

В безмолвной комнате

В безмолвной комнате своей в объятьях сна
Мы замурованы ночами, как в гробнице
Огромной пирамиды, тишина
Песком столетий сверху громоздится.

Проходят поколения вовне.

וְהִבָּקֵר נוֹלָד, וְזָרִיחַת הַטָּלְלִים רוֹנְנָה.
עוֹד נָשׁוּב, נִפְגָּשׁ, נִחְזָר כְּפָרָחִים אֲדָמִים.
תִּפְרִונוּ מִיָּד,
זוֹ "מַחְלֶקֶת הַהָר" הָאֵלֶמֶת.
אֲז נִפְרָח. עֵת תִּדְם בְּהָרִים זַעֲקַת יְרִיָּה אַחֲרוֹנָה.

יהודה עמיחי.

(שיר ו' מהמחזור הסונטות "אהבנו כאן")

ובלילות חדרנו נאטם

ובלילות חדרנו נאטם
כְּקֶבֶר פִּירְמִידָה. מַעְלִינוּ
הַר הַדְּמָמוֹת זְרוֹת, כְּחוֹל מוֹרֵם,
דְּוֹרוֹת רַבִּים עַל פְּתַח מִשְׁכָּבְנוּ.

²⁸ Горные отряды

Недвижны саркофаги в строе строгом.
Смотрите: протянулась по стене
На старой фреске наших душ дорога.

Там в лодке двое правят стоя, а меж ними
Гребут гребцы под звёздами чужими.
Нил времени течёт. Открытий нет.

Мы, мумии, лежим, спелёнуты любовно,
Недвижны. Так проходит вечность ровно,
А утром археолог вносит свет.

Песня на музыку Гиди Корена в исполнении Ноэми Ротэм на сайте
http://www.youtube.com/watch?v=9R_zLRTCYYV

Там, наверху, на соснах шишек звон

Там, наверху, на соснах шишек звон,
А ниже, в сердце – колокольчик-сон.

И наши башмаки, разинув рот,
Глядят на солнце. А асфальт идёт,

Он здесь уже почти, но вдруг постиг,
Что для влюблённых двух тут счастья миг,

Как вечность, средь житейских будней их...
И обогнул, оставив нас одних.

Давид Авидан
(1934-1995)

ועת גופינו יִשְׁכּוּ מָאָד,
על הקירות שוב מצטיירת
הדרך בה עוברות הנשמות
שלנו. התראים? סירה עוברת

ושנים בה עומדים, השאר חותרים.
וכוכבים מעל, כוכבי האחרים
יאור הזמן נושא בלי לפתר.

ואנו חנוטים באהבה רבה.
וכאחר הנצח בקר בא;
ארכיאולוג עליז – ולו האור.

למלעה על העץ אצטרבלים

למלעה על העץ אצטרבלים
בלב למלה, חלומות וצלצולים.

ונעלינו פעורות ומן הצד,
רואות אף הן שמים. כביש כמעט

הגיע הנה – אף בהתחשב
עם קצת הנצח שאוהבת ואוהב

מצאו כאן, לא הרחק מיזמיומם
עבר הוא מסביב והשאירם.

דוד אבירן.

Поднимаются улицы ввысь

Остановит прекрасная улица шаг свой в какой-то из дней.
Как буханка, разломится вдоль пополам тяжкий склеп тишины,
Сожжено утро влажное молнией будет одною своей.

Напрягая всю грудь, вздохнут люди, как после бегов иль войны:
Жёсткий обруч бетона сомкнётся, сожмёт в кулаке город весь,
Стены рухнут безмолвно, как-будто велению подчинены.

Опускается солнце на гибнущий город, сияя. Вглядись:
Ни одно в день тяжёлый такой не родится, похоже, дитя,
Но никто не умрёт. Не спеша поднимаются улицы ввысь.

На волшебном ковре поднимаются улицы, к свету летя.
Люди опытни – стены одна за другою из праха встают.
Город края, начала лишён. Но ворота подходы хранят.

Как из шелеста зелени мха, из стены твои руки поют.
Словно жемчуг на молнии шее, глаза твои неба светлей.
В нём устало плывёт голова, но уста миру честь отдают.

Израэль Пинкас
(р.1935)

Два отрывка о сне и любви

2

Что случится с поэтом, когда он умрёт?
Встретят ангелы душу у райских ворот?
И любимая сразу придёт?
Если да, как узнает, каким его нынче найдёт
После стольких годов, как ей дал от ворот поворот
И как в небо ушла, чтоб его подготовить приход?

הרחובות ממריאים לאט

הרחוב היפה-היפה יעצר לבסוף בדרך.
השלנה, אטומה וקשה, תחתך כמו חלה לארץ.
והבקר הלח יתפחם מבקר יחיד. מברקו.

אנשים יתנשמו בכבדות כמו בתם דהרה עתיקה.
הגורת-הבטון של העיר הדוקה. בהחלט הדוקה.
הקירות הכבדים מבינים משהו ונופלים בשתיקה.

על העיר הגוססת בחוץ צונח אורשמש מחלט.
ביום שכזה מן-הסתם בביתם שום תינוק לא נולד,
אף לא מת שום אדם. ואכן, הרחובות ממריאים לאט.

הרחובות ממריאים לאט אל האור הלבן כמו שטיח-קסמים.
הקירות שנפלו מוקמים איכשהו (אזרחים חכמים).
ולעיר אין ראשית ואין סוף. וכל המבואות חסומים.

ידיך שרות מן הקיר כמו מלמול של אזוב ירקרק.
ועיניך פורחות כמו פנינים של זכוכית על צואר הברק.
רק ראשך העיף צף באור העמק. ורק פיה שרק.

ישראל פנקס.

שני פרקים על שינה ואהבה

ב.

מה קורה את המשורר אחר מותו?
היורדים אליו המלאכים לפגוש אותו?
הבאה אליו אהבתו?
ואם באה, כיצד היא מכירה אותו?

А пока что...

Поэт среди ночи в постели лежит,

С ним жена, что до смерти ему только принадлежит

(Так, как в картах китайских издревле и надлежит),

Только сердце его к этой жизни уже не лежит.

Далия Рабинович

(1936-2005)

Вожделение

Я такого, как там, не знала ещё вожделенья.

Это было в субботу, седьмой день недели был.

Ветви, листья – всё вверх устремилось, придя в смятение.

Разливался, сияя, свет, как река в наводнение.

Шар глаза, желаньем горя, солнечный шар ловил.

Я такого, как там, не знала ещё вожделенья.

Свет в верхушках кустов дрожащих не знал утоленья,

Разливался по водам, искрами рябь дробил.

Голова моя для него апельсин, объединенье!

Жёлтых лилий рты распахнулись и ждут угощенья:

Стебелёк травинки по ряби искристой плыл.

Это было в субботу, седьмой день недели был.

Ветви, листья – всё вверх стремится страстно в смятение.

И была небывалым охвачена я вожделеньем.

Тяжёлая зима

Деревце шелковицы плясало в пламени

И, прежде чем великолепие его исчезло, окуталось грустью.

אחר כל השנים האלה, אחר לכתו
ממנה, אחר לכתה עם מלאכים להכין את צידתו?

בינתיים:

המשורר שוכב בלילה במטתו,

המשורר שוכב אבל לא שוכב לבו,

שוכב המשורר ולידו מנחת אשתו,

כמו בקלפים סיניים מן המאה השלש-עשרה.

דליה רביקוביץ.

חמדה

שם ידעתי חמדה שלא היתה כמוה,

והזמן ההוא היה יום השביעי בשבת

וכל בדי אילנות היו מתעצמים לגבה.

והאור הלך מסביב שוטף כנהר לגבע,

וגלגל העין את גלגל החמה חמד.

אז ידעתי חמדה שלא היתה כמוה.

הזהירו ראשי השיחים והאור לא ידע שבע,

נתך בגלי הנהר ובכל אדוותיו נצת,

אף ראשי היה בעיניו כתפוח זרב לבלע.

שושני נהר צהבות פערו את פיהן לבלע

את אדוות הנהר בחפזן וגבעול העשב השט,

ואותו היום היה יום השביעי בשבת

וכל בדי אילנות מתעצמים בתשווקה לגבה

ואז ידעתי חמדה שלא היתה כמוה.

חרף קשה

Дождь и солнце, усиливаясь, сменяли друг друга, а в доме
Мы боялись и думать о том, что нас ждёт.
Кусты начинали краснеть с середины, пруд скрылся из глаз.
И каждый из нас думал лишь о своём.
Но в мгновенье рассеянности мыслей
Я увидела, как обрубаются связи людей с миром,
Подобно удару молнии в дерево, отягчённое плотью ветвей и
кроны:

Мокрые ветви их попирались, как сухая трава.
Ставни были поломаны да и стены тонки;
Дождь и солнце проникали через них, сменяя друг друга,
Будто на железном велосипеде.
И тела растений вслушивались тоже только в самих себя.
Не верилось, что ещё можно остаться в живых в этот раз.

Ури Бернштейн
(р.1936)

Короткая любовь

Он так хотел остаться с ней.
Жизнь без неё пуста.
Она ж – лишь осень и бедней
Дрожащего куста.

Ушла, но память в нём живёт:
Была весна и есть!
И он во сне потом несёт
Ей утешенья весть.

Был резон

Молчанье накрыло меня.
Как будто под пледом, лежу.

התות הקטן פזז בתוך השלֵהבת
ובטרם פנה הודו נתעטף עגמומית.
גשם ושמש גברו חליפות, ובתוך הבית
פוחדים היינו לחשב מה יבוא עלינו.
השיחים האדימו מלבם והברכה נחבאה,
כל אחד נתן דעתו לנפשו בלבד.
אולם ברגע אחד שהיתה דעתי פזורה
ראיתי איך אנשים נכרתים מן העולם –
כמכת ברק באילן,
עמוס איברים ורקמה,
היו ענפיהם הרטובים למרמס כעשב המת.
התריס היה פגום ואף הקירות דקים,
וגשם ושמש עברו חליפות
באופני הברזל.
כל גופי הצמחים הקשיבו לנפשם בלבד.
לא האמנתי שעוד אשאר בחיים הפעם.

אורי ברנשטיין.

אהבה קצרה

אדם נאסף מכל קצותיו
להיות עמה אחד.
ויש לו עמדה רק סתו
שקוף כעץ נרעד.

ובלכתה תמיד היא מותירה
את זכר פריחתו שהתקיימה.
ואם זכה היא מדברה
בחלומה. והוא מנחמה.

היה טעם

И в тёмной депрессии я
Покой и тепло нахожу.

Когда-то резон был, видать,
В Китае стихи сочинять.
Народ голодал. Ли-тай Го
Старался понять: отчего?
Он видел микробов в них, ведь
Когда-нибудь нужно умнеть!

... Резон, видно, существовал,
Коль с переселеньем души
Ты избран был, но опоздал...
Ещё будет шанс, не спеши.
Все страсти за жизнь за одну
Тебе утешать ни к чему :
Для тела и духа полезней.
Не надо ломать лишних дров.

Не факт, что поэзия сразу исчезнет,
Когда не останется слов.

Отчуждённость

И всё, что я решил, заставил дождь менять.
Он белым светом вновь укрыл кровать.

Скажи, была ль хотя бы мысль одна,
Которой никому знать не дано,
Иль нет в глазах ни краешка, ни дна,
Где лишь моё лицо отражено?

Скажи, что дождь — откуда ни возьмись, -

הטלה עלי שתיקה.
כמו שמיקה הטלה.
נוח לי במועקה
החמה, האפלה.

היה טעם
בכתיבת שירים בסין פעם:
כשהעם רעב, ולי-טיי-פו
חקר, שכור, את נופו
פחקר את החידקים.
אדם חיב פעם להחכים.

היה טעם
כל זמן שחשבת שנגבחרת.
אבל כנראה שהפעם,
בגלגול הזה, אחרת.
יהיו אולי גלגולים חדשים.
אינך חיב להגשים
את כל מאוויך בדור הזה.
אתה רשאי להיות הוזה
בחסכון, בביתך, בשקט.

גם השירה אינה בהכרח נפסקת
כשנפסקות המלים.

זרות

ושוב מטר שמשנה כל החלטה
באור לבן כסה את המטה.

אמרי לי מחשבה אחת
שלא החלפת אם אחרים.
הלא יש פנה בעיניך
שם רק פני מסתתרים.

Как известъ едок, разъедаетъ связь.
Замаскируйся, какъ вначале, притворись,
Что ты чужая, скромно отдалясь.

Отдайся мнѣ опять и будешь, какъ рулон
Новѣйшей ткани, развернёшься здѣсь
Впервые, остальное – свет и звон,
И всё – мираж, и стоитъ предпочесть

Сомнѣнья правде, и что кожа мертвеца,
Которой ты прикрылась, можетъ быть
Лишь ракушкой для юного лица,
Уловкой, чтобы кровь разгорячить

Мою. Какъ дождь... Решеніямъ сейчасъ
Онъ возвратилъ ихъ место и ихъ часъ.

Рахель Халфи

Рыба-скульптор

Я рыба ваяющая
изъ самого труднаго материала

Я ваяю изъ воды
и вода принимаетъ меня какъ зрелая женщина
Какъ будто всегда
какъ будто только в прошломъ

Нѣтъ мига что послѣ ваянія
Нѣтъ мига что до
Лишь дрожь воды между временами

Посмотрите какъ
красива вода что выходитъ изъ подъ пальцевъ моихъ

אָמַרְי שְׁגַם הַגֶּשֶׁם הוּא מְקַרִי,
כְּמוֹ הַזְרוֹת הַמֵּאֲכֵלָה כְּסִיד.
בּוֹאִי, נִתְחַפֵּשׂ כְּבִתְחִלָּה. נִגִּיד
שְׁאֵת זָרָה, וְתַצְטַנְעִי וְתִתְנַכְּרִי

וְתִתְמַסְרִי לִי מִחֶדֶשׁ, כְּגִלִּיל שֶׁל בֶּד
שְׁמִתָּפָרֶשׁ, שֶׁלֹּא נִגְעָה בּוֹ יָד.
אָמַרְי שְׁבֻטָּעוֹת אֶת מְצֻטְדָּכָה.
שְׁזָה מְשֻׁחַק שֶׁל אוֹר, הַעֲדָכָה

שֶׁל חֲשָׁשׁוֹת עַל הָאֶמֶת.
אָמַרְי נָא לִי שְׁעוֹר הַמֵּת
שְׁבוּ אֶת מִתְכַּסֶּה הוּא רַק תִּכְסִּיס
לְעוֹרֵרְנִי בְקָרָה אוֹ לְהִתְסִיס

אוֹתִי כְּגֶשֶׁם הַמִּשְׁיב כָּל הַחֻלָּה
לְמִקּוֹמָה וְשַׁעֲתָה.

רחל חלפי.

הדג הפסל

אֲנִי הַדָּג הַמְּפֹסֵל
בְּחֹמֶר הַקֶּשֶׁה מְכֹל

אֲנִי מְפֹסֵל בְּמֵיִם
וְהַמֵּיִם מְקַבְּלִים אוֹתִי כְּמוֹ אִשָּׁה בְּשִׁלָּה
כָּאֱלוֹ תָמִיד
כָּאֱלוֹ כְּבָר לֹא

אֵין רָגַע אַחֲרֵי הַגְּלוּף
אֵין רָגַע לִפְנֵי
רַק רַעַד הַמֵּיִם שֶׁבֵּין הַזְּמַנִּים

רְאוּ אֵיךְ

Увёртливая как испуганный оленёнок
Изваянная вода!

Изваять любовь
Как изваять любовь
искрящуюся во мне сквозь воды

Рука моя перемешивает воду чтобы любовь застыла
а вода оmyвает её
Я придаю ей форму зелёной печали
и она укрывает меня глубоким одеялом

Видно, приличествует нам молчание

Хвост Эллы

Элле и Дади

У Эллы хвост соединён прямо с сердцем.
Немножко радости – немножко повилает.
Много радости – виляет быстро туда-сюда.
Не проходит и доли секунды волнения сердца
Без синхронного перевода на язык хвостика.
Что это? Единая нервная система
Или, может, хвост и есть местопребывание сердца?
Или, может, сердце её – продолжение хвоста,
Который есть продолжение
Её сердца?

Элла, Элла, такая чувствительная собачонка!
От дрожащего мокрого носика
До кончика шикарного чёрного хвоста
Ты вся – сердце.

Какая ты красивая, Элла,

כמה יפים יצאו מתחת ידי
חומקים כעפרים נבהלים
מים מפסלים!

לפסל אהבה
איה לפסל אהבה תך מים
רושפה בי פנימה

ידי לשה במים רוצה להקפיא אהבה
והמים שוטפים את האהבה
ואני מעצב אותם בעצבות ירקה
והם מכסים עלי בשמיקה עמקה

כאלו יפה לנו שתיקה

הזנב של אלה

לאלה ולדדי

לאלה הזנב מחבר ישר ללב.
קצת שמחה – קצת נענוע.
הרבה שמחה – הזנב מתנדנד חזק מצד לצד.
לא עובר חלקיק שניה של רחש לב
בלי התרגום הסימונטני לזנבית.
מה זה? מערכת עצבים משתפת?
או שמא הזנב הוא מושב הרגש?
או שמא הלב שלה הוא שלוחת
הזנב שלה שהוא שלוחת
הלב שלה?

אלה אלה כלבה רגשית כזאת
מן הזרבובית הרוטטת הלחה
אל קצה זנבה השחר המפאר
כלה לב

Какое у тебя длинное сердце,
Какое большое... Элла, Элла

איזה יפי לך, אלה
איזה לב ארך לך, אלה
איזה לב גדול לך, אלה אלה

מאיר ויזלטיר. באמת

יש אנשים שמתקשים להודות באמת
יש אנשים שהאמת מפחידה אותם
יש אנשים שכשהם רואים את האמת הם בורחים לדרום אמריקה
יש אנשים שבשבילים אמת בבית כמו מת בבית
יש אנשים שמוכנים למות פעמים ובלבד שלא יראו את האמת
יש אנשים שמוכנים למות מות מלער אבל הרחק מן האמת
יש אנשים שהאמת מרה להם מלענה
יש אנשים שמקיאם מרים של אמת
יש אנשים שהאמת שולחת אותם ישר לבת-המשגעים
יש אנשים שמוכנים להתנכר לבניהם ולאחיהם אשר דבקה בהם אמת
יש אנשים שמבטחים את עצמם כנגד האמת בפוליסה כפולה צמודה לדולר
יש אנשים שכשהם שומעים את המלה אמת הם שולחים את ידם אל האקדח
יש אנשים שמשננים לבניהם שהאמת מתה ונקברה ואין לקרא אל המתים
יש אנשים שעומדים בראש ארגון ארצי כנגד האמת
יש אנשים שעומדים בראש ארגון בינלאומי כנגד האמת
יש אנשים שאומרים שהאמת היא משל והנמשל הוא אלהים
יש אנשים שאומרים שהאמת היא הביוגרפיה שלהם
יש אנשים שאומרים שהאמת היא אויב הסיים
יש אנשים שמעידים על עצמם שהם נקיים מכל רבב של אמת
יש אנשים שאמצעי-חטוי כנגד האמת הם פרנסתם: הם ממליצים
להשתמש בהם בקר צהרים וערב, כי האמת, בדומה לנמלים
ולמקקים עשויה להתגלות במפתיע, בכל זמן ובכל מקום, כאלו יש
מאין.

Меир Визелтир
(p.1941)

О правде

Есть люди которые затрудняются признаться в правде
Есть люди которых правда пугает
Есть люди которые когда видят правду бегут от неё в Южную Америку
Есть люди для которых правда в доме подобна мёртвому в доме
Есть люди готовые умереть дважды лишь бы не видеть правды
Есть люди готовые умереть самой отвратительной смертью но только бы вдали от правды
Есть люди для которых правда горше полыни
Есть люди которых тошнит от одного только запаха правды
Есть люди которых правда приводит прямо в сумашедший дом
Есть люди готовые считать чужими своих сыновей и братьев если к тем прилипла правда
Есть люди страхующие себя от правды удвоенным полисом с привязкой к доллару
Есть люди которые услышав слово правды тянутся к пистолету
Есть люди внушающие сыновьям что правда умерла похоронена и не нужно вызывать мёртвых
Есть люди стоящие во главе национальной организации по борьбе с правдой
Есть люди стоящие во главе международной организации по борьбе с правдой
Есть люди утверждающие что правда это притча а мораль её - Бог
Есть люди считающие что их биография это и есть правда
Есть люди утверждающие что правда враг жизни
Есть люди утверждающие что к ним не прилипло ни одного пятна правды
Есть люди для которых средства против правды это их бизнес и они рекомендуют
пользоваться ими утром днём и вечером ибо правда подобно муравьям
и тараканам может обнаружиться внезапно в любом месте в любое время возникнув
как бы ниоткуда.

Стансы

Когда-то что́ есть стих мог распознать,
Теперь уж нет. Дни были полны грёз,
Теперь опустошились, и опять
Жжёт спину ночью жаркою мороз.

В вопросах нет былой их остроты,
Тупая боль — плод чувства твоего,
Иссякли жалобы, сомнения, и ты
Замкнулся, не желая ничего.

סְטָנִזוֹת

פַּעַם יָדַעְתִּי מֵהוּ שִׁיר,
אֶךְ כְּבֵר שְׂכַחְתִּי. הַיָּמִים
מָלְאוּ וְהִתְרוֹקְנוּ, וְשׁוֹב
הִגּוּ קוֹפָא בְּדָכִי לִילּוֹת חַמִּים.

וְהַשְׂאֵלָה אֲבָדָה מִדְּחִיפוּתָהּ.
רַחֲשׁוּשׁ עֵקֶשׁ בּוֹדָה מְכָאוֹב עָמוּם.
הַטְּעָנוֹת כְּבֵר הִסְתַּתְּמוּ. אַתָּה
כָּלָה לָאֵט, לֹא מִיַּחַל לְכָלוּם.

И лишь отказ слащавых слушать хор,
Стремящихся упорно круглый год
Продать тебе подпорченный товар,
Ещё силён и сдаться не даёт.

И мысль тяжёлая, что трудно побороть,
Что молнией вдруг яркий свет дарит
(Миг промелькнёт и потеряет плоть),
Последней пулей разум твой хранит.

Иона Волах
(1944-1985)

Авшалом ²⁹

Я должна ещё раз вспомнить
Своего сына Авшалома
Волосы его запутались в чреве моём
И не смогла я
 произвести сына
Я воображаю что бы я чувствовала
И жалость заливает меня
Голод какой мог бы быть
Желание продолжения
И Авшалом который продолженьем не стал
Но в другом воплощении
Он будет моим возлюбленным
И я смогу ощутить с ним память того продолжения
Ощутить телом как чрево моё освобождается
От сына моего Авшалома
Расположение падающих звёзд
И меч как магнитом влекомый
 к сердцу памяти

רק המאון לקלט את הקולות
המסחרים בתקף מתחנן
למזל לך סחורות מקלקלות
מחזיק עוד מאמד ולא נותן.

והידיעה הממלכתית, הקשה,
המבזיקה פתאם באור ראשון
(הרגע הזו, והיא כבר נקרשה)
נוצרת כפדור האחרון.

יונה וולך.

אַבְנֵי שָׁלוֹם

אֲנִי מְכַרְחָה פַּעַם נֹסֶפֶת
לְהַזְכֵּר בְּבִנִי אֲבִשְׁלוּם
שִׁשְׁעֵרוֹתָיו נִתְּפָסוּ בְּרַחֲמֵי
וְלֹא יָצָא לִי
לְגַמֵּר אֶת אֲבִשְׁלוּם בְּנִי
אֲנִי בֹנָה אֶת אִפְשָׁרִיֹת הִרְגָּשְׁתִּי
הִרְחַמִּים שׁוֹטְפִים בִּי
וְהִרְעַב הָאִפְשָׁרִי
רְצוֹנוֹת הַתּוֹרָשָׁה
וְאֲבִשְׁלוּם שֶׁלֹּא הִרְשָׁה
בְּגִלְגּוּל אַחֵר אֲבִשְׁלוּם יְהִי
אֱהֹוִי וְאֲנִי אַחוּשׁ זְכָרָה
כְּשֶׁאֲבִשְׁלוּם אֱהֹוִי
תְּחוּשָׁה גּוֹפִיִית אוֹ אֵיךְ בְּטָנִי
רִיקָה מֵאֲבִשְׁלוּם בְּנִי
סְדוֹר שֶׁל כּוֹכָבִים
נוֹפְלִים וְחָרֵב מִכָּה
בְּמִגְנֵט עַל לְבָה

²⁹ Авшалом – сын царя Давида, восставший против отца. Преследуемый в лесу, запутался волосами в ветвях дерева и был убит.

И точное ощущение:
С кем будет биться
И где успокоится
 ветер
Куда унесёт тебя ветер,
 сын мой

Танхум Авнер

Стихи

"Что делать!", - говорит продавец,
Возвращая мне мою книгу, -
"Сейчас не покупают стихов. Может быть,
У поэзии нет перспектив..."
Он разводит легонько руками
Искусным жестом отчаянья.
Чувствительный, верный торговец. Нет, правда...
Я беру у него две тяжёлые связи
Спускаюсь на улицу. Пусто. Оглядываюсь по сторонам
С видимым беспокойством, как вор,
Застигнутый прямо на месте.

* * *

Стихотворения Дана Пагиса

Мгновение в Лувре

Я тороплюсь на неотложную встречу:
В стеклянном кубе меня ожидает
(я уже опаздываю) писец фараона.
Он сидит, скрестив ноги,
весь превратившись в слух,
и смотрит на меня белыми глазами:

הַרְגָּשָׁה מְדִיקָה:
בְּמָה תִּלָּחֵם
וְעַל מָה תִּנּוּחַ
הָרוּחַ
לְאַן תִּשָּׂאךָ
הָרוּחַ בְּנִי.

תנחום אבנר.

שיר

מָה אֶפְשָׁר לַעֲשׂוֹת, שְׁעַל אוֹתִי הַמִּפְיץ
שֶׁל סִפְרֵי כְּשֶׁהִחְזִיר לִי אֶת סִפְרִי,
הַיּוֹם לֹא קוֹנִים שִׁירָה.
אוּלֵּי אֵין עֲתִיד לְשִׁירָה.
הוּא עָשָׂה בְּיָדֵיו תְּנוּעָה קְלָה,
מִיָּמְנָה, שֶׁל יְאוּשׁ. סוֹחֵר רְגִישׁ וְנֶאֱמָן
בְּהַחֲלָט.
אֲנִי נוֹטֵל בְּיָדִי שְׁתֵּי חֲבִילוֹת כְּבִדּוֹת
שֶׁל סִפְרִים וְיוֹרֵד לְרֹחוֹב הָרִיק, מִתְבּוֹנֵן לְצַדִּדִּים
בְּאִי-נוֹחוֹת גְּלוּיָהּ,
כְּגַב הַנִּתְפָּס בְּשַׁעַת מַעֲשֵׂה.

שירי דן פגיס

רגע ב-לובר

אֲנִי מְמַהֵר לַפְגִּישָׁה דְּחוּפָה:
בְּתוֹךְ תִּבְתּ הַזְּכוּכִית מִמֵּתִין לִי
(אֲנִי כְּבָר מֵאַחֵר) הַסּוֹפֵר הַמֵּהִיר שֶׁל פְּרָעָה.
יָשׁוּב בְּשִׁכּוּל רְגָלִים,
כָּלֹ קָשׁוּב
הוּא מְבִיט בִּי בְּעֵינָיו לִבְנוֹת.

что я ему продиктую?
Что поручено мне продиктовать ему?..

Посетители, случайно задержавшиеся на мгновение,
отражаются в стекле и стираются с него.

Итак, мы вдвоём.
Его колени смотрят на меня терпеливо.
Ну, итак...
Он – обожжённая глина,
я – глина, застывающая постепенно.
Что прикажу ему?

Он смотрит почти неподвижно
на моё молчание,

он процарапывает его
на гладкой дощечке.

Я бросаю взгляд на часы, ухожу и стираюсь
со стекла и с лица его.
Он не заметил, что я уже был.
Он ждёт меня.
Я уже опаздываю.

Внезапное сердце

Внезапное сердце, акробат без лонжи
и без отдыха, доколе?
Внизу бегут для тебя лошади по освещённой арене,
плюмажи перьев на их головах приветливо машут.
Но уже причитают по тебе в отрывистом ритме
печально ворчащая туба
и с нею контрабас, сентиментальный старик.

מה אֶכְתִּיב לוֹ.
מה מִטֵּל עָלַי לְהִכְתִּיב לוֹ.

מְבַקְרִים בְּאַקְרָא מִתְעַכְּבִים לְרָגַע,
מִשְׁתַּקְּפִים בְּזִכּוּכִית, נִמְחָקִים.

וּבָכָן שְׁנִינוּ.
בְּרָפִיו מְבִיטוֹת בִּי בְּאַרְךָ רוּחַ.
וּבָכָן מָה.
הוא טִיט שָׁרוּף,
אֲנִי טִיט מִתְקַרֵּשׁ וְהוֹלֵךְ.
מָה אֶצְוֶה לוֹ.

הוא רוֹאֶה כְּמַעֵט בְּלִי נֹעַ
אֶת שְׁתִּיקוֹתִי,
הוא חוֹרֵט אוֹתָהּ
עַל לִוַּח חֶלֶק.

אֲנִי מְצִיץ בְּשַׁעוֹן, הוֹלֵךְ וְנִמְחָק
מֵעַל הַזִּכּוּכִית, מֵעַם פָּנָיו.
לא רָאָה שְׁכָבֵר הִיִּיתִי.
הוא מְמַתִּין לִי.
אֲנִי כָּבֵר מֵאַחֵר.

לב פתאמי

לב פֶּתָאמִי, לוֹלִין בְּלִי חֶבֶל
וּבְלִי מְנוּחָה, לְמַתִּי?
לְמַטָּה נָדִים לָךְ סוֹסֵי הַזִּירָה הַמוֹאֲרֶת,
צִיצֵי הַנוּצוֹת עַל רֹאשָׁם נוֹפְפִים לְשִׁלּוֹם.
וּכְבֵּר סוֹפְדִים לָךְ בְּקֶצֶב הַקְּטוּעַ
הַטּוֹבָה עֲגוּמַת הַנְּהִימָה
וְהַבְּטוּן, זָקֵן סְנִימָנְטָלִי.

Предвидя твоё падение,
напрягся в глубине души
барабан.

לקראת נפילתך
נמתח הרחק בעמק
התר.

Но этот голубой простор,
но это свободное падение,
но эта острая радость... О сердце!

אבל החלל הכחל הזה,
אבל הנפילה החפשית,
אבל השמחה החדה, הו לב.

Опознание

התודעות

В дальней комнате нашего дома
на кромке на удивление извилистого облака
мчался на лошади сколько хватало дыхания
китайский всадник, вышитый шёлковой нитью.

בחדר האחרון בביתנו,
בשולי ענן מפתל להפליא,
היה דוהר על סוסו עד פלות הנשימה
פרש סיני רקום קורי משי.

Мчался и мчался из Китая и пытался доехать.
С годами он стал бросать на меня косые взгляды
с досадой. Я хотел пуститься ему навстречу, но
расстояние было слишком велико.

דהר ודהר מסין ונסה להגיע.
עם חלוף השנים לכסן לעברי מבטים
של תרעמת. רציתי לצאת לקראתו, אבל
המרחק היה גדול מאד.

Теперь, когда прошли годы и когда я обнаружил,
что мы ошибались и что мы оба – один
и вышиты друг в друге,
я уже не знаю, где он – улетучился ли в облаке
или сгорел вместе с домом.

בסוף השנים, כשאני מגלה שטעינו
וששנינו היינו אחד, רקומים זה בזה,
כבר אינני יודע איפה הוא: נדף בענן
או נשרף עם הבית.

Эпилог к «Робинзон Крузо»

אפילוג לרובינזון קרוזו

С острова, полного попугаев и забытого речью,
он вернулся, как если бы вчера задержался,
дожидаясь попутного ветра. Вернулся, и вот он здесь.
Но у входа в дом, как оказалось, вертелись на своих осях
все прошедшие года.

מאי כבד תפיים ושכוח דבור
הוא חזר, פאלו אַתמול נתעכב
עד בוא רוח טובה. חזר והנהו.
אך בפתח הבית סובבו פתאם
כל השנים על צירן.

И тогда

ואז,

посреди пустых кресел он понял,
 что́ между тем произошло, и поумнел,
 как тот, у кого нет дороги назад.
 Слишком умный для жизни, опустошённый, с тонкими
 седыми волосами, он жил,
 попыхивая трубкой своих историй, и говорил,
 чтобы заглушить постукивание и позвякивание своих мёртвых.
 Говорил и говорил об острове, который в историю не вошёл.

Новый любовник

Ты подбираешь меня – червонец, другою почти что забытый,
 Трёшь меж большим и указательным пальцами.
 Я стараюсь выглядеть новым, даже слегка блеснуть.

Ты уточняешь стоимость, выбитую на мне,
 Всматриваешься в оттиснутую на мне физиономию.
 Я величествен, почти как всамделишный император.

Мало того, ты склоняешь ко мне чуткое ухо,
 Постукиваешь, слушаешь. Я издаю для тебя
 Чистейший звон почти без изъяна.

Под конец, как умудрённый жизнью меняла,
 Ты надкусываешь меня: не прогнётся ли он,
 Этот фальшивый червонец?

Я выдерживаю пробу, я твёрд (ну, не то чтобы золото,
 Но вполне подходящий сплав). И теперь ты сможешь
 Со спокойным сердцем растратить меня.

1976

Мозг

בין כַּרְסוֹת חֲלוּלוֹת יָדַע
 מַה נָּפַל בֵּינֵתִים, וְהַחֲכִים
 כְּמִי שֶׁאֵין לָפָנָיו חֲזָרָה.
 חֲכָם מִלְחִיּוֹת, שְׂדוּף וְדָק שִׁיבָה הוּא חִי
 עִם מְקַטְרֵת סְפוּרִיו, וְדָבָר -
 כְּדִי לְהַחְרִישׁ אֶת תִּקְתִּיק מִתְּיוֹ
 וְאֶת צִלְצוּלָם – דָּבָר וְדָבָר
 עַל אִי שֶׁלֹּא בָּא בְּמִנְיֵן הַקְּרוֹרוֹת.

מאהב חדש

את אוֹסֶפֶת אותִי, זָהוּב כְּמַעֵט עָזוּב,
 וּמִשְׁפָּשֶׁפֶת אותִי בֵּין אֲגוּדֵל וְאַצְבָּע:
 אֲנִי מִשְׁתַּדֵּל לְהִיּוֹת חֵדֶשׁ, אֲפִלּוּ קֶצֶת לְהַבְרִיק.

את בּוֹחֶנֶת אֶת עֶרְכִּי הַנִּקְוָב,
 מִתְבּוֹנֶנֶת בַּפְּרָצוּף שֶׁנִּטְבַּע בִּי:
 אֲנִי מִתְגַּדֵּל, כְּמַעֵט קִיסָר שֶׁל מַמָּשׁ.

לא דִּי. את מְרַכִּינָה אֵלַי אֶזֶן דּוֹאֶגֶת,
 מְקִישָׁה, מְקַשִּׁיבָה לִי: אֲנִי מִשְׁמִיעַ לָךְ
 אֶת צִלְצוּלֵי הַזֶּךְ בִּיּוֹתֵר, כְּמַעֵט לֹלֵא סִיג.

לְבִסּוֹף, כְּחִלְפָנִית לְמוֹדֵת נִסְיוֹן,
 את נוֹשֶׁקֶת אותִי: אוֹלִי יִתְעַקֵּם
 הַזָּהוּב הַמְזִיזִי הַזֶּה.

אֲנִי קָשָׁה, עוֹמֵד בְּנִסְיוֹן: אֲמָנָם לֹא זָהָב,
 אֲבָל נֶתֶךְ הַגּוֹן. עֲכָשׁוּ תוֹכְלִי
 בְּלֵב בּוֹטֵם לְבַזְבֵּז אותִי.

מח

Во тьме черепной коробки
Он обнаруживает внезапно,
Что родился.
Тяжёлый момент.

С тех пор он очень занят. Он размышляет
О том, что он размышляет о том...
Он крутит и вертит:
А выход-то где?

Если в каком-то мире имелись бы вещи,
Он бы, конечно, их очень любил.
Он бы для каждой придумал название.
Вот, например, название: мозг.
Это я – мозг. Мозг – это я.

С тех пор он скитается, ищет: должно же быть место,
Где можно найти покой.

Как развеять тьму?
Мозг витает одиноко над бездной.
Но вот в лобной кости разверзаются вдруг
Две глубокие раны – глаза
И начинают ему доносить
О вселенной: "Тут перед тобой распростёрся
Мир, который уже завершён и укреп".
А мозг-то витает не выше,
Чем метр шестьдесят от земли!
Но сейчас, когда ему стало всё ясно,
Голова закружилась ужасно от такой высоты:
Метр шестьдесят!
Одинокий над бездной.

בתוך ליל הגלגלת
הוא מגלה לפתע
שנולד.
רגע קשה.

מאז הוא טרוד מאד. הוא חושב
שהוא חושב ש
והוא סובב סובב:
איפה המוצא?

אלו היו דברים באיזה עולם,
היה בודאי אוהב אותם מאד.
היה קורא שמות לכלם.
למשל שם אחד: מם.
זה אני: מם: אני הוא.

מאז הוא גולה, נדמה לו:
אפשר היה למצא מנוח.

איה יגיע את החשק?
מח מרחף לבדו על פני התהום.
אבל עכשו נבקעים בעצמות המצח
שני פצעים עמקים, עינים –
העינים מלשינות לפניו
על העולם: הרי כאן, לפניו, משתרע
עולם גמור ומוצק,
ומח מרחף רק
מטר וששים סנטימטר מעל לרצפה!
אבל עכשו שנודע לו הכל,
תוקפת אותו סחרחרת גבהים נוראה:
מטר וששים!
לבדו על פני התהום.

Мозг обнаруживает партнёра (такой же затворник).
 Оба – любители беспроводной связи
 И в свободное время посылают друг другу
 Сигналы со своих чердаков.
 Мозг вопрошает, к примеру:
 Есть у тебя клавиатура, центры сигнализации,
 Память в шестьсот миллионов ячеек, и как
 Ты себя чувствуешь, мозг, в черепной коробке?

Иногда он пытается пошутить:
 Что там слышно у вас,
 Что, мозг, у вас видно,
 Чем пахнет и что есть вкусенького?
 (Он-то знает, что чувство шестое его
 Важнее всех чувств остальных!)
 Но приятель его раздражён:
 Я прошу не морочить мне голову, мозг.

Впрочем, время идёт, и приятель становится другом,
 С ним теперь можно касаться интимных проблем:
 Послушай, ты способен забыть?

Один из его страхов: Иероглифы
 Ещё вырезаны на нём.
 Он – извилистый мозг умершего фараона.
 Но фараон пока не готов:
 Прежде, чем из него сделают мумию,
 Жрец должен просверлить его ноздри
 И извлечь через них
 Остывший мозг.

מח מוצא לו חבר, סגור כמוהו.
 שניהם חובבי אלחוט,
 ובשעות הפנאי הם משדרים זה לזה
 מעלית הגג.
 מח שואל למשל:
 יש לך הקשים? מרכזי אזהרה?
 שש-מאות-מיליון תאי זכרון?
 ואיך אתה מרגיש בקפסולת הגולגולת שלך, מח?

לפעמים הוא מנסה להתבדח:
 מה נשמח אצלך?
 מה נראה אצלך, מח,
 מה נטעם ומורח אצלך עכשיו?
 (והריהו יודע שחושו הששי
 דוקא הוא החשוב בין חושיו!).
 אבל חברו מתעצבן:
 אני מבקש ממך, אל תבלבל אותי, מח.

כעבר זמן הוא באמת מתידד איתו,
 והוא משדר לו גם בעיות אישיות בהחלט:
 שמע-נא, אתה יודע לשכח?

בין שאר פחדיו: שכתב החרטמים
 עדין חקיק בוא.
 הוא מחו המפתל של פרעה במוותו.
 ופרעה טרם מוכן:
 לפני שחונטים אותו,
 מחרר החונט את שני נחיריו
 ושואף דרכם
 את המוח הקר.

И было на полпути к смерти, в печали
О жизни, пройденной до половины,
Когда застрял я в чаще артерий, в сумрачном лесу...

В артерий чашу, между мной и тем, что ждёт,
Ворвалась вдруг, пробив себе дорогу,
Живая кровь – раба моя и госпожа...

Зачем я говорил, кому?.. Не то!
Ведь я ж не об этом хотел рассказать.
Алло! Кто слушает, кто там? Алло!

וְיִהְיֶה בְּמַחְצִית מוֹתִי, בַּצֶּעַר
עַל מַחְצִית חַיִּי, וְעוֹד אֲנִי
אֶחָז בְּסִבָּה עוֹרְקִים, בְּאֶפֶל יַעַר,

בְּסִבָּה עוֹרְקִים, בֵּינִי וּבֵין דִּינִי –
הַגִּיחַ פָּתַע וּפָרַץ לוֹ דֶּרֶךְ
הַדָּם הַזֶּה, עֲבָדִי וְאֲדוֹנִי –

לְמָה דִּבַּרְתִּי. וְאֵל מִי. לֹא לֹא,
הֲרִי לֹא זֹאת רְצִיתִי לְהוֹדִיעַ.
הֲלֹא? מִי שָׁם, מִי מֵאֲזִין? הֲלֹא?

Внутренние артерии головы подходят к передней части
Основания мозга, от них ответвляются артерии мозга –
Переднего, среднего и заднего. В коре мозга,
Несмотря на то, что она очень (очень!) тонка, сосредоточено
Большинство нейронов нервной системы: у человека –
Около 10 миллиардов. Мозг – орган времени. Собака,
У которой удалён большой мозг, может некоторое время жить.
Но только в настоящем. Всё собачье прошлое сразу угасает,
Собачье будущее больше не существует.

Мозг зевает. Он смущён от столь большой славы.
Эти чудесные буквы! Кто их придумал?
Мозг. А бумагу? Мозг.
А меня?
Но мозг уже научился защищаться
От подобных атак.
Он даёт команду: Да будет мрак!
И сразу

עוֹרְקֵי הָרֹאשׁ הַפְּנִימִיִּים מְגִיעִים לַחֲלָק הַקֶּדְמִי
שֶׁל בְּסִיס הַמֶּחֱ, וּמֵהֶם מִסְתַּעְפִּים עוֹרְקֵי הַמֶּחֱ הַקֶּדְמִי,
הָאֲמֻצִּי וְהָאֲחֹרִי – שְׁלֹשֶׁתָם. בְּקִלְפַת הַמֶּחֱ,
אֵף עַל פִּי שֶׁהִיא דִקָּה מְאֹד (מְאֹד) מֵרֶכֶז הָרֵב הַגָּדוֹל
שֶׁל גּוּפִי נוֹרוֹנִים בְּמַעֲרֶכֶת הָעֵצָבִים:
בְּאֶדָם בְּעֶרְךָ 10 מִילִי־אַרְד. הַמֶּחֱ הוּא אֶבֶר הַזְּמַן. כָּלֵב
שֶׁהוּצָא מִמֶּנּוּ מִחוּ הַגָּדוֹל עוֹד יָכוֹל לְחִיּוֹת זְמַן-מָה,
אֲבָל רַק בַּהוֹנָה. כָּל הָעֶבֶר הַכָּלְבִּי כָּבֵה מִיָּד,
הָעֵתִיד הַכָּלְבִּי כָּבֵר אֵינּוּ קָיָם.

מִחַ מְפָהֶק: הוּא נָבוֹךְ מְרֵב תְּהִלָּה.
הָאוֹתִיּוֹת הַנִּפְלְאוֹת הָאֵלֶּה! מִי הִמְצִיא אוֹתָן?
מִחַ. וְאֵת הַנִּיֶּר? מִחַ.
וְאוֹתִי?
אֲבָל מִחַ כָּבֵר לְמַד לְהִתְגַּוֵּן
מִפְּנֵי הַתְּקִפָּה שֶׁקִּזְזָאת.
הוּא נוֹתֵן אוֹת: יְהִי אֶפֶל!
וּמִיָּד
סוּגְרוֹת הָאֲצָבָעוֹת

Пальцы закрывают
Энциклопедию.

10

Чей он, страх этот, если эти руки – руки мои? Мой, мой.
Чей он, нож этот острый, артерии эти? Мои, мои.
Чья она, удивительно быстрая кровь?

11

Он хочет быть верным
Только себе,
Быть чистым, пустым,
Без памяти, как зеркала.

12

Он – луна, чьи две половины
Навеки погружены во мрак.

13

Мозг считает
Секунды на пути от звезды к звезде,
Годы на пути от песчинки к песчинке,
Световые годы на самом длинном своём пути – к мозгу.

14

Час желаний. Он немного нежится
В размышлениях о том,
Что в какой-то туманности,
В пространстве меж звёздами,
Смешавшимися в млечный пар,
Ждёт его, наверняка, некое предназначение,

את האנציקלופדיה.

10

של מי הפחד אם הידים ידי? שלי, שלי.
של מי הספין החד, של מי העורקים? שלי, שלי.
של מי הדם המהיר להפליא?

11

הוא מבקש להיות נאמן
רק לעצמו,
להיות נקי וריק,
ריק מזכרון כמו ראי.

12

הוא ירח ששני חצאיו
שקועים לעד באפל.

13

מח מונה
שניות בדרך מוכב למשנהו.
שנים בדרך מגרגר-חול למשנהו.
שנות-אור בדרך הארקה ביותר: אל מח.

14

שעת רצון. הוא מתפנק מעט
בהרהוריו, כגון
ששם, באיזו ערפלית,
בחללים שבין הכוכבים
שנתמזגו להבל חלבי,
שם מצפה לו ודאי איזו תכלית –
סתומה עדין, אה כלה שלו.

Пока непонятное, но предназначенное только ему.
 Завтра ли, послезавтра - когда пожелает -
 Сбросит серую тюремную робу
 И в тонкой ореховой скорлупе
 Выйдет, отчалит, достигнет... – властитель
 Бессчётных скоплений миров.

15

Мозг зондирует всё, что есть рядом: да, он окружён.
 Черепная коробка – не убежище.
 В лабиринте петляет
 Другой лабиринт.

Мозг сейчас огромен: серое облако,
 Очень тяжёлое. В его глотке застряла
 Зигзагообразная молния – ни выплюнуть и ни проглотить.

Минуту, минуту... Мозг слышит, как сам он
 Тикает. Так.. Минуту, минуту...
 Бомба с часовым механизмом?
 К такому он вовсе не был готов.
 Не предвидел.

Но мозг, не медля, отбрасывает эту мысль
 И постановляет: я - только сон.

16

Мозг принимает сигналы
 С огромных расстояний.
 Из пространства, удалённого на годы мрака,
 Доходит до него живой код:
 Другой мир непрерывно сигналил сейчас, как и он,
 Не засыпая, как он,
 Не сознавая...

מָחַר או מְחֻרָּתִים, אִם יִחְלִית,
 יָסִיר לְבוּשׁ הַכֶּלָּא הָאֶפֶר,
 וּבִקְלַפַּת אֶגוֹז דִּקְהָה
 יֵצֵא, יִפְלִיג, יִגִּיעַ: הוּא שְׁלִיט
 עַל אֲשֻׁכּוֹלוֹת שֶׁל עוֹלָמוֹת אֵין-סָפוֹר.

15

מִחַ מְגַשֵּׁשׁ סְבִיבֹ: הוּא מְקַרָּה.
 הַגְּלָגֶלֶת אֵינָנָה מִפְּלִט.
 בַּמְבוּרָה מִתְפַּתֵּל
 הַמְבוּרָה.

מִחַ עֹכָשׁוֹ עֵנְקִי: עֵנָן אֶפֶר,
 כְּבֹד מָאֵד. בְּתוֹךְ לַע הָעֵנָן הַזֶּה תִּקְוֶה
 בָּרֶק עֵקָם. לֹא לְהִקְיָא וְלֹא לְבָלַע.

רָגַע-רָגַע: מִחַ שׁוֹמֵעַ אֶת עֲצָמוֹ
 מִתְקַתֵּק רָגַע-רָגַע.
 פְּצֻצַת-זָמָן?
 לִזָּה לֹא הָיָה מוֹכֵן בְּכָלֵל.
 לֹא הָיָה עֹר.

אֲבֵל מִחַ מִתְנַעֵר מִיד
 וְגוֹזֵר: אֲנִי רַק חֵלּוֹם.

16

מִחַ קוֹלֵט אוֹתוֹת
 מִמְּרַחֲקִים עֲצוּמִים.
 בְּחִלֵּל, מַעֲמֵק מִמְּנוֹ
 צֶפֶן חֵי מִגִּיעַ אֵלָיו:
 עוֹלָם אַחֵר מְשֻׁדָּר בְּלִי הֶרֶף, כְּמוֹהוּ,
 בְּלִי תְנוּמָה, כְּמוֹהוּ,
 בְּלִי דַעַת.
 - לֵב?

Мозг с удовлетворением проверяет свои центры:
 Центр речи, центр лжи,
 Центр памяти
 (В нём есть больше семи десятков часов разных лет),
 Особый центр боли...
 Вдруг
 (Простите, кто говорит? Кто это?)
 Он потрясён сенсационной новостью:
 Существует неизвестный круг,
 Центр которого находится всюду,
 А периметра нет нигде.
 Центр его близок настолько,
 Что никогда
 Не удастся увидеть его.

Теперь он предвидит:
 Он расстанется постепенно, нехотя,
 И немного сумбурно...
 Первым
 Покидает его страх
 И исчезает.
 Потом он прощается с насмешливостью,
 С весёлым настроением,
 С игрой слов.
 Потом отключается интуиция.

Некоторое время он мешкает: ведь было здесь что-то,
 Очень близко, беспокоило. Что это было?..

Потом уже помнить не нужно.

מח סוקר בספוק את מרכזיו:
 מרכז לדבור, מרכז לקזב,
 מרכז לזכרון
 (שבועים שעון ושעון, לפחות, וכלם שוני שנים)
 מרכז מיוחד לכאב - -
 פתאום
 (מי מדבר בבקשה? מי שם?)
 הוא נדהם מפני חדשה מרעישת:
 קיים מעגל נעלם
 שמרכזו בכל מקום
 והקפו בשום מקום איננו:
 מרכז קרוב כל כך
 שלעולם
 לא יוכל לראותו.

עכשו הוא כבר רואה את הנולד:
 הוא יפרד לאט, בלי רצון,
 וקצת באי סדר.
 ראשון.
 נוטש אותו הפחד
 ונמלט.
 אחר כך הוא נפטר מן הלעג,
 מבדיחות הדעת,
 מלשון נופל על לשון.
 אחר כך נתקים נחישיו.

זמן מה הוא משתהה: הרי היה כאן משהו,
 קרוב מאד, מטריד. מה זה היה - -

אחר כך כבר איננו נדרש לזכר.

Потом
Он забыт,
И он – свет

אחר כך
הוא נשכח
והוא אור

Стихотворения Эстер Рааб

שירי אסתר ראב

Роща

החרשה

Роща прижавшаяся к горизонту
Серая роща к утреннему горизонту
Тучи над ней в скачке стальных коней
Растопчут нежность её маленьких крон
Тучи накрыли её
Замашут над нею дождями –
Серым и чёрным
И вдруг раскроют её – потрясённую и мечтательную
как обещание горизонтам –
далёкое и сияющее
на золотых песках
светлых как дорогое украшение,
смутное обещание
в погашенном языке пламени
дням которые ещё наступят

החרשה אשר באפק דבקה
חרשה אפרה לאפק בקר
עננים ממעל לה בדהרות סוסי פלדה
יבוססו עדנת צמרותיה זעירות
עבים חפיה
ינפפו עליה מטרות -
אפר ונשחור
ולפתע יגלוה - מזעזעת וחולמת
בהבטחה לאפקים רחוקה
זוהרת
על פני חולות הזקב
בהירים כתכשיט יקר מציאות
פהבטחה עוממת
בלהבה כבוייה
לימים יבואו

Я

אני

На самом деле я так и не вышла на свою дорогу –
дорогу широкою озарённую светом
и обсаженную по краям деревьями
Всю жизнь я брела по окольным дорогам
ведущим в никуда глубоко страдая погружённая в печаль
Я не расцвела так как было во мне заложено
Может я - десять крепких как дубы сыновей

בעצם לא הגעתי אף פעם
לדרכי
דרך רחבה זרועת אור ושתולת עצים
תמיד השתלשלתי ביסורים גדולים בירכתי
בדרכים צדדיות לא שלמות טבולה בצער
לא הגעתי לכלל פריחתי הטבועה בי
אולי היו אלה עשרת בני האיתנים כאלונים

которые не вышли из моего чрева
Может я мать племени которое сбилось с дороги в пустыне
или совершенный и элегантный синий цветок-медонос
а может быть я –искра затерявшейся в пространстве звезды

Дрофа

Она встаёт из глубин времени
Я вижу её:
Дрофа токует
нежно
с перерывами
в дрёме
в предрассветных зимних сумерках;
Мой отец идёт уверенно
тяжёлыми шагами
вытаскивает из сарая и тащит плуги:
Глухое звучание металла -
удары по земле
Дрофа -
голос её всё громче -
и храп лошадей
фыркающих в утреннюю прохладу
заставляют меня дрожать всем телом
Мой отец
в утреннем холоде
зимой
в предрассветных сумерках

שְׁלֹא יֵצְאוּ מִמֶּעִי
אוֹלִי אֲנִי אִם שֶׁבֶט שֶׁאֵבֵד דֶּרֶכּוֹ בְּמִדְבָּר
אוֹ צוֹפִית נֶעְלָה כְּחֹלָה וְאֶלְגָּנְטִית
וְאוֹלִי אֲנִי נִיּוּץ מִכּוֹכֵב אֲבוּד בְּחֹלֶל

חוּגָה

מִנְבְּכֵי-הַזָּמָן
הִיא עוֹלָה
אֲנִי שׁוֹמֵעַת אוֹתָהּ:
חוּגָה מְצִיָּצֶת:
רְפוּת -
בְּהֶפְסָקוֹת
מְנַמְנֶמֶת:
תּוֹךְ דִּמְדוּמֵי-שָׁחַר
חֶרֶפִּי;
אֲבִי מְהֵלֵךְ כְּבִדּוֹת
וּבִטּוּחוֹת:
מוֹצִיא מִחֶרְשׁוֹת,
גּוֹרֵר מִן הַמַּחֲסָן;
צִלִּיל בְּרָזָל עָמוּם -
חֲבֻטָּה בְּקֶרֶקַע
הַחוּגָה -
קוֹלָה הוֹלֵךְ וְחִזְקוֹ;
וְחֶרְחוּר הַסּוּסִים
הַנוֹשָׁפִים לְתוֹךְ צִנֹּת-הַבֶּקֶר -
מְרַעֲדִים אֶת כָּלִי -
אֲבִי
בֶּקֶר-הַבֶּקֶר
בְּחֶרֶף -
עִם דִּמְדוּמֵי-שָׁחַר

יעקב פיכמן

Стихотворения Якова Фихмана

Караван в пустыне (Налево, направо)

Куда ни глянь, кругом песок.
В пустыне жёлтой нет дорог.

И лишь мираж лесов вдали
У края неба и земли.

Идёт, качаясь, караван –
Живой фантом из дальних стран.

Верблюдов цепь идёт след в след,
И звон вверх-вниз шагам их вслед.

Дин-дон! Шагают, как во сне,
Как пахари по целине.

От моря к морю путь прямой.
Их лёгок шаг, их строен строй.

И, как наказ, дин-дон звучит:
Иди – неси! Иди – молчи!

Скитаний песнь легко понять:
Легко нести, легко шагать!

Песня на музыку Давида Заави (1927) в исполнении Шошаны Дамари
на сайте <https://www.youtube.com/watch?v=JPoS9kl3SME>

Легенда

(У берега Кинерета)

אורחה במדבר (ימין ושמאל)

עירם וחול, ימין ושמאל.
יצהיב מדבר ללא משעול.

רק קו בפאת יערים חד,
צלו על פני האפק יט.

אורחה עוברת, דומם נעה,
כדמות בדים שם מפלטה.

הד צליל עולה-יורד קצוב.
גמלים פוסעים בנוף עצוב.

זה אחר זה ישרי-פסיעה
כחורשי-נר יחצו ציה.

לין-לין ! לין-לין ! מים אל ים.
כל נוע קל, כל צעד תם,

שמע קול הצליל כצו מתוק :
הלוך ונשאת ! הלוך ושתוק !

לין-לין ! לין-לין ! זה שיר הנדוד.
רק קל לשאת ! רק קל לצעד !

אגדה

(על שפת ים כנרת)

Возле озера чаши
Есть дворец, всех он краше.
Сад там Божий на склоне
Недвижим и спокоен.

על שַׁפַּת יָם כְּנָרַת
אַרְמוֹן רַב תִּפְאָרֶת,
גֵּן אֵל שָׁם נְטוּעַ,
בּוֹ עֵץ לֹא יָנוּעַ.

Отрок в нём, словно птица,
Что средь леса ютится.
Он внимает уроку
Элияу-пророка.

מִי גֵר שָׁם ? רֵק נַעַר
כְּעוֹף בְּדָמִי יַעַר !
לוֹמֵד שָׁם תּוֹרָה הוּא
מִפִּי הַנְּבִיא אֱלִיהוּ.

Чуть Кинерет струится,
И слетаются птицы,
Чтоб, прервав своё пенье,
Внять благому ученью.

הֵס גַּל לֹא קוֹלֵחַ,
כָּל עוֹף הַפּוֹרֵחַ
עוֹמֵד וְשׁוֹמֵעַ -
תּוֹרַת אֵל בּוֹלַע.

1921

Песня на музыку Х.Карцивски в исполнении Шломит Аарон на сайте
<https://www.youtube.com/watch?v=rine2aRJ0IA>

Парус

Кто же я?
Только белый парус в море пустом.
Пою и скитаюсь, здесь повсюду мой дом.
Могу освежиться в бурю чёрной водой,
Ветра и тучи подружились со мной.

Куда? Мне о странах, где небо видно со дна,
Из бездны зелёной тихо шепчет волна.
Без цели плыву я, куда ветер велит,
И каждый остров душе радость сулит.

Белый парус, коварной я подвластен судьбе.
Привет сердечный, каждый берег, тебе!

המפרש

מִי אֲנִי ?
רֵק מִפְּרֶשׁ לָבֵן בּוֹדֵד.
עַל מַיִם רַבִּים רֵן אֲנִי וְנוֹדֵד;
וּמַיִם שְׁחוּרִים לִי יִיטִיבוּ פָּנִים
וְרוּחוֹת לַיִל לִי רַעוּ וְעֲנֵנִים.

לֵאן ? עַל מַיִם וְאַרְצוֹת-הַיָּם רְחוֹקִים
לִי שָׂרִים חֶרֶשׁ גַּלִּי-תְהוֹם יְרוֹקִים,
וְשִׁבּוֹי הַרוּחוֹת אֶתְעַיְמִם רַבִּים -
כָּל אֵי, כָּל חוֹף לְנַפְשִׁי גִיל מְנַבְּאִים.

אֲנִי רֵק מִפְּרֶשׁ לָבֵן עַל פְּנֵי יַמִּים,
וְשְׁלוֹמִי אֵל כָּל חוֹפֵי לַיִל נֶשְׁמִים;
לִי שִׁיר כָּל יוֹם, לִי רַבְבוֹת תַּנְחוּמִּים -

Что день, новой песней утешен, храним,
Скитаюсь с ветром я с печальным морским.

В исполнении Давида Багли песню на музыку П.Гриншпуна можно прослушать на сайте

http://zemer.co.il/FlashPlayer/player.asp?version_id=179

Рука коснулась

Рука чья-то тронула вдруг паланкин,
И дрогнули шторы дня моего.
Внезапно ветер принёс печаль,
Но, сердце, скажи, как знать – отчего?

Под солнцем, как лев, разлётся мир.
Он рад погреться в нимбе лучей.
Над счастьем склонилось сердце моё,
Как клонится ива над тенью своей.

Она вышивает ветвями узор,
Пока ещё солнца свет не исчез.
Покоем полное сердце стучит
Под лёгким куполом синих небес.

О сердце, скажи, почему ты с днём
Расстаться торопишься поскорей
И, как перед бурей птица к гнезду,
Стремишься так к тревоге своей?

Ты стало чуждым вдруг, солнце моё,
Хоть ночь пока ещё далека.
И тайно по ткани лучей мой удел
Судьбы незримой вышивает рука.

1915

В исполнении Мирьям Левитин песню на музыку неизвестного композитора можно прослушать на сайте

וְנִדְ אֲנִי עִם רוּחוֹת-יָם עֲגוּמִים.

יד מי נגעה

יד מי נגעה באפיריון
וילאות יומי זעו,
רוחות באות, נושאות עצב,
והלל לא ידע מה הוא.

פארי עוד ירבץ עולם
תחת שמש שש בהילו;
אך הלב כבר נשח על אשורו,
כעץ ערבה על פני צלו.

כעץ ערבה רוקם ערב
על פני יריעות נהרה,
נע לבבי, שבע מנוחה,
תחת חפת תכלת ברה.

לבי, לבי, מה תמהר
פה מיזמך להפרד,
וכמו צפור לפני סער
אלי קנה, אתה חרד ?

אותות ערב עוד רחקים –
שמש, שמש, ואת כבר זרה !
ועל יריעות אור רוקמת
את גורלי יד נסתרה.

Стихотворения Хаима Ленского

הלילה שוב נגלית

И вот ты ночью вновь передо мной

И вот ты ночью вновь передо мной:

Всё та же красота, всё тот же взгляд.

Такая же восемнадцать лет тому назад

Ты невзначай украла мой покой.

Увы! Вернулся он. Кто звал его, кто звал?

Душа была когда-то холодна –

Он стужей кровь ещё сильнее сковал.

Красива как! И как мила! И как нежна!

Не торопись из грёзы исчезать,

Пока не украдёшь покой опять.

הלילה שוב נגלית בחלומי,
מאום מיפי מראיך לא שנה.
כזאת לפני שמונה-עשרה שנה
הופעת ולתמך גזלת שלומי.
אבוי! הוא שב. ומי בקשו? מי? מי?
צונן משהיה בראשונה
יצק את קפאנו לתוך דמי.
האהבה! החביבה! העדינה!
אל-נא תחיש צאת מחלומי
עד אם שנית לא תגזלי שלומי.

Приложение. Соответствие названий частей Библии на иврите и на русском языке

Диврей-הא-ямим – книга Хроники или Летопись (в разделе Писания)

Ирмияהу – книга Иеремии (в разделе Пророки)

Ишаяהу – книга Исаии (в разделе Пророки)

Коһелет – книга Экклесиаст (в разделе Писания)

Кетувим – Писания, раздел Ветхого Завета

Невиим – Пророки, раздел Ветхого Завета

ТАНАХ – Библия, Ветхий Завет

Шемюэйл – книга Самуила (в разделе Пророки)